
уральский

следопыт

№9 *** 1975

XXV
СЪЕЗДУ

*ЖДУТ САМОЛЕТ ГЕОЛОГИ, ЗАБРАВШИЕСЯ
В НЕПРОХОДИМЫЕ МЕСТА.
СПЕШАТ НА КРЫЛЬЯХ К БОЛЬНОМУ ВРАЧИ
И ФЕЛЬДШЕРЫ САНАВИАЦИИ.
ТОРОПЯТСЯ В ПЕКЛО ЛЕСНОГО ПОЖАРА ДЕСАНТНИКИ.
РАДЫ СВОЕМУ ПОМОЩНИКУ — АВИАЦИИ —
ТРУЖЕНИКИ ПОЛЕЙ.
ТРУДНО ОБОЙТИСЬ БЕЗ НЕЕ БУРОВИКАМ,
СТРОИТЕЛЯМ ДЭП.
А ПАССАЖИРУ — ТАК И ВОВСЕ...
ВСЕМ НУЖЕН ВОЗДУШНЫЙ ТРУДЯГА!*

— По каким адресам отправляет авиаторов Урала пятилетка? — спросили мы начальника Уральского управления гражданской авиации Валентина Андреевича Уткина.

— Эти новые адреса — КАМАЗ и БАМ, Норильск и Южно-Сахалинск, Надым и Салехард... Мы доставляем уральцам, северянам, строителям свежие овощи и фрукты, двигатели и металлоконструкции, теплую одежду и книги. Ведут крылатые машины по трассам заслуженные пилоты СССР К. Третьяков, Н. Мельников, А. Чернявский, заслуженный штурман СССР Г. Чудинов, их молодые товарищи.

Много нынче «профессий» у летчиков. Не сосчитать рейсов...

Фото А. Нагибина

в номере:

Э. Бадьева	2
ПЕТЬКА ТЕРЕХОВ ЕДЕТ НА БАМ. Окончание	2
Ю. Курочкин, А. Нагибин	14
ЖЕНА ДЕКАБРИСТА	14
УРАЛЬСКИЙ АЛФАВИТ ДЕКАБРИСТОВ. Продол- жение	16
Н. Горбачева	17
ТОП-ТОП И ЦАРИЦА ТАМАРА	17
А. Тер-Акопян, В. Шаров	18
СТИХИ	18
С. Прага	20
ПАРАД ПОБЕДЫ В БЕРЛИНЕ	20
А. Джеман-Николка	23
НА МОТОРКЕ — ИЗ ТЕТЮХЕ В ЛЕНИНГРАД	23
Ю. Файбышенко	24
В ОСАДЕ. Приключенческая повесть. Окончание	24
А. Никитин	46
БАНК ЖИЗНИ	46
НТ-75	47
И. Шакинко	50
ИЗУМРУД КОКОВИНА	50
С. Попов	61
МЫС АУК И ЗАЛИВ ЕКС	61
В. Комаров	63
СКАЗКИ. Фантастика	63
ОХ, УЖ ЭТИ МАМЫ	69
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	70
КТО СЪЕЛ КРАПИВУ!	71
Л. Богоявленский	73
ТРАВНИК ИВАНА КАШИНСКОГО	73
А. Нечаев	75
ДУШИТЕЛИ ДЕРЕВЬЕВ	75
О. Григорьев	76
ЧОМГИНЫ ЛАПЫ	76
ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 Муса ГАЛИ,
 Алексей ДОМНИН,
 Спартак КИПРИН,
 Борис КОЛЕСНИКОВ,
 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного
 редактора),
 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 Константин СКВОРЦОВ,
 Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь),
 Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА,
 Технический редактор
 Элла МАКСИМОВА,
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон: 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 30/V 1975 г.
 НС 21270.
 Подписано к печати 16/VII 1975 г.
 Бумага 84×108¹/₁₆.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 11,2
 Тираж 275 000
 Заказ 297
 Цена 30 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки — рис.
 А. КИРПИКОВА

© «Уральский следопыт», 1975 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

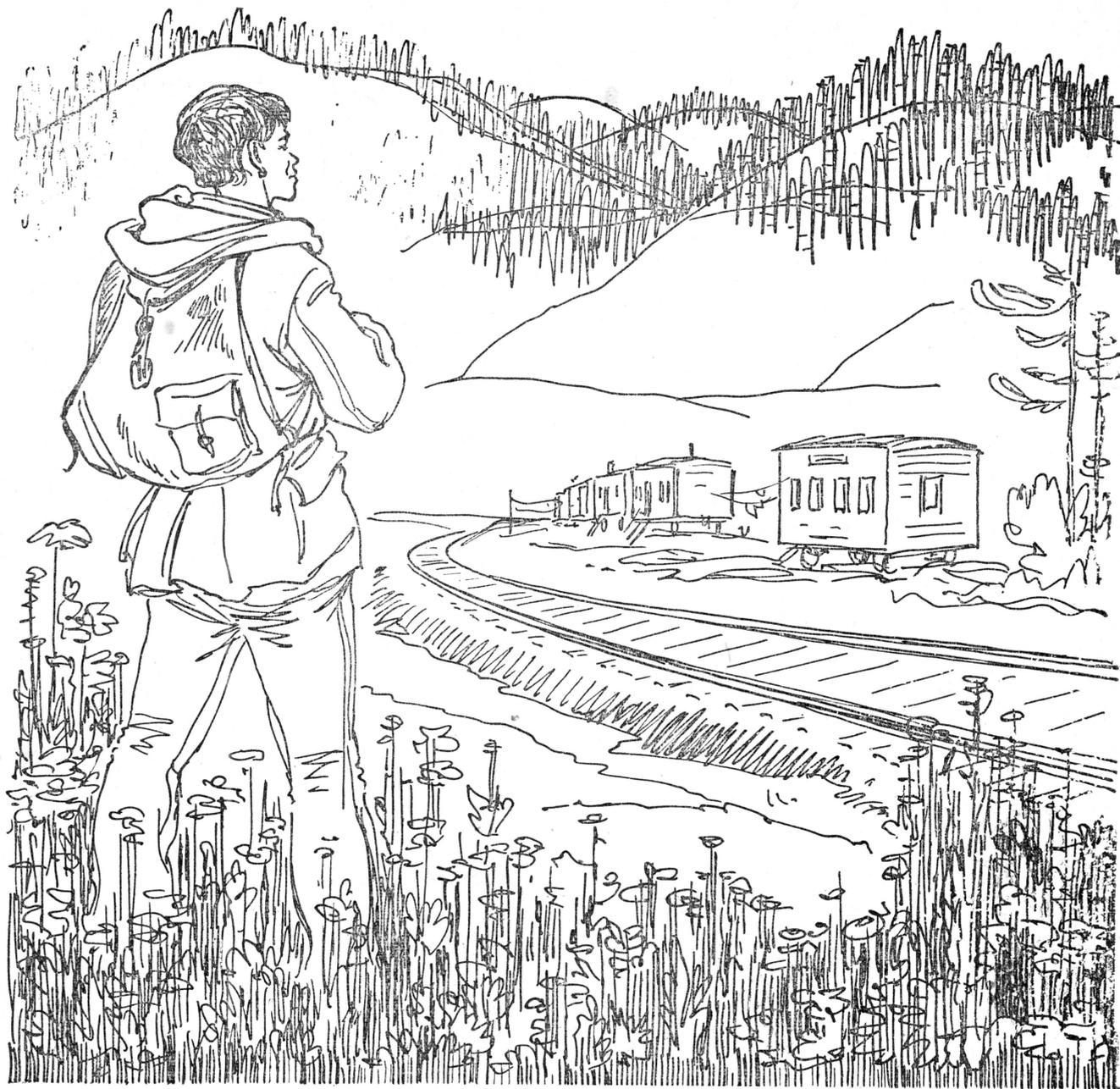
ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№9 * 1975

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

Петька Тере

Эльза
БАДЬЕВА

ОСТАНОВКА НА ПЛАНТАЦИИ

Они стояли на станции Муртыгит, по всем путям забитой вагонами, платформами, хопрамидозаторами, ждали зеленой улицы, и репортер, довольный передышкой, закидывал парторга вопросами. Владимир Иванович отвечал коротко, репортеру этого было мало, и он переспрашивал, уточнял — пытал его беззастенчиво. Говорил:

— ...Об этом подробней. О станции. Как ее открывали?

— Да так, — усмехнулся парторг. — Привезли первый вагончик, поставили и заночевали в нем вдвоем с начальником станции.

— А еще что? — недоумевал репортер.

— Ничего. Выспались хорошо.

— Ты думал — речи говорят, ленточку разрезают? — не выдержал всю дорогу молчавший машинист Гриша. — Некогда речи говорить.

— Верно, — кивнул парторг. — Путьукладчик дальше ушел. Когда мы проснулись — второй километр решетки укладывал.

И пояснил репортеру:

— Решетка — это то же звено. Сшитое. И рельсы, и шпалы. Двадцать пять метров пути.

— Раньше рельсы короче были — двенадцать метров, — не утерпел, похвастал своими знаниями Петька. — Не годятся они для новых дорог. Высокие скорости, большие грузы...

— Верно, верно, — поддержал Владимир Иванович, а репортер черкнул ручкой в блокноте. Петька от удовольствия даже порозовел.

— Долго, однако, нас держат, — проговорил на ходу парторг, спрыгнул с дрезины, ушел в станционный вагончик — тот самый, где ночевал в день открытия.

Петька тоже спрыгнул с дрезины, обошел стоявший впереди состав, увидел на вагонах размашистые, торопливые росчерки: «Вперед, на Тынду!» Вспомнил ребятишек, бежавших по безымянной бамовской улице. На соседнем пути заметил платформы с огромными железобетонными

детальными мостов — пролетными строениями — и четкую, красной краской надпись на них: «Комсомольцам БАМа от комсомольцев Красноярского завода МЖБК». На металле широких гофрированных водоводных труб, тоже дожидавшихся отправки дальше, прочел короткое, требовательное: «Даешь БАМ!» И снова «Вперед, на Тынду!» Это уже на тепловозе, у самой его кабины.

Рассматривая аккуратную, тщательно выведенную масляной краской надпись, поднял глаза и обомлел. Заводской номер машины: 1272! И сразу увидел строки: «14 сентября... На 7274-м километре от Москвы... Тепловоз № 1272... Первое, «серебряное звено»...

Тепловоз сердито коротко рывкнул, Петька отпрянул, а машинист высунулся из окна и приветливо, весело рассмеялся.

Со станции медленно пополз странный громоздкий поезд с огромной стрелой, как бы лежащей на его широкой, подвижной спине. Этот поезд-кран торжественно прошествовал меж рядов обыкновенных платформ и вагонов и так же медленно скрылся за ближайшим извивом.

Знакомым голосом позвала агээмка, и Петька подбежал к ней, столкнулся с Игорем.

— Предупреждений полно, — недовольно сказал тот, передавая машинисту путевые бланки. — 52-й километр — работы, 63-й — тоже. Не разбежишься.

Со станции дрезина опять покатила бойко. Репортер стал расспрашивать Кузнецова об охотниках-орочах, домик которых видели они, проезжая, на взгорке. Одинокий, серый, с небольшой сараюшкой поодаль, сиротливо стоял он среди тайги. Бегали возле дома собаки, разбуженные дрезиной, а людей не было видно.

— Дома, однако, — уверенно заметил Гриша. — В тайгу без собак не ходят.

Кузнецов рассказал о братьях-охотниках: как неустроенно и нелегко они здесь живут и как цепко держатся за это свое одинокое жилье, как ворчат, что, мол, распугала дорога все их зверье — далеко в тайгу ходить надо. А еще рассказал, что дети этих малограмотных орочей все окончили десятилетку и учатся дальше: дочь

Окончание. Начало в № 8.

ХОВ ЕДЕТ НА БАМ

Рисунки
В. Бубенщикова

старшего брата Петра — Лена в Ленинградском университете, сын Ивана — Владимир — в Новосибирском политехническом, дочь Люба — в пединституте.

— Теперь ползти будем, — досадливо пробурчал Гриша и кивком показал вперед.

Недалеко, в низине, медленно, тяжело шел поезд-кран, видимо, не способный к быстрой езде, тем более на дороге, еще не сданной в эксплуатацию.

— Да, — согласился Кузнецов, подумал и поприсил: — Останавливайся.

И обратился к репортеру, к Петьке:

— Идемте, голубикой угощу.

— А есть она здесь? — неуверенно огляделся по сторонам Гриша. — Может, дальше проедем?

— Здесь везде есть, — озорно возразил парт-орг. — Глуши мотор!

Они сбежали с насыпи, шагнули в мелкий кустарник и оказались на голубичной плантации, от которой, если смотреть издали, исходило виденное уже Петькой фиолетово-красное свечение.

Тронутые утренними заморозками еще держались на высоких стеблях покрасневшие листочки, а крупные, набухшие, сизоватые, словно запотевшие, ягоды осыпались, едва дотрагивались до них рукой. Их собирали горстями, они сыпались сами в ладони и могли бы вот так же сыпаться в корзины, кастрюли, ведра, но машинист Гриша оказался незапасливым — кроме закопченного чайника да пары стаканов в его хозяйстве ничего подходящего не нашлось. И потому никто не собирал впрок, все просто ели — весело, с удовольствием, пачкая руки и губы, смеясь друг над другом, подскальзываясь на мягких травянистых кочках, торчавших над сырой, топкой землей. Голубика была сочной и сладкой, отдавала нежной кислинкой и утоляла жажду.

— Ее можно и зимой собирать. Как клюкву, — сказал Игорь, пытаясь оттереть травой чернильно-синие пальцы.

И Владимир Иванович подтвердил:

— Собирают, когда время есть. Родным на Новый год посылкой куда-нибудь в Кострому отправляют. С пояснением: так, мол, и так, вчера, двадцатого декабря, ходили в лес по ягоды...

Когда Гриша снова тронул дрезину, путь впереди был свободен. Поворотно-консольный кран — мощная машина грузоподъемностью в 70 тонн, своим ходом прибывшая на БАМ из Нижнего Тагила, — неторопливо и деловито проходил зеленой улицей ближайшую станцию.

ТАЕЖНЫЙ НАПИТОК

На станции Пурикан, уютно закрытой со всех сторон сопками, светило солнце. Поздние осенние травы доверчиво млели в его тепле, железнодорожники улыбались, шутили и даже окрест-

ные рыжие сопки казались теплыми и веселыми. После озабоченного, забитого тепловозами, грузами, жилыми вагончиками Муртыгита Пурикан казался спокойным и даже, пожалуй, праздным. У дверей жилого вагончика две женщины перебирали бруснику: перекладывали ее из ведер в трехлитровые стеклянные банки, засыпали сахаром. Неподалеку от них — прямо на рельсах — сидели трое мужчин, покуривали, заинтересованно слушали читавшего вслух и то и дело взрывались беззаботным громким хохотом. Переспрашивали, перечитывали и хохотали снова, привлекая внимание, дразня безудержным своим весельем. У ног их, вальяжно растянувшись на солнышке, дремала собака. Из вагончика-станции доносилась негромкая легко грустящая музыка: через окно виднелся транзистор, выпустивший свой единственный ус-антенну. К стоявшему на запасном пути раскрытому вагону, миролюбиво, добродушно урча, подруливали машины, принимали в свои кузова ящики с консервами, печенье, пиво, уходили по бугристой, тряской дороге вверх, к поселку. И над всем этим светило солнце, трепетало невидимое крыло теплого ветра и бухали, раскалывая сопки и воздух, недалекие взрывы. На них чуть слышно, тоненько откликались бутылки в ящиках, дрожал, покачиваясь, ус транзистора да собака, не открывая глаз, поводила ушами. Люди не замечали взрывов, и когда Петька спросил женщин — «что это?», те ответили буднично:

— Выемку рвут на восьмидесятом, за мостом.

Мост «держал» укладку — это Петька уяснил из разговоров еще дорогой. И его земляк — уральский поезд-кран шел как раз к тому месту всего лишь затем, чтобы ухватить с платформы одну за другой пару гигантских железобетонных пролетов и опустить их легонько в сверхпрочные бетонные гнезда с точностью до миллиметра.

Туда же уехали на попутке и Кузнецов с репортером. Петька им позавидовал, но попросить, чтобы взяли, не осмелился. Почему не пустили туда дрезину, он не понял. Гриша объяснил коротко: «нельзя» и прямо на платформе агээмки на гудящем пламени паяльной лампы стал кипятить чай.

— А это можно? — не удержался, уколол его Петька.

— И это нельзя, — не повел глазом Гриша. — Ну, так что? Без чая оставаться?..

Он колдовал над закопченным чайником, то убавлял, то прибавлял струю огня, сыпал заварку, довольное потирал руки. Кивал на дощатую времянку-столовую:

— У них что? Кофе, какао. Чай совсем не умеют.

Петька смотрел на него и вспоминал, как вчера — ровно сутки тому назад — забрел он,

раздосадованный неудачами, далеко за поселок, наткнулся в лесу на водокачку, познакомился со стариком-машинистом. Тот присмотрелся к Петьке, пригласил за грубый, сколоченный из досок стол под открытым небом, взял с костерка такой же вот, как у Гриши, чернобокий чайник и налил до краев большую алюминиевую кружку. Придвинул коробку с пиленным сахаром, разломил каравай хлеба:

— На здоровье...

Напиток оказался золотисто-коричневым, аппетитным.

Петька отхлебнул, ожегся, но дожидаться, пока остынет, уже не стал. Чай был вкусным, ароматным, чуть-чуть с горчинкой и каким-то многозначным смешанным запахом трав, деревьев и ягод. Он выпил всю кружку без остатка и попросил еще.

— Пивал такой раньше? — спросил старик.

— Никогда, — признался Петька.

— Значит, не здешний.

Он сказал это с легкой грустью и словно бы с одобрением: мол, нездешний, а вот забрался сюда, в такую даль, глушь... Он сказал так, что Петька невольно сопоставил с местными исконно русскими именами его чужеземное — Франц Думанский — и подумал, что непростая, видно, нелегкая судьба занесла этого человека в амурские сопки.

Деловито, мерно гудели машины, качавшие воду для поселка из глубокой артезианской скважины, чуткими к ветру вершинами переговаривался затаившийся лес, старый машинист деликатно молчал, а Петька, теперь уже смакуя, медленно допивал таежный напиток и отдыхал притомившейся от неудач душой, набирался сил, обретал пошатнувшуюся было уверенность.

На прощание машинист спросил, не удержался:

— Не угадал, из чего чай? — Сощурился, попытал Петьку взглядом. — Не угадаешь. Из молодого багульника.

... — Габдуали Умарович, — окликнул Петька быстроглазого смуглого до черноты казаха и сам удивился тому, что запомнил, оказывается, его трудное имя. — Какой чай завариваете?

— Известно какой — цейлонский, — удивился вопросу Габдуали. — Высший сорт. — И окончательно вернул Петьку с таежной водокачки на Пурикан.

ХРУМ-ХРУМ-ХРУМ-ХРУМ

Вернулся убежавший куда-то Игорь, сказал, что машина со сменщиками пойдет в Аносовский только к ночи, предложил Петьке:

— Пойдем, студенческий лагерь покажу. — И повел его по тропинке в лес — теплый, уютный, прошитый солнышком.

Лагерь был пуст — студенческий стройотряд Московского института инженеров транспорта уехал неделю назад, оставив после себя обрывки веселых, остроумных лозунгов и инструкций, добрую славу и десять километров великолепно отлаженного, выправленного до проектной отметки пути.

Игорь и Петька побродили между жердяными остовами палаток, наскоро сколоченными столами и лавками, заглянули в пустую теперь клетушку с двумя интригующими надписями на двери: «Хозяйство Баранова» и «Джаз-банда», попинали сапогами на полу поломанные кассеты, обертки от фотопленок, засвеченные листы бумаги. Полубовались прибитой на дереве табличкой: «Улица Образцовая, 11». Остановились у тесового окна самодельной столовской раздатки. И Игорь рассказал, как повадился к студентам в лагерь годовалый медведь — доверчивый, любопытный сластена. Принимал от ребят дары, предпочитая всему остальному сгущенку. Высасывал банку медленно, словно бы продлевая удовольствие и, благодарный, довольный, уходил куда-то к себе в тайгу. Жил так вольготно, в дружбе с миитовцами все лето, а накануне отъезда ребят погиб от подлой, воровской пули одного бамовского шофера, прельстившегося легкой добычей.

Лучше бы Игорь этого не рассказывал, не портил бы добрую песню, которую пели Петьке удивительные в своей солнечной рыжести окрестные сопки, весело раскалывающие тайгу, воздух и землю могучие взрывы, смешливо, доверчиво звенящие речки и стремительными стрелами пущенные из Бама в Тынду поющие рельсы. Лучше бы... Но из песни слова не выкинешь. Даже когда оно вот такое — предательски черное.

...Петька стоял, облокотившись о прилавок раздатки, смотрел на щелястые стены, солнечные полосы, ломившиеся снаружи в полумрак кухни, на веселый перехлест этих полос на полу и видел разорванные кули с остатками крупы, вермишели, гороха, пустые пакеты из-под специй и вдруг заметил в солнечном луче среди этого продуктового хаоса маленького полосатого зверька с легким пушистым хвостиком. Зверек стоял на задних лапках, в передних держал длинную макаронину и — хрум-хрум-хрум-хрум — аккуратно и деловито откусывал ее, словно рубил на равные дольки. Мордочка его при этом постепенно увеличивалась, раздувалась: наполнялись защечные мешочки.

Петька замер, а Игорь продолжал говорить вслух, посмеивался:

— Они здесь привыкли. Никого не боятся.

Бурундучишко метнулся и исчез, а за разорванным кулем Петька увидел еще троих.

— Тот тоже вернется, — сказал Игорь, заметив, что Петька огорчился. — Спрячет добычу и

прибежит. За новой порцией. Зима-то ведь длинная...

Бурундучишко, действительно, снова возник, вытянулся столбиком и, как дудку, поднял в лапках длинную макаронину: хрум-хрум-хрум-хрум.

«Да ведь студенты свои «продуктовые остатки» нарочно рассыпали», — догадался Петька.

...На солнечном Пурикане по-прежнему царило благодущие.

Поборов неловкость, Петька подошел к мужчинам, читавшим книгу. Они потеснились, приняли его в свой круг, и он, послушав немного, тоже стал хохотать вместе с ними и, когда кончился веселый рассказ, тоже просил как все:

— Иван Петрович, еще! Почитайте...

Однако в станционном вагончике требовательный, нетерпеливый заверещал звонок. Иван Петрович скинул очки, сунул книгу парню в распахнутой штормовке и сапогах-броднях:

— Читай, Слава. Я — сейчас.

И уже кричал в оглошную трубку:

— Дежурный по станции Лукьянов слушает. Понял вас. Принимаю...

Только тут все заметили, что парень в броднях стоит с удочкой, что холщовая сумка у него слегка обвисла от мокрой живой тяжести, а сам он, загорелый, светловолосый, улыбается виновато, стеснительно. Повскакали с рельс, полезли в сумку.

— Принес? Покажи...

— Да так... Мало. Не клюет, — отбивался Слава и все-таки открывал сумку, выкладывал на ладони пару сытых уснувших хариусов.

— Не клюет, — повторял он, оправдываясь. — Уходит в глубокие места. Осень...

— А Ковалев? — спросил с порога отговоривший свое по телефону Иван Петрович.

— Ковалев дальше ушел. Он принесет. Он всегда приносит, — заверил Слава, и все согласились: видно, Ковалев этот и впрямь был на Пурикане самым удачливым рыбаком.

Дежурный по станции снова устроился на прежнем месте, снова взял книгу. «Виктор Драгунский. Рассказы», — успел прочесть Петька.

— «Волшебная сила искусства», — с удовольствием оповестил слушателей Иван Петрович, надел очки, и доброе, хорошее лицо его в предвкушении новой веселой истории стало лукавым.

СУП ХАРЧО НА СТАНЦИИ ПУРИКАН

— Ну, как? — спросил машинист тепловоза Борис Васильевич Фролов.

Петька блаженно зажмурил глаза и выразительно поднял вверх большой палец. Сказать он не мог: рот был занят.

— То-то... — согласился машинист и попросил помощника: — Саша, налей-ка ему еще.

При этом он внимательно, неотрывно смотрел в окно и вел тепловоз, тянувший платформу с мостовым пролетом, медленно, аккуратно, следом за тем самым поворотной-консольным поездом-краном, с которым Петька уже встречался. Они как раз огибали сопку, и был хорошо виден не только поворотной-консольный, но и человек, шедший впереди него прямо по полотну. Было похоже издали, что человек этот, едва заметный по сравнению с поездом, держит в руке невидимую веревочку-поводок и как игрушку тянет на ней гигантский состав. Решетка была только что положена, едва подсыпана балластом — последние сотни метров пути.

— Кофе пей, — заметив, что Петька прикончил суп, повелел Борис Васильевич. — Сам наливай. Кружки в ящике стола, ложки — там же.

Петька обдал тарелку кипятком, вымыл ее. Свесившись в открытое окно, выплеснул воду. Не удержался, спросил:

— Кто вам такой суп харчо варит?

— Сами. Когда Борис Васильевич, когда я, — откровенно довольный похвалой отозвался грузный, крупный и притом удивительно легкий в движениях, помощник машиниста Александр Федорович Зиновьев. — Вот здесь и готовим. — Он показал на маленький угловой столик, за которым обедал Петька и на котором стояли электрическая плитка и белая эмалированная кастрюля.

— На Пурикани тоже сегодня суп харчо, — сказал еще Петька, вспомнив, как оставляли его обедать и как уютно, по-домашнему пестрела клеенка на грубом самодельном столе, как раздражающе аппетитно пахло в сколоченной на скорую руку времянке, служившей на Пурикани и столовой, и кухней, и клубом одновременно.

— Фирменное блюдо локомотивника, — улыбнулся машинист. — Кто там у них сегодня готовил? Москаленко?

Если опытный машинист локомотива Георгий Никитович Ковалев был лучшим на Пурикани рыбаком, то Петр Тихонович Москаленко — тоже великолепный машинист — был непревзойденным поваром. Готовил он искусно, талантливо, колдовал над большой кастрюлей получше иной хозяйки и, когда спрашивали у него, откуда такое умение, охотно объяснял: «Жена научила». И добавлял неизменно: «Она у меня красивая».

Он, видно, тосковал по своей жене, оставшейся в Минеральных Водах, где машинист работал до БАМа, и торопил дорогу, потому что, приближаясь к Тынде, приближала она и день их встречи. Не в походный домик-вагончик хотел Петр Тихонович привезти свою красивую жену, а в прочный, теплый, удобный дом, какие строят в поселках.

Только начальник станции да главный кондуктор обосновались на Пурикани надолго. Это их жены заготавливали на зиму бруснику и ходили за ней в тайгу так же просто и буднично,

как городские хозяйки в соседний овощной магазин. А машинисты локомотивов и их помощники мысленно уже прощались с живописными окрестными сопками и с речкой Альдой, из которой вытаскивали на досуге жирных непуганых хариусов и которую Петр Тихонович упорно называл Мацестой, доказывая, что вода в ней особая: «без всяких порошков мазутку отстирывает».

На очереди было рождение новой станции — Янкан, — и локомотивщикам, работающим на укладке, предстояло перебираться туда.

А пока был только Янканский хребет, Янканский перевал, трудные, не пройденные еще путеукладчиком, хопрами-дозаторами и путевыми рабочими километры. И был вот этот, не навешенный еще мост без реки, к которому подошел, наконец, эскортируемый тепловозом поворотной-консольный кран.

— Отсюда быстро уедешь, — остановив тепловоз, пообещал Борис Васильевич. — Машинного подходит.

Машин действительно было много, и большинство уходило в Аносовскую. Но уехал Петька от моста уже за полночь. После того, как при свете прожекторов вытянул поезд-кран свою богатырскую стрелу-ручицу, ухватил с платформ одну за другой железобетонные махины пролетов, бережно и легко перенес их высоко над землей и опустил в бетонные гнезда опор с точностью до миллиметра. К тому времени прибыли с Пурикани на смену Борису Васильевичу и Саше Георгий Никитович Ковалев и его помощник Владислав Пронин, тот самый светловолосый, загорелый паренек — рыбак в сапогах-броднях, недовольный своим уловом. Они встретились с Петькой, словно со старым знакомым. Удивились: все еще не доехал? Неужели машин не было?

— Интересно, — оправдываясь, кивнул Петька на освещенный прожекторами белый новорожденный мост.

— Это верно, — согласился Ковалев. — Это всегда интересно.

А Слава сказал дружески:

— Насмотришься еще.

Он верил в Петькину удачу. Он сам приехал на БАМ без всякого приглашения. Услышал о стройке, собрал рюкзак и положил на стол начальника далекой отсюда узловой станции Микунь заявление. Конечно, у него — специальность, у него — потомственная привязанность к железным дорогам: отец — машинист I класса, старший брат окончил МИИТ, второй брат — Харьковский институт инженеров транспорта. Но у Петьки есть то, что не менее важно, чем «потомственная привязанность», — потребность. Не просто желание быть причастным к самой громкой, популярной стройке, а именно ПОТРЕБНОСТЬ вложить свой труд в дело сотен, тысяч единомышленников, потребность работать на са-

мом горячем, НЕОБХОДИМОМ стране объекте. Это Владислав угадал в Петьке сразу и потому поверил в его удачу.

Они стояли около тепловоза. Ковалев, ухватившись за поручни и уже собираясь взбежать в кабину, пошучивая, переговаривался с Фроловым. Петька держался возле Славы.

— А знаешь, у него ведь сын — помощник машиниста, — почему-то сказал Слава о Ковалеве. — И тоже, как я, — Владислав.

ВЕСЕЛЫЙ И ОБРЕЧЕННЫЙ ПОСЕЛОК

Поселок Аносовский видел вторые сны, когда шофер Володя Захаров — красивый черноглазый и чернородый парень из Подмосковья — остановил машину у самой двери гостиницы. Он вышел вместе с Петькой, провел его к дежурной и ушел лишь после того, как тот получил место.

Петька уже знал, что через четыре часа Володе снова в рейс, что вторую неделю работает он без сменщика и что жена Володина сердится: почти не видит мужа. «И сегодня не увидит», — подумал он с сожалением. А еще подумал: «Какой он, Аносовский, и что ожидает его здесь завтра?..»

В комнате было темно. Он не стал зажигать свет, чтобы не разбудить соседей. На ощупь разобрал постель и блаженно вытянулся под чистой, чуть влажной простыней, заменявшей пододеяльник. Он хотел подумать о тех девчонках, встретившихся в поселке Бам — с какой уверенностью сказали они: «Еще встретимся»... Стал вспоминать их, но лучше запомнил, оказывается, ту, которая все время молчала и смотрела на него из-под тяжелых, темных ресниц. Стал вспоминать и заснул, не успев ухватить какую-то витавшую в голове мысль, очень важную и приятную.

Утром открылся ему Аносовский во всей своей деревянной красе, вольно и высоко размещившийся на сопке. Стандартные щитовые домики выстроились аккуратными улицами, здания конторы и клуба стояли через дорогу, пристально рассматривая друг друга глазами-окнами. Двери столовой, магазинов, школы и детского сада, едва закрывшись, открывались снова; на маленькой площади разворачивались машины — кто-то приезжал, кто-то уезжал. Былолюдно и, на первый взгляд, немножечко бестолково. Но только на первый... Со второго же взгляда становилось видно: шумный, людный, молодежный поселок занят делом. Парни в штормовках с надписью через всю спину «Брянск — БАМ» отделявали клуб, утепляли контору, зашивали досками поселковую теплотрассу: готовили Аносов-

ский к суровой амурской зиме. Нацелившись в небо, высилась над поселком огромная, словно готовая выстрелить, труба котельной, обещающая, что зима эта не будет для аносовцев бедствием.

Петька прямоком подался в контору, но никого, кроме секретарши да ее двух подружек, там не застал.

— Все уехали на укладку моста, — едва увидев его в дверях, выпалила секретарша и, уверенная, что он тут же уйдет, затараторила с подружками.

Петька представил, как на том самом мосту ловкая машина укладывает путевую решетку, как потом тепловоз, ведомый Ковалевым и Славой, подталкивает по этой решетке путеукладчик, а тот, подхватив еще одно звено, опускает его впритык рельса к рельсе уже на полотно за мостом, и все вокруг — а народу там сегодня опять много — облегченно вздыхают: можно идти дальше, мост больше не держит.

— А когда будут? — спросил Петька, имея в виду руководителей знакомой ему по первому участию организации ГАРЕМ-28.

— Полубинский — секретарь партбюро сейчас подойдет.

Он остался в приемной и невольно услышал разговор:

— ...там в загсе даже фужеров нет. Мы ходили... — жаловалась девчонка, ярко-рыжая, крашенная, в сиреновом — тоже ярком — пальто.

— А мы с собой брали. Шесть штук. И вы возьмите.

Это наставляла ее вторая — беленькая, тоненькая, с хвостиком волос, перехваченным на затылке аптекарской резинкой. Возле своей вызывающе многоцветной подружки она выглядела естественной, натуральной и потому очень милой.

— Когда дадут хлеб, ты кусай больше Славки, — серьезно советовала она. — Или отлони незаметно и — в рот.

— Это уж обязательно, — заверила рыжая и поинтересовалась: — Не знаешь, бамовские где регистрируются?

— На Сквородку ездят, — вставила молчавшая до сих пор секретарша. — У них поселкового Совета нет.

Петька вспомнил «Сквородку» — как ворвался там в комнату отдыха, как томился в ожидании поезда.

— Приходите, — сказала рыжая. — А то обидимся.

— Не обещаем, — почему-то уклонилась милая беленькая собеседница. — У нас дела.

Поднялась, стала застегивать скромное, сшитое по фигурке пальто, и Петька увидел на ее пальце золотой ободок обручального кольца. Хотел спросить про хлеб — где и зачем кусают его, обряд что ли такой? Но не успел.

— А вы-то что тут сидите? — увидела вдруг его секретарша. — Полубинский давно пришел. По коридору — направо.

И от Полубинского Петька ушел ни с чем. Те же вопросы, те же доводы, те же советы...

Не зная, куда податься, что делать, постоял на высоком конторском крыльце. Далеко вокруг видны были и вершины, и склоны, и подножия соседних сопок. Аносовская господствовала над ними, она была в двух километрах от будущей станции Янкан, на самой верхней отметке трассы Бам — Тында.

И опять, как на Пурикани, в поселке с громким, набатным именем Бам, испытал Петька огорчительное недоумение при мысли о том, что все это — временное и, не дальше чем через полтора-два года, снесут, разберут, вывезут заботливо поставленные здесь клубы, школы, гостиницы, столовые и такие уютные сейчас дома с большими двух- и трехкомнатными квартирами.

Останется на месте красивого Аносовского пустынная большая поляна, поднимутся на ней папоротники, зацветет по весне холодным фиолетовым пламенем таежный багульник, оплетет землю жесткий, глянцевиный брусничник. А потом потянутся к солнцу молодые лиственницы, разрастутся, окрепнут. Вернет тайга распуганное строителями зверье, и ничто уже не напомнит забредшим сюда грибникам да ягодникам сегодняшнего поселка. Впрочем, нет. Останется фотография, картины, очерки и стихи, останется добрая человеческая память. И кто знает, может, останется кто-нибудь из нынешних аносовцев работать и жить на таежной маленькой станции Янкан, которую, возможно, и назовут тоже по имени здешнего первопроходца Николая Павловича Аносова.

И на Баме бесследно исчезнет деревянный городок. Двести человек — работники узловых станции Бам и их семьи — будут жить в современных пятиэтажных домах. Школа, детский сад, клуб, магазины, гаражи, котельная, столовая, бытовой комбинат — все это тоже будет новым, основательным, удобным и обязательно красивым.

А уютный Пурикан станет всего лишь разъездом. Но и на нем не останется времянок. Их место займут прочные, из железа, бетона и камня здания со всеми удобствами.

Вроде бы и нечем тут огорчаться, все правильно: построят здесь и уйдут бамовцы на другие участки. А все-таки жалко было Петьке обреченные на снос, такие людные, деловитые, веселые и по-своему красивые временные поселки.

Неуверенно, словно боясь покидать гаремовскую контору, сошел Петька с крыльца, остановился перед Доской показателей Управления строительства Бамстройпуть. Обрадовался,

увидев, что участок Терещенко — на первом месте и перевыполнения у него по всем показателям — ого, какие солидные!

Тут же и одернул себя: ну, чего ради обрадовался? Каксе до них дело?.. Но не радоваться, не интересоваться тем, с чем сталкивался он, набивая себе шишки, Петька уже не мог. С каждым своим шагом по неласковой этой земле, с каждым часом, проведенным на БАМе, он прикипал к стройке. Он чувствовал ее ритм, ее голос, он уже знал, что не только она нужна ему, но и он, Петька Терехов, нужен этой огромной, уникальной, тяжелой «стройке века», как называли ее газеты. И если до сих пор БАМ не принял его, так это всего лишь недоразумение. Впрочем, недоразумение серьезное.

Его кто-то тронул за руку. Петька оглянулся. Парень, только что обивавший дранкой наружную стену конторы, стоял рядом.

— Закурить хочешь?

Петька вспомнил, что с того демонстративного курения перед заносчивой проводницей не притрагивался к сигаретам. Потянул из кармана пачку, но парень опередил, и он взял у него, прикурил от зажженной им спички.

Они познакомились. Сели перекурить на ступеньку. И Володя Мальков, плотник из Брянского отряда, угадав Петькино состояние, узнав о его неудачах, пообещал:

— Я тебя с ребятами познакомлю. Из мостопоезда. Друзья мои. Может, что и придумаем, — и спросил: — Куда ты сейчас?

— Не знаю, — признался Петька и вспомнил, что не завтракал. Поест надо.

— Сегодня у нас концерт на девяносто первом. У мостовиков. Хочешь поехать?

— Хочу.

— Приходи через пару часов в клуб.

Они притушили сигареты, и плотник взялся опять за работу, а Петька пошел в мехколонну, решившись и там попытать счастья.

СЕРЕБРЯНОЕ ЗВЕНО

— Эй, парень, — услышал за спиной Петька, но даже не оглянулся. Никто его здесь не знает, и он — никого.

Взял со столика чистый поднос, ложку, вилку, продвинулся вдоль раздатки. Залюбовался девчонками в белых крахмальных колпачках.

Были эти девчонки похожи и колпачками, и одинаково подведенными глазами, и царственно мягкими жемами. Они не просто подавали тарелки со щами и бифштексами, они одаривали ими проголодавшихся на трудной работе парней. И парни принимали из их рук дары почтительно, благодарно. Не было обычной столовской суеты, утомительного шума и специфического кисло-важно-капустного запаха.

Петька потянулся к витрине и снова услышал совсем рядом:

— Эй! Парень! Едешь на девяносто первый?

Обернулся, узнал Малькова и будто проснулся. Растерянно посмотрел на пустой поднос, на богато уставленную закусками витрину.

— Тогда давай, — заторопился Мальков. — Машина у клуба.

Он вышел, а Петька несколько секунд побоялся с искушением принять из рук девчонки-раздатчицы исходящий жаром бифштекс и, обливав пересошенные враз губы, кинулся за Мальковым.

У клуба стоял крытый брезентом «зилók», трое незнакомых парней грузили в него музыкальные инструменты.

Петька догнал Малькова, и они вместе подошли к машине, вслед за парнями запрыгнули через борт.

— Надежды особой нет, но — кто знает... — туманно объяснился Мальков, и Петька благодарно кивнул.

Дорога была горбатая, тряская, инструменты жалобно позванивали туго натянутыми струнами и блестящей медью тарелок. Чуть слышно гудели барабаны, хлестали по брезенту ветки придорожных лиственниц, словно срывали на упрямом «зилке» свое недовольство людьми, врезавшимися в тайгу этой кривой дорогой, похожей на рубец от раны, полученной самой природой.

Сквозь деревья неровно светило солнце — то пропадая, то вспыхивая. И казалось Петьке: невеселый осенний лес прячет от них солнце. Ребята в кузове шутили, пробовали петь, тормозили его: «Подпевай, парень!» А ему было не до песен. Было тревожно, спокойно, раздражал, казался нелепым и неуместным этот, вышедший из повиновения, звенящий на дорожных горбах, оркестр. Пугали ожившие ветки лиственниц, как через строй, прогонявшие машину, и солнечные помехи, словно непонятные, предупреждающие о чем-то сигналы природы. Было беспокойно, неудобно от мысли, что и там, на девяносто первом, никто не обрадуется ему, и опять придется кланяться: «Примите...», а ему в ответ, как в мехколонне, могут кинуть: «Что ты умеешь? Движок заведешь?..»

Машина остановилась внезапно, и в кузов полыхнуло просиявшее полуденное солнце, и лиственницы присмирели, будто не они только что наотмашь хлестали по заскорузлomu брезенту.

Петька прыгнул на землю, и тревога его отошла, приутихла. На расчищенной от леса площадке, заросшей красноватым брусничником, тронутой кое-где матовой сединой лишайников, стояли вагончики. В центре — являющий собой сцену, огромный автоприцеп с опущенными бортами. Пробитая в тайге дорога выходила на этот строительный пятачок, приткнувшийся в распадке между двумя сопками, делала разворот у их подно-

жий и словно затягивала дорожной петлей «объект девяносто первый», названный так потому, что находился он на девяносто первом километре будущего железнодорожного пути Бам — Тында.

В центре «петли» шла работа. Стучали отбойные молотки, гудел уникальный, впервые применяемый на строительстве турбобур, подходили самосвалы, разворачивался неповорота-бульдозер. Рабочих было немного. Они казались возле механизмов маленькими, беспомощными, но лишь до тех пор, пока не садились за штурвалы и рычаги управления.

Петька остановился возле большого фанерного щита, прочел: «Мост 91 км. Строительство ведет мостопоезд № 34. Сдача под укладку сентябрь 1974 г. Окончание работ декабрь 1974 г.».

Рядом курили двое парней: шофер «зилка», который привез Петьку, и строитель-мостовик, большеглазый, чернявый, как и все на объекте — в робе, потертых джинсах и резиновых сапогах. Только у ворота из-под рабочей куртки пестрела сине-белыми полосами тельняшка.

— Ну, как? — спросил шофер. — Остановили пльвун?..

— Одолели, — ответил мостовик так, словно речь шла о победе над врагом. — Вычистили котлован. До мерзлоты.

Он говорил обстоятельно, по-хозяйски, он имел на это право, и Петька ему завидовал.

— Здорово он вас прижал...

— Кто?

— Пльвун-то.

— А-а!.. — досадливо махнул рукой мостовик. Видно «прижал» пльвун основательно. — Теперь вот компрессор надо. Полтора метра осталось...

— А грунт?

— Какой там грунт! Дресва со льдом идет. Вечная мерзлота...

Они заметили Петьку, посмотрели на него без особого любопытства. Решили, видно, что он свой, бамовский.

— Буржуйку-то привезли? — вспомнил шофер.

— Ага. В будке поставили. Теперь греемся по утрам, портянки сушим.

Парни затоптали окурки и пошли вниз, к котловану.

— Ребята, — окликнул их Петька. — Где тут у вас... прораб или... начальник какой?

— А зачем? — приостановился мостовик.

— Да я... работать приехал, — подошел Петька. — Строить...

Парни заулыбались. Мостовик понимающе оглядел Петьку, сказал:

— По тону твоему ясно — не сегодня приехал. И не по путевке.

— По велению сердца, — добродушно вставил шофер.

— От ворот поворот дали?

Петька смолчал.

— Понятно. Знакомо,— продолжал улыбаться строитель. — Здесь тоже поворот дадут. Не механизатор, специальности строительной нет. Так?

— Так,— нехотя согласился Петька и вдруг сорвался. — Что у вас тут, простой работы нет, что ли? Вон — отбойными молотками долбят,— кивнул он на котлован. — Хитрое дело?..

— Сейчас долбят, а после обеда бульдозеристов сменяют. Так можешь?

— А зачем? Плохая организация труда, если вам с места на место прыгать приходится.

Парни перестали улыбаться, смотрели насто-роженно.

— А еще БАМ! — запальчиво крикнул Петька. — На всю страну шум подняли...

Он понимал, что несправедливо и глупо кричать на этих парней, он и рад был остановиться, но копившаяся все эти дни обида прорвалась, захлестнула, и его понесло:

— Заелись вы тут!.. Техники понагнали, магазины от сгущенки-тушенки ломаются... Клуб отгрохали... А руки рабочие уже не нужны?..

Он выбросил перед собой руки, разжал ладони и, покраснев, тут же спрятал их за спину. Петькины руки никогда еще не были рабочими. Они только хотели таковыми быть, рвались к кирке, лопате, отбойному молотку, грезили штурвалом машины, но при том лишь условию, что и стародавней киркой — если такое возможно — и современным штурвалом они будут работать не где-нибудь, а вот здесь, в тайге, в мерзлоте, на стройке, которую по небывалой степени трудности назвали уникальной.

Парни все смотрели на него настороженно и, выжидающе, будто понимали, что неприятная эта сцена — всего лишь разрядка. Но едва он снова раскрыл рот, строитель оборвал резко:

— Замолчи. Хватит! — и обернулся к шоферу: — Довели парня...

— Откуда будешь? — примирительно спросил шофер.

— С Урала.

— Ваших здесь нет. Брянские, москвичи, из Гомеля много... Мостопоезд этот из Улан-Удэ.

И только тут все трое заметили, что ни турбобур, ни бульдозеры не работают, самосвалы стоят вереницей вдоль дороги и вновь подъезжающие шоферы безропотно глушат моторы. У длинных обеденных столов, срубленных здесь же, меж лиственниц, хлопчут девчата, добровольцы-помощники из строителей тащат от машины большие белые кастрюли, корзины с хлебом, тарелками. Подходят едоки, устраиваются как на пикнике — кто на пенке, кто под деревом, хотя и за столом на скамейках хватает мест. Едят и поглядывают на сцену-автоприцеп. А там уже и микрофоны установлены, и усилители, и ударник пробует свой громоздкий инструмент.

— Пошли, — дружески подтолкнул Петьку строитель в тельняшке. — Как зовут?

— Петром.

— Василий, — сжал Петькину руку шофер. — А это — Олег Костюков, механик с мостопоезда, — представил он товарища и лукаво сощурился. — Тоже, между прочим, без путевки приехал.

Олега отозвали музыканты, шофер пошел к своему «зилку». Петька подсел к ребятам, только что отобедавшим, устроившимся на бревне перед сценой.

Усилители разносили по тайге бешеную, ультрасовременную музыку: самодеятельные артисты, не боясь конкуренции, крутили перед концертом пленку с записями американского джаза.

Внезапно джаз захлебнулся, и на сцену вышел длинноволосый пижон в лаковых щеголеватых ботинках и вызывающе элегантно костюме.

Петьку покорило. Он покосился на сидящих рядом мостовиков, удивился их благодушию и заметил на сцене среди музыкантов еще одного «волосатика». Не удержался, проворчал: «Ничего себе!..» Но справедливо отметил, что этот, второй, — в резиновых сапогах, старых джинсах, свитере и рабочей куртке. Великолепная, аристократических форм электрогитара выглядела в его руках полоненной чужестранкой. Рядом стоял механик Олег, как был — тоже в сапогах и куртке и тоже прижимал к груди лакированную талию электрической «Тоники».

— Наш коллектив называется «Серебряное звено», — сказал ведущий-пижон и свободно прошелся по краю автоприцепа. — Мы выбрали это имя потому, что с Серебряного звена, уложенного 14 сентября 1972 года бригадой Ивана Зелицкого, начиналась наша дорога. Потому, что Серебряное звено ляжет на первом метре Западного участка. И Серебряным звеном назовут то, последнее, уложить которое удостоится чести лучшие строители БАМа. Это символ будущей магистрали, символ крепко сбитого коллектива...

Парень говорил, а Петька слушал и ловил себя на том, что перестает замечать его «девчачьи» — до неприличия мягкие и волнистые — волосы, не обращает внимания на пижонский костюм. «Клубный работник», — сказал он себе и этим окончательно оправдал парня. А тот объявил номер и ловко спрыгнул с прицепа.

— Кто он? — все же не удержался Петька.

— Да Гриша Лобода, — ответил сосед по бревну. — За энергохозяйство здесь отвечает, на бетономешалке работает, опалубку ставит.

— А тот?

— Черный?

— Ну, да. Волосатый тоже.

— Валера Стасенко. Тоже ставит опалубку, бетонирует... Из одной бригады они. А это — плотник, Володя Мальков. Из Брянска.

— Этого знаю, — кивнул Петька.

Валера, потряхивая прямыми черными волосами, лихо пел «доморощенную» бамовскую песню на слова Володиного друга, тоже плотника, Николая Захарова и словно отвечал ему тем, кто сетует: «Не та молодежь пошла...»

Кто сказал, что стали мы другими?
Я в обиду это не беру.
А не мы ли Зею перекрыли,
Лену, Волгу, Ону, Ангару?..

Притихшие слушали песню столовские девчонки, парни, только что трое суток воевавшие с пливуном; казалось, слушала и молчаливо стоявшая техника — все эти мощные «мазы», «кразы», «Уралы», краны, бульдозеры, гордость мостовиков — экспериментальная бурильная установка, первая в стране с производительностью, в шесть раз превышающей возможности своих предшественников.

Рядом, на срезанном гребне сопки, лежало аккуратно отсыпанное полотно будущей трассы. Оно обрывалось, и от него через распадок к соседней сопке шагали, словно гигантские журавлиные ноги, опоры будущего моста.

ВОТ ОНО ГДЕ, НАЧАЛО

И этот день подходил к концу. Петька вышел из клуба, где от нечего делать помогал Володе Малькому сколачивать книжные стеллажи, поднялся на ступеньки конторского крыльца, хотел было открыть дверь, но она вдруг распахнулась сама, и навстречу Петьке выбежала запыхавшаяся, заплаканная девушка. Она отшатнулась от него, сбежала вниз и, все так же всхлипывая, побежала по улице. Он посмотрел ей вслед и только тогда узнал: это была та самая, молчавшая всю дорогу подруга веселой надоедливой хохотушки, встречавшаяся ему в поселке Бам.

Он остался стоять в нерешительности, готовый броситься за ней следом, едва она позовет. Но девчонка даже не оглянулась, и Петька подумал: «Несчастье у нее? Умер кто?..»

Решил зайти в контору, узнать, откуда она выбежала, расспросить о ней. Снова подошел к двери, и снова она открылась сама, а в проеме показался Терещенко — Александр Иванович, очень молодой начальник первого участка. Он увидел Петьку, узнал и, похоже, обрадовался.

— Работает, Нет?.. Зайди к парторгу...

— Заходил, — недослушал Петька и обреченно махнул рукой.

Следом за Терещенко показался на крыльце и сам Полубинский. На Петьку не обратил внимания, а Терещенко придержал, о чем-то стал ему говорить, рассмеялся. Он загородил дорогу, и Петька не решался потревожить его. Отошел в сторону. Парторг обернулся, позвал:

— Товарищ!.. Вы хотели... — вынул из кармана лист бумаги, развернул, стал цеплять на гвоздики, торчавшие на двери. — Вот, читайте.

Посторонился, давая Петьке подойти.

— Надумаете — заходите. Я скоро буду.

Они оба ушли, а Петька прочитал:

«Для строителей Байкало-Амурской магистрали.

В Новосибирской технической школе открываются курсы автокрановщиков.

В Иркутской — шоферов, бульдозеристов, трактористов, грейдеристов, скреперистов и машинистов башенных кранов.

Желающим обратиться в отдел кадров».

Он рванулся в отдел кадров, решая на ходу: конечно, в Иркутск, там есть выбор. И теряясь от возможности этого выбора. Пока шел — сообразил: шоферов на БАМе много. Да еще приедут. Значит, на бульдозер. Или на трактор.

...В коридоре возле отдела кадров стоял шум. Перебивая друг друга, спорили две девчонки, а парень пытался их успокоить, но тоже кричал и этим только подливал масла в огонь.

— Пусть уезжает, пусть! Много их здесь таких. Понаехали, по чемодану косметики привезли... Не работать, а женихов искать! — выкрикивала одна из девчонок, и Петька сразу понял, о ком речь.

— Разберись сперва, — не уступала вторая.

— Ну и пусть, пусть уезжает! Видали таких!

— Если хочешь знать, Ленка эта от несчастной любви сюда на БАМ убежала, — торжествуя кинула под конец исходившая злобой девчонка.

И тогда Петька сорвался с места. Ему навстречу попала какая-то женщина, и Петька спросил ее на бегу:

— Где Лена, не знаете?

Потом уж подумал: откуда женщине знать о ней? Но женщина крикнула вслед:

— В гараже она. Просит шоферов до станции довести.

Гараж был на краю поселка, и Петька помчался туда.

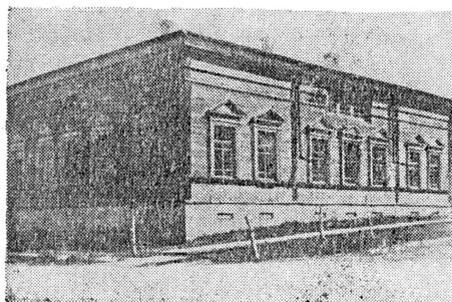
О себе он уже не думал. Он знал, что пока уедет с БАМа. В Иркутск, в школу механизаторов. Уедет, чтобы через полгода вернуться. Чтобы сесть за штурвал и успеть еще поработать где-нибудь на подступах к Тынде. А потом вместе со всеми выйти на большой БАМ, где местами есть просеки, есть временные автомобильные дороги, есть поселки, но нет пока ни одного метра пути.

...Дорога БАМ — Тында построена и уходит дальше. А Петр Терехов кончил училище, стал кадровым механизатором и теперь работает на трассе Большого БАМа.

ЖЕНА ДЕКАБРИСТА

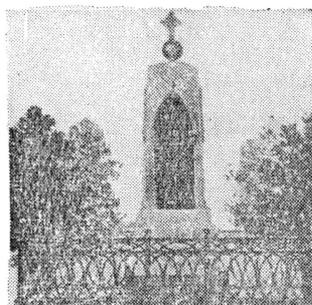

На снимках: акварель декабриста Н. А. Бестужева «Камилла Ивашева». Справа — памятная доска на месте, где когда-то стояла почтовая станция, давшая приют декабристам, следовавшим в Сибирь. Автор — скульптор В. Е. Егоров.

Внизу на снимках: так выглядел дом Ивашевых в сороковых годах нашего века; портрет В. П. Ивашева работы Н. А. Бестужева; могила Ивашевых в Туринске.

Нам памятни и дороги имена жен декабристов, следовавших за мужьями в Сибирь и разделивших на каторге и в ссылке их тяжкую долю. Есть среди них одно, навсегда связанное с Уралом, — здесь прошли последние годы жизни и здесь, в уральской земле, покоится прах Камиллы Петровны Ивашевой.

Дочь французенки-гувернантки в семье богатого симбирского помещика Ивашева, юная Камилла Ле-Дантю полюбила наезжавшего проведать родных молодого гвардейского офицера, сына хозяина имения, Владимира Петровича. Но не посмела открыть ему свои чувства — слишком велика была разница в общественном и имущественном положении, чтобы можно было питать надежду на брак.

Но когда Владимир оказался в числе важнейших государственных преступников по «делу 14-го декабря» как член Южного общества и был отправлен в Сибирь на каторгу, Камилла решила предложить своему любимому разделить его судьбу, приехать к нему и стать его женой.

В 1836 году, когда истек срок каторжных работ, Ивашева перевели на ссыльное поселение в восточно-уральский город Туринск. В августе он прибыл сюда с семьей — женой и дочерью Машей. В Сибири печальной памятью осталась могила их первенца Саши. В Туринске, городке хотя и небольшом, но уже несравненно более близком к «России», чем Забайкалье, супруги надеялись обрести покой и счастье. Но оно оказалось недолгим — 30 декабря 1839 года вслед за смертью новорожденной Лизы умерла Камилла Петровна. А ровно через год похоронили и Василия Петровича.

**Ю. КУРОЧКИН
А. НАГИБИН**

УРАЛЬСКИЙ АЛФАВИТ ДЕКАБРИСТОВ

Продолжение. Начало см. в № 6

ИВАШЕВ, Василий Петрович (1794—1840) — ротмистр Кавалергардского полка. Член Южного общества. Осужденный по второму разряду, был отправлен в Нерчинские рудники. Через Урал проследовал в конце февраля — начале марта 1827 г. После восьми лет каторжных работ вышел на поселение в Туринск. Жил там в 1836—1840 гг. — до самой смерти.

ИВАШЕВА, Камилла Петровна, урожд. Ле-Дантю (1808—1839) — жена В. П. Ивашева. Совсем юной последовала за ним в Сибирь; там и состоялась их свадьба. До конца жизни (умерла в Туринске) была преданной подругой декабриста.

ИСКРИЦКИЙ, Демьян Александрович (1803—1831) — поручик Гвардейского Генерального штаба. Член Северного общества. После ареста был направлен для дальнейшей службы в Орскую крепость, а оттуда на Кавказ.

КОЖЕВНИКОВ, Нил Павлович (1804—1837) — подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка. Член Северного общества. Был судим по десятому разряду и приговорен к лишению чинов и дворянства, с определением рядовым в дальний гарнизон. В июле 1826 г. Кожевникова отправили в Оренбургский гарнизонный полк, оттуда, в январе 1827 г., перевели на Кавказ.

КРАСНИЦКИЙ, Николай (отчество и год смерти не установлены, родился в 1801 г.) — отставной подпоручик. Член Общества соединенных славян. После восстания декабристов содержался под арестом, а в 1830 г. был отправлен на службу в Отдельный Оренбургский корпус.

КРАСНОКУТСКИЙ, Семен Григорьевич (1787—1840) — обер-прокурор Сената. Член Южного общества. Осужден по второму разряду. В начале августа 1826 года проследовал через Урал на поселение в Сибирь. Последние годы жизни (1838—1840) находился в Тобольске.

КЮХЕЛЬБЕКЕР, Вильгельм Карлович (1797—1846) — поэт, издатель. Коллежский ассессор. Член Северного общества. Осужденный по первому разряду, был приговорен к двадцатилетней каторге. После девяти лет арестантских рот его отправили в Сибирь на поселение; через Урал он проследовал в декабре 1835 г. В 1844 году, в связи с

болезнью, Кюхельбекера перевели в деревню Смолино под Курганом, где он с семьей (женой Дросидой Ивановой, сыном Михаилом и дочерью Юстиной) прожил до начала 1846 г., когда получил разрешение отправиться для лечения в Тобольск; там декабрист и скончался. Во время пребывания в Зауралье, будучи тяжело больным, он продолжал свою литературную деятельность (писал стихи, вел дневник, поддерживал переписку и т. д.).

ЛИХАРЕВ, Владимир Николаевич (1800—1840) — подпоручик квартирмейстерской части. Член Южного общества. Осужденный по седьмому разряду на два года каторги, проследовал через Урал в феврале 1827 года. Отбыв каторгу на Нерчинских рудниках, Лихарев был переведен на поселение в Тобольскую губернию. В 1828—1830 гг. жил в Кондинске, в 1830—1837 гг. — в Кургане. Отправленный оттуда на Кавказ (выехал 21 августа 1837 г.), погиб в сражении с горцами.

ЛОРЕР, Николай Иванович (1795—1873) — майор Вятского пехотного полка. Член Северного и Южного обществ. Осужденный по четвертому разряду, в феврале 1827 г. проследовал через Урал к месту каторги. Выйдя на поселение, возбудил ходатайство о переводе его по месту жительства М. М. Нарышкина, «в семействе которого он может найти себе приют». По получении согласия на это, Лорер выехал в Курган. Здесь он находился с марта 1833 года по июнь 1837 г., когда был определен рядовым в Кавказский корпус. О переездах через Урал и годах жизни в Кургане Лорер написал в книге «Записки декабриста».

ЛУЦКИЙ, Александр Николаевич — унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка. Отбыв каторгу за участие в восстании декабристов, в течение некоторого времени жил в Тобольске.

МУРАВЬЕВ, Александр Михайлович (1802—1853) — корнет Кавалергардского полка. Член Северного общества. Осужден по четвертому разряду. Через Урал проезжал в декабре 1826 г., направляясь на каторгу в Нерчинские рудники. В 1844—1853 гг. жил в Тобольске, где и скончался. Екатеринбург и другие города Урала упоминаются в его «Записках».

МУРАВЬЕВ, Александр Николаевич (1792—1863) — отставной полковник Гвардейского Генерального штаба. Член Союза благоденствия. Осужден по шестому разряду. По Уралу следовал в августе 1826 г., когда был отправлен в Якутск. В 1832—1833 гг. выполнял должность тобольского гражданского губернатора, в связи с чем бывал в разных городах Урала. То же следует сказать и о периоде службы его в Вятке (1834—1835).

МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ, Матвей Иванович (1793—1886) — отставной подполковник. Один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества. Осужден по первому разряду. На поселение в Вилюйск проследовал через Урал в октябре 1827 г. В 1836—1856 гг. жил в Ялуторовске. Обратный путь по уральским землям совершил в декабре 1856 г.; останавливался и провел несколько дней в Екатеринбурге.

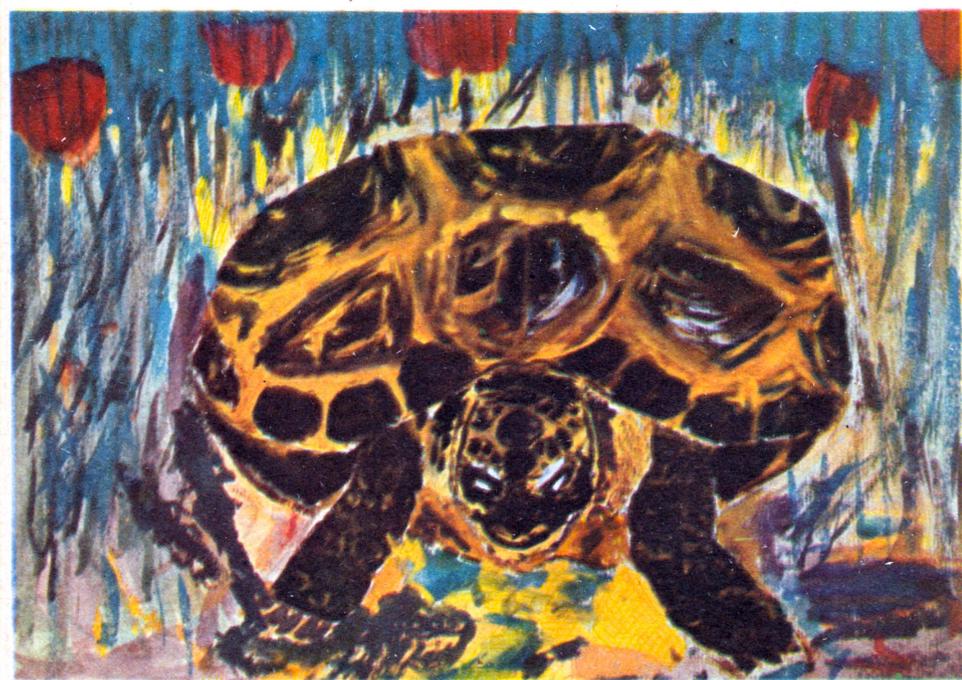
ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

РИСУЮТ
ДЕТИ

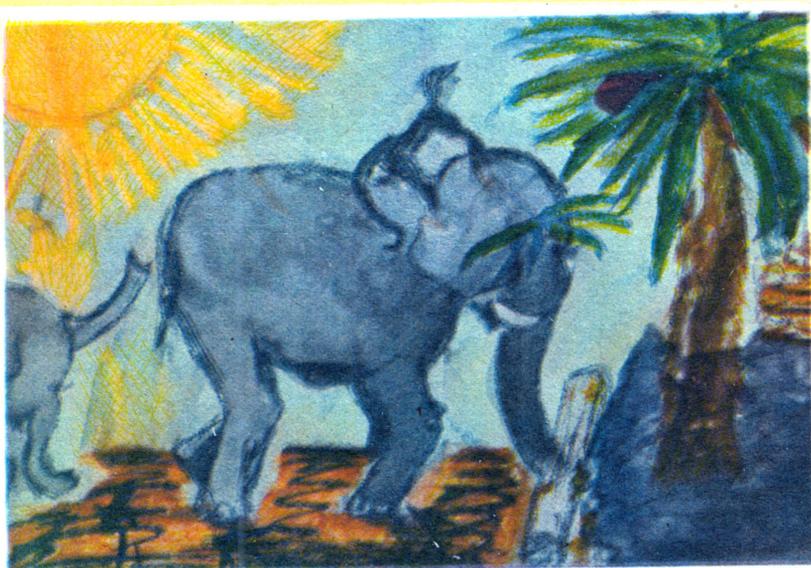

ЭСКИЗ К «ТАМАРЕ».
Власта БАТАМАН

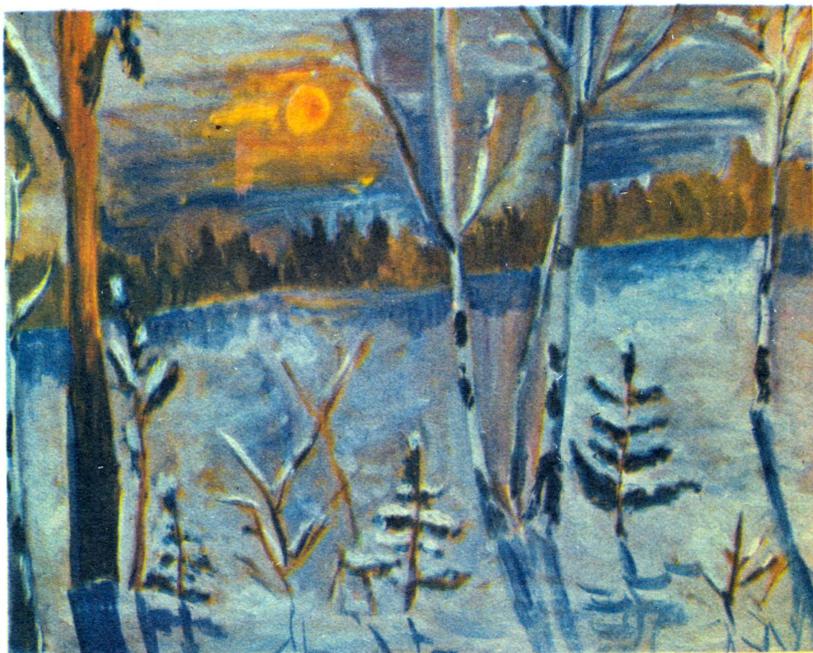

ЧЕРЕПАХА ТОП-ТОП.
Игорь ВИШНЯ

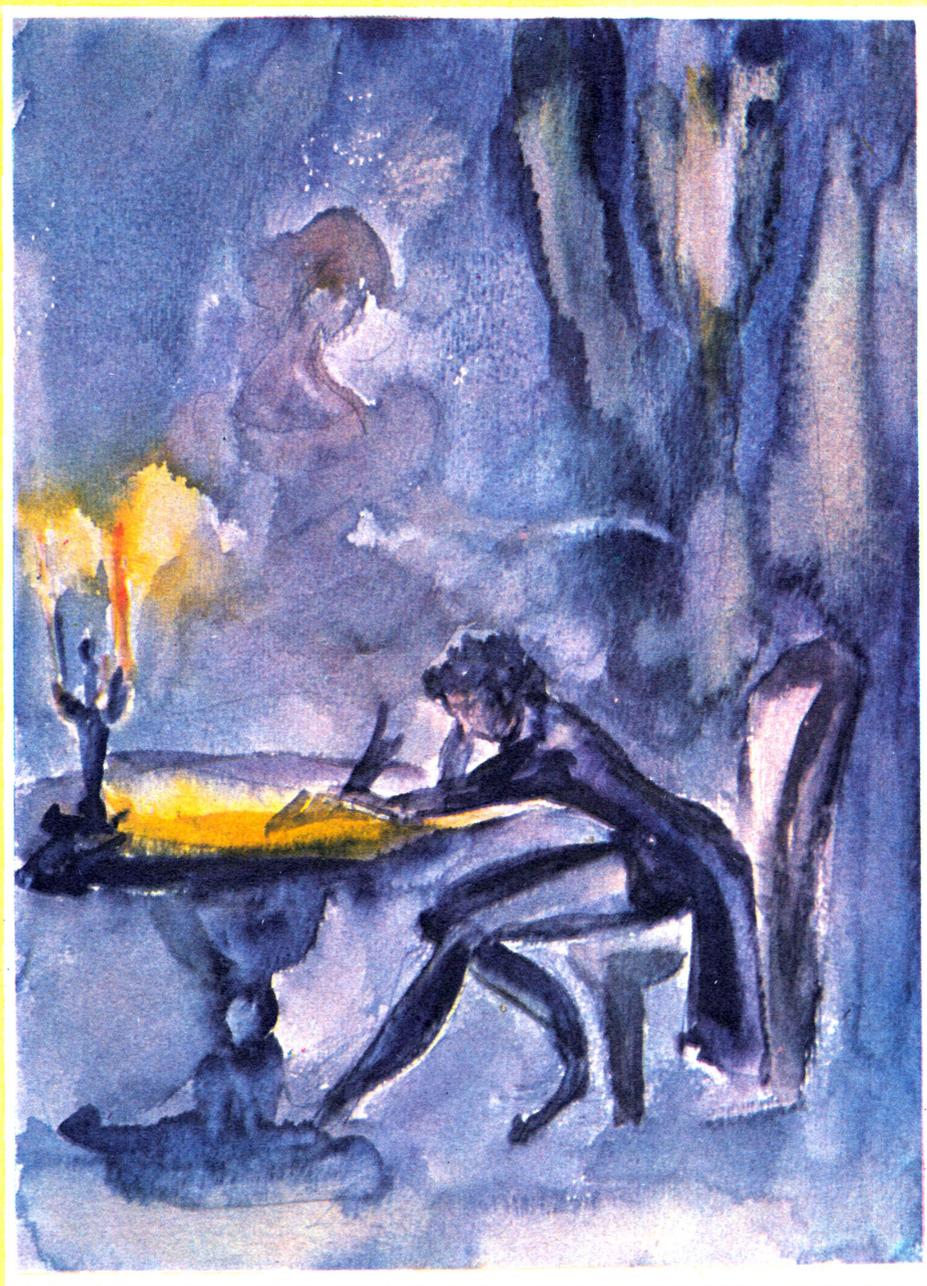

АФРИКА.
Олег ЗАКИРОВ

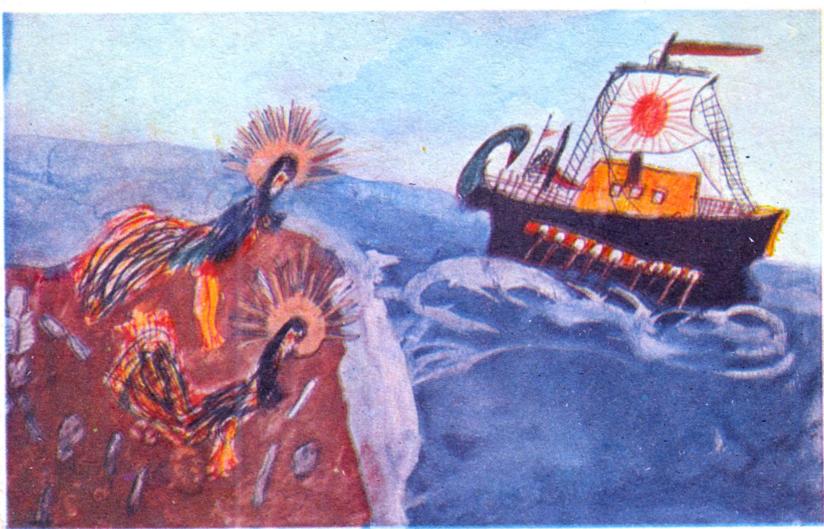

ВЕЧЕРЕЕТ.
Катя ШТУЦ

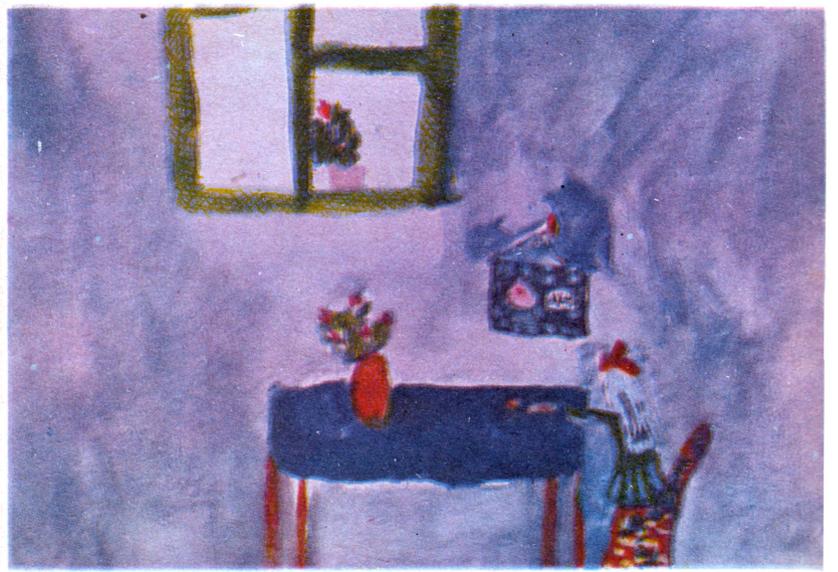

Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ.

Лена БОРОДА

КОРАБЛЬ ОДИССЕЯ
У ОСТРОВА СИРЕН.
Игорь ВИШНЯ

Я РИСУЮ.
Аня ПОПОВА

Топ-Топ и царица Тамара

Наталья
ГОРБАЧЕВА

Рисунки
см. на вкладке

Игорю сейчас 9 лет, и в Свердловск он переехал с родителями совсем недавно. Переезд в другой город — весьма хлопотное дело. Казалось бы, самое важное для родителей — определить сына в новую школу. Ну и что из того, что он рисовать любит? Не до увлечений сейчас — некогда.

К счастью для Игоря, его родители думают иначе. Не поленились мама с папой съездить и познакомиться с руководителем изостудии Свердловского Дворца пионеров Николаем Константиновичем Раздрогоным, показать ему рисунки сына. Так у Николая Константиновича появился еще один ученик — Игорь Вишня.

Игорь читает очень много. А потом появляются рисунки, в которых отражаются полюбившиеся ему герои, события. Игорь любит рисовать гуашью, любит густые плотные тона.

Игорь рисует много и серьезно. Его работы оказались в числе лучших, строго отобранных Николаем Константиновичем для международной выставки детского творчества в Австралии.

Уехала туда и «Черепашка Топ-Топ», любимая черепаха Игоря. Ползет себе Топ-Топ под расступающимися перед ней тюльпанами, ползет прямо на зрителя в роскошном плотном панцире, который не спас ее... Ее опущенная голова и лапы напоминают скорее какого-нибудь заколдованного туземца, чем черепаху. Грустноватый получился портрет, но уж очень красивый.

Уехал в Австралию и «Щенок» Виталика Тупоногова (9 лет) и невообразимо радостная, детская «Африка» Олега Закирова (6 лет), картинка Ани Поповой (5 лет) «Девочка и слон», где добродушный слон сосредоточенно жонглирует воздушным шариком.

К слову сказать, Аня Попова живет в Сысерти. Что, по-вашему, заставляет ее маму тратить столько времени, чтобы возить Аню два раза в неделю в Свердловск, на занятия в студию? Уж наверное, не слепая любовь к дочери, скорее — разумная. Ведь Аня еще совсем малышка, но мама относится к ее увлечению рисованием вполне серьезно, она всячески поощряет ее и, что самое главное, — помогает.

Отправились путешествовать в Австралию и Катины работы...

В четыре года у Кати уже появилась своя тема — дома с бубенчиками. Теперь Кате Штуц уже 11 лет. Пришла пора учиться, сомневаться, анализировать. Теперь ей все больше хочется писать с натуры, рисовать натюрморты. И когда я спросила, почему, то ответ получила точный: «Потому что не двигаются».

Появились уже первые работы, написанные ею маслом.

В изостудии Дворца пионеров жизнь меняется быстро: одни ребята, взрослея, уходят, на их место приходят совсем маленькие. Но неизменным здесь остался главный принцип в работе Николая Константиновича — бережное отношение к детским фантазиям, настойчивое желание сохранить свободу и широту их воображения и замыслов.

Я влюбилась с первой встречи в славную, пухлую девчужку в очках, со сбившимися на коленках колготками — Власту Ватаман, которая в ту пору рисовала царицу Тамару. Царица получилась далеко не сразу, но все-таки получилась. А ведь могло случиться совсем иначе, будь у Николая Константиновича поменьше терпения. Дело в том, что пока Тамара сидела во Властину голове и требовала выхода, Власта изводила огромное количество ли-

стов, на которых варьировались красавицы восточного типа.

Николай Константинович Раздрогоин умеет и, что самое важное, любит работать с детьми. Он никогда не позволит себе спугнуть то интересное, что промелькнуло в ребенке. Вот почему он спокойно смотрел, как Власта множит число девиц в прозрачных шароварах, и терпеливо выжидал момент, когда можно будет подтолкнуть, направить. А в конце занятия, когда Власта подходила показать очередную акварельку, только беззлбно спрашивал:

— Ну, чего ты тут опять нагородила? Где гордость ее, где властность? Подумай. Попробуй еще раз.

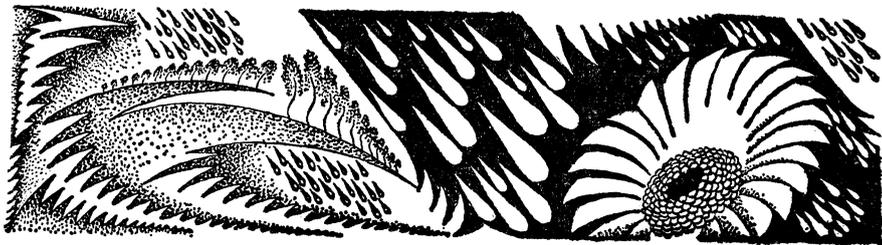
И так до тех пор, пока Тамара не стала наконец Царицей, а Власта не нашла в себе новое увлечение.

Лена Борода, мечтательного склада, по натуре очень мягкая, помню, рассказывая мне про себя, про то, что ей хочется сделать, по-взрослому говорила:

— Я сейчас задумала Пушкина. Хочется сделать несколько листов. Ну, к примеру, Пушкин — на мосту, Пушкин — после свидания с Керн, вдохновенный...

Это было два года назад, Лене тогда было 13 лет. Снова я встретила Лену, когда ей стало уже 15 лет. Вернее, встретила с ее работами на выставке «Тропа к Пушкину», посвященной 175-летию со дня рождения поэта. Ленины эскизы и наброски к стихотворению «Я помню чудное мгновенье» убедили меня в том, что ее мечта осуществилась — она нарисовала своего Пушкина. И за это — тоже огромное спасибо Николаю Константиновичу Раздрогоину.

**Алла
ТЕР-АКОПЯН**

Дождинка стукнула ромашку.
Та закачала головой —
вся в трепетности полевой,
с душой зеленой нараспашку.
И думает: «Как мы слабы
пред каплею!.. Однако... влага...»
И думает: «Удар судьбы!..
А, может, нет. А, может, благо».

ей-богу же, не ложью.
Но бога нет, но бога нет,
а есть коровки божьи.

И неизвестно, кто решил,
какой волшебник поспешил
их высыпать у моря
и каждой платье перешил
из шляпки мухомора.

А чайка пробует нырнуть
и рыбку верткую сглотнуть
в наивном эгоизме...
И жаль идущих в грустный путь,
в обратный путь по жизни.

У моря

Все в полосатой синеве.
Здесь море тянется к траве
волной теплоголосой.
Пирует с морем в главе
июль золотоосый.

И, приоткрыв глаза, смеюсь:
к воде рысцой трусит бутуз,
весь в будущем, как завязь.
А парашютики медуз
летят, не приземляясь.

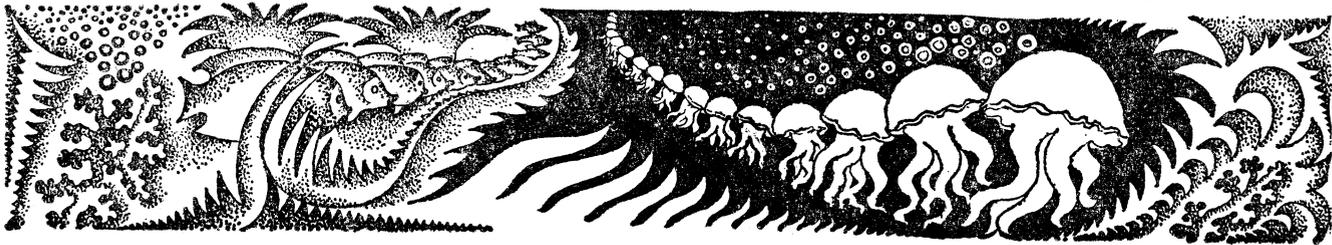
В живой воде преломлен свет.
Здесь мир иллюзией одет,

Продавец воды

Босые мальчик оставлял следы
на пыльной улице.
Кувшин давил на плечи.
А он кричал:
«Воды! Кому воды?»
И с каждым домом
становился легче
его кувшин...

*Рисунки
В. Меринова*

Владимир ШАРОВ

И снова часом ранним
шагал он глинобитным Эриваном,
и старый выкрик
жил в надежде новой,
как будто городу навечно дан...
За медный грош
прохладой родниковой
одаривал мальчишка горожан...
И подобрела к городу вода,
в фонтанчиках насмешливо забилась.
И мостовыми прошлое забылось,
а люди вспоминают иногда.

Осень в горах

А солнце не парит — парит
в одной с облаками упряжке,
в упитанном тихом барашке,
в атласе ромашки горит.

Горит на щеках золотых
туристов в прощальном походе.
Но длительней вой к непогоде
шакалов, в бессоннице злых.

В горах и в осенней душе
ночами пронзительней ветры.
В ручье отраженные ветви
похожи на корни уже.

Я б написал
слово «люблю»

Всюду! —
В дальних и ближних столетиях —
Я б написал это слово
Восходом на небе,
Выжег на площади города
Лучиком солнца.
Вышил бы на земле
Тонким пшеничным стеблем —
Бережно,

гладью и крестиком —
До горизонта.

Вплел бы я это слово
В простую мелодию птицы
Землю укутал бы

Синим,
небесным ситцем.

Выбил морзянку
любимой

Ударами сердца...

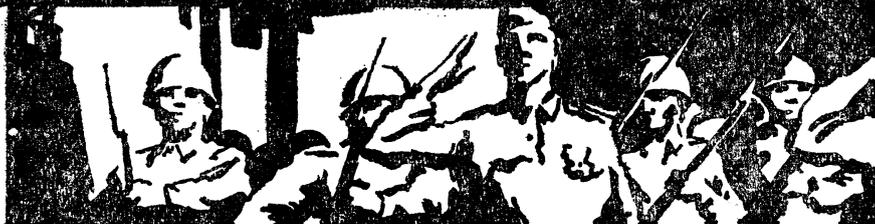
Зайдем неслышно в царство белизны,
Где на деревьях — снежная завеса,
Где лед горит сиянием блесны,
Закинутой зимой в глубины леса.
Зайдем и постоим, и помолчим...
Ложится снег на пихтовые брови,
Стога темнеют, будто калачи,
На скатерти холодного безмолвья.
Душистый воздух светел весь и чист.
Уже давно на юг уплыли птицы.
А с ветки ивы одинокий лист
В неведомое прыгнуть не решится.

ПАРАД ПОБЕДЫ

**Сергей
ПРАГА**

*Рисунок
Н. Павлова*

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади был проведен Парад Победы. Вскоре после этого, возвратившись из Москвы, Маршал Жуков предложил Главнокомандующим Американских, Английских и Французских войск провести Парад Победы в Берлине. Прошло немало дней, было проведено немало встреч, заседаний и консультаций, прежде чем на свет появилось соглашение о проведении такого Парада во второе воскресенье сентября 1945 года. Парад должны были принимать Главнокомандующие вооруженными силами Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции.

Было решено: от каждой стороны вывести на Парад по сводному стрелковому полку в тысячу двести человек и по двести танков и самоходных артиллерийских установок, а сам Парад провести в районе Бранденбургских ворот и рейхстага, на месте завершающих боев Советской Армии при штурме Берлина. Торжественный марш должен был начаться прохождением войск под Аркой Победы и дальше — по Аллее Побед, как называли отрезок Шарлоттенбургштрассе на территории парка Тиргартен, где по обеим сторонам группами и в одиночку стояли бронзовые, гранитные и мраморные статуи королей, курфюрстов и фельдмаршалов, на протяжении веков «железом и кровью» создававших милитаристскую «Гросс Дойчланд».

Трибуну, с которой Главкомы должны были принимать торжественный марш Парада, английские оккупационные власти обязались соорудить метрах в трехстах от Арки Победы, в конце Аллеи Побед.

Полковник в отставке Сергей Сергеевич Прага в годы Великой Отечественной войны был начальником оперативного отдела — заместителем начальника штаба 9-го стрелкового корпуса 5-й ударной армии. Во время подготовки к Параду Победы в Берлине исполнял обязанности начальника штаба корпуса.

Вопрос, в какой очередности мимо трибуны пройдут стрелковые полки и танковые колонны, дебатировался долго. Кому открывать парад, кому замыкать торжественный марш — все эти вопросы обсуждались в двадцати вариантах и ни один из них не получил единогласного одобрения. И тут слово взял представитель Советского Командования: — Как известно, Арка Победы воздвигнута пруссаками в ознаменование военного разгрома Франции в тысяча восемьсот семидесятом году... И будет глубоко символично, если Парад войск антигитлеровской коалиции откроет сводный полк вооруженных сил Франции! Внуки побежденных под Седаном первыми пройдут под Аркой Победы в Берлине, три четверти века напоминая французам о военном поражении!..

Это неожиданное заявление нашего представителя растопило ледок, начинавший сковывать стол переговоров. Двадцать первый вариант был найден: за полком французским следует полк СССР, за ним английский, а затем американский. Ну, а танки... В отношении танков был применен международный принцип именования государств в порядке букв латинского алфавита — английская колонна, французская, США, Советского Союза...

Вскоре было получено распоряжение начальника штаба группы советских оккупационных войск в Германии о предполагаемом Параде Победы в Берлине. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков решил: сводный полк укомплектовать, в основном, участниками боев за рейхстаг, имперскую канцелярию, здания гестапо, министерства иностранных дел, министерства ВВС и полиции-президиума, где в завершающих боях наши войска встречали особенно ожесточенное сопротивление. А так как все объекты, за исключением рейхстага, довелось брать полкам нашего корпуса, командиру 9-го Бранденбургского Краснознаменного ордена Суворова II степени стрелкового корпуса 5-й ударной армии было

приказано: в состав сводного полка откомандировать шестьсот пятьдесят солдат, сержантов, старшин и офицеров, отличившихся при штурме «особого сектора» Берлина.

Отбор кандидатов в состав сводного полка происходил «внизу». Командиры рот и батарей называли достойнейших, и если таких набиралось больше «лимита», предпочтение отдавалось наиболее рослым.

До вывода сводного полка на Триумфальную площадь и до команды «Парад, смир-р-р-но!» оставалось менее двадцати четырех часов, как вдруг Главнокомандующие союзными войсками сообщили, что важные дела не позволяют им прилететь в Берлин для участия в церемонии и их подменяет генералы, находящиеся на месте.

В своих мемуарах Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет: «Я тотчас позвонил И. В. Сталину. Выслушав мой доклад, он сказал:

— Они хотят принизить значение Парада Победы в Берлине. Подождите, они еще не такие будут выкидывать фокусы. Не обращайте внимания на отказ Главкомов и принимайте Парад сами, тем более, что мы имеем на это права больше Главкомов союзных войск!»

Пропуск на английском, русском и французском языках напоминал, что вход в зону Парада Победы в Берлине прекращается в одиннадцать тридцать. Без десяти двенадцать я занял место на гостевой трибуне. Оно оказалось в левом переднем углу. Места были пронумерованы. Правее меня стоял наш полковник-танкист. Рядом с ним английский полковник, далее американский, затем француз и снова советский товарищ.

Метрах в тридцати западнее возвышалась трибуна для Главкомов, задрапированная синей материей. За трибуной на длинных флагштоках свешивались полотнища государственных флагов держав-победителей. На той трибуне уже стояли генералы вооруженных сил участниц Парада и несколько штатских. Правее и левее трибун, на сотни метров, тро-

туар Шарлоттенбургштрассе был расчерчен на «гостевые площадки», где с ноги на ногу переминались не менее двух тысяч военнослужащих оккупационных гарнизонов всех зон.

На противоположном тротуаре стояли цивильные немцы. О времени и месте Парада Победы в Берлине жители знали из газет и сообщений по радио. Впоследствии газеты уверяли, что Парад Победы в Берлине привлек около пятидесяти тысяч берлинцев! Наблюдая за порядком, вдоль тротуаров, лицом к публике, с интервалом в десять метров, выстроились солдаты английской военной полиции.

Ровно в двенадцать из репродуктора раздавался встречный марш. С Триумфальной площади начали доноситься раскаты тысячеголосых приветственных кличей. Принимавшие Парад начали объезд войск.

К нашей трибуне лихо подкатил полицейский мотоцикл. С багажника соскочила девушка с корреспондентским значком и миниатюрным французским флажком на лацкане распахнутого пиджака. Она фамильярно похлопала мотоциклиста по спине. Тот, газанув, умчался.

Девушка протолкалась сквозь людскую стену на «гостевой площадке», взбежала на нашу трибуну и, рассыпая извинения, начала пробиваться вперед. Оказавшись за моей спиной, она потянула меня за полукителя:

— Мон колонель, подвиньтесь чутьчку вправо!

Я побеспокоил полковника-танкиста. Девушка боком втиснулась в щель между мною и перилами трибуны. Медленно подбирая русские слова, кое-где вставляя слова французские, она сказала:

— Мерси, господин полковник! Я только что отсюда! — корреспондентка тряхнула головой в сторону трибуны для Главкомов. — Мне здорово повезло: совсем близко увидела замечательнейшего полководца двадцатого века!.. Господину Жукову

не хватает маршальского жезла в руке!.. Но и без жезла, ореолом своей славы, громкими титулами и импозантной фигурой он буквально загипнотизировал, подавил всех!.. Мон колонель, поверьте много повидавшей журналистке: Парад Победы в Берлине принимает именно Маршал Жуков, трижды Герой Советского Союза!..

Тут из-под Арки Победы показались четыре машины. Сверкая никелем и лаком, сопровождаемые многоголосыми кликами, они медленно катились по Шарлоттенбургштрассе. Возгласы приветствия, конечно же, раздавались и в честь американского, английского и французского генералов, но они тонули в здравницах в честь Маршала Жукова и Советских Вооруженных Сил!..

Как только Маршал Жуков и генералы, заменившие Главкомов, поднялись на трибуну, в репродукторах зарокотали разноязычные многоголосые команды. Начиная торжественный марш вооруженных сил стран — победительниц во второй мировой войне!

Из-под Арки на Аллею Побед вышел сводный полк вооруженных сил Франции. По восемь в шеренге, солдаты были в серо-голубом обмундировании и белых гетрах. На общем фоне выделялись красноеверкие, расшитые галунами высокие офицерские кепи. Шли быстрыми, мелкими шажками, почти не обращая внимания на равенние по фронту и в глубину. По лицам солдат и офицеров было видно: стараются, но их, определенно, сковывает неожиданно выпавшая им честь первыми пройти под Аркой Победы.

Перед трибуной Главкомов знаменосец высоко поднял знамя, отсалютовал им и склонил его почти до земли. Эффектный прием произвел впечатление не только на трибунах. Берлинцы, заполнившие противоположный тротуар Шарлоттенбургштрассе, разразились громкими аплодисментами.

— Мон колонель, — сказала журналистка, — вы не должны быть стро-

ги к моим землякам. Подавляющее большинство этих парней никогда не бывали в боях. Генерал де Голль совсем недавно приступил к созданию кадровой армии!..

На Аллею Побед вступил наш сводный полк!.. Тысяча двести героев-богатырей, по тридцать в шеренге, еле вмещались на Аллее. Возгласы восхищения слышались там и тут. Парадное обмундирование, белоснежные перчатки, винтовки на плече. Глянешь на любого: грудь от плеча до плеча — в боевых орденах и медалях!

Солдаты шли свободным, широким шагом. Солнечные лучи поблескивали на стальных касках, на жалах штыков, на каждом ордена, на каждой медали. Казалось, воины-победители идут сквозь море сверкающих звезд.

В ста метрах от трибун раздавалась короткая команда, и сейчас же будто взорвались преогромные хлопушки: «Рррраз!.. Дввва!» Отработанным движением солдаты перехватили винтовки с плеча на руку. Шеренги грозно ошетились штыками. Одновременно офицеры обнажили шашки и вскинули их «наподвысь». Грянул «фанфарный марш», и Шарлоттенбургштрассе вздрогнула от строевого шага тысячи двухсот человек!

Рррраз!.. Рррраз!..

В немом восхищении умолкли трибуны. Притихли берлинцы. Французская журналистка, готовая выпрыгнуть с трибуны, восторженно кричала:

— ...Элегантно! ...Восхитительно! ...Божественно!

На четырех языках неслись приветствия в адрес победителей.

— Мон колонель, говорят, советский сводный полк сегодня ночью специально для Парада переброшен самолетами из Москвы. Верно, да?..

— Чепуха! — ответил я. — Разве вы сами не чувствуете: от этих парней все еще пахнет гарью боя!

Вдали показался сводный полк вооруженных сил Великобритании. Готовя «экспедиционный отряд» для

оккупации зоны Берлина, его укомплектовали отборными кадровыми частями. Строевой выправкой и дисциплиной на марше он произвел хорошее впечатление. Перед полком шли шотландские волынщики в экзотических национальных костюмах. Волынщики играли очень воинственный марш и, верные традиции, на ходу пританцовывали в такт.

Английские солдаты маршировали в стальных касках, а офицеры — в фуражках цвета хаки, с эмблемами на околышах. Кроме того, у офицеров в левой руке был стэк — «капральская палка», видоизменившаяся в соответствии с требованиями века, атрибут власть имущего.

В тот момент, когда англичане завершали прохождение перед трибуной, на Аллее Побед показались звездно-полосатое знамя. Вскоре американский сводный полк, — тысяча двести солдат, по восемь в ряд, — вытянулся из-под Арки Побед. Издали это выглядело очень внушительно. Американцы шли в парадном, «рассредоточенном» строю, — по фронту между солдатами интервал до метра, расстояние между шеренгами было не меньше. Солдаты крупно шагали, выпрямленную ногу ставя на наружный срез каблука, а затем печатая всюю стопой.

Свой сводный полк американцы вооружили автоматами. Лево́й рукой солдаты прижимали оружие к груди, а правой широко махали в такт левой ногой. Но судя по всему, в тот день команда «смирно» совершенно не сковывала американских солдат, и, совершая трехсотметровый торжественный марш, многие из них жевали жевательную резинку, переговаривались о чем-то весело, приветливо помахивали рукой на оклики с тротуаров. А когда полк поравнялся с центральной трибуной, владельцы фотоаппаратов направили свои «Лейки» на генералитет и защелкали затворами.

Создавалось впечатление: не войсковая часть торжественно марширует под взглядами многочисленных зрителей, а сотни дюжин веселых ребят из Аризоны, Оклахомы, Айовы и Техаса любопытства ради идут по Аллее Побед и Шарлоттенбургштрассе, чтобы поглазеть на бескрайние толпы, запрудившие тротуары, да взглянуть на центральную трибуну.

Но вот издали донесся грозный рокот моторов и скрежет металла. На Триумфальной площади танки стран-победительниц начали перестроение перед торжественным маршем.

Колонна английских танков и самоходных артиллерийских установок имела внушительный вид: тяжелые «черчилли», средние танки, самоходные установки, вооруженные короткоствольными орудиями и счетверенными крупнокалиберными пулеметами. По шесть машин в ряд колонна

двигалась, еле шевеля гусеницами, — она как бы плыла по площади.

Два кинооператора во всех возможных ракурсах засняли на пленку колонну, а перед командирским танком пятлись почти вплотную метров тридцать. Танки шли с открытыми люками, из которых выглядывали экипажи.

Следом шли французские танки. Сто двадцать бронедивизи: с десятков огромных, неповоротливых «рено», больше половины «валентайнов», а остальные — совсем старые, в первых же боях вышедшие из войны вообще. Двигались они со скоростью пешехода.

Американские танки — сто тяжелых танков и сто «СУ» — тоже не очень-то быстро шевелили гусеницами, но сверкая свежей краской и белыми пятиконечными звездами на башнях, производили сильное впечатление, хотя, с точки зрения советского военного, экипажи их, как и американские пехотинцы, не счень ладил с командой «смирно!».

И вдруг на Триумфальной площади словно начали рваться снаряды. Огромное облако черного дыма окутало Арку Победы. Это танки Советских Вооруженных Сил на малых скоростях выходили на исходный для торжественного марша рубеж. Затем сквозь дым показались и сами машины.

Они обтекали Арку Победы справа и слева. Будто выполняя команду «шаг на месте», колонна притормозила ход, затем снова тронулась — не так тихо, как танки союзников, но и не очень быстро. Советское командование вывело на Парад тяжелые танки «ИС» и «СУ-100».

«ИСы», — последнее слово отечественного танкостроения, гроза пресловутых фашистских «тигров», «пантер» и «фердинандов». Они обладали маневренностью знаменитых «тридцатьчетверок» и не боялись встречи с любым артиллерийским снарядом среднего калибра, а «СУ-100» — это самоходные артиллерийские установки, вооруженные сто-миллиметровыми орудиями.

В левом люке командирского танка стоял знаменосец со знаменем. В правом — полковник в полной парадной форме. Остальные танки шли с задраенными люками и расчехленными орудиями, по восемь танков в ряду, с интервалом между танками не более двадцати пяти сантиметров. Гусеница к гусенице! Башня к башне! Ствол к стволу! Так идеально ровно по флангу и в глубину вести двести боевых машин могли только отличнейшие специалисты!..

И вдруг!.. Толпы на тротуарах ахнули и торопливо попятись. В двухстах метрах от трибуны танковая колонна — сохраняя равнение и порядок! — ринулась вперед со скоростью не менее шестидесяти километров в час! Колыхнулась Аллея По-

бед!.. Ходуном заходил парк Тиргартен!..

Сияясь перекричать грохот танковой колонны, французженка-журналистка в экстазе вопила:

— Это зрелище достойно богов!.. Это триумф!.. Мой полковник, это — триумф!..

Как только последний ряд стальных великанов поравнялся с главной трибуной, танки, не сбавляя скорости, начали перестраиваться в колонну по два и словно растаяли где-то за границей английской зоны оккупации. Парад Победы в Берлине закончился!..

Маршал Жуков спустился с трибуны, сел в машину и уехал. Сразу опустели трибуны. Сняв полицейских, берлинцы кинулись к «гостевым площадкам». Во многих местах «цивилиные» и иностранные военные качали советских солдат и офицеров.

Выбравшись из толпы, я пошел разыскивать свою машину. На перекрестке аллеи стояла группа английских офицеров. В центре внимания был высокий полковник, недавний мой сосед по трибуне. Откозырнув, полковник преградил мне дорогу.

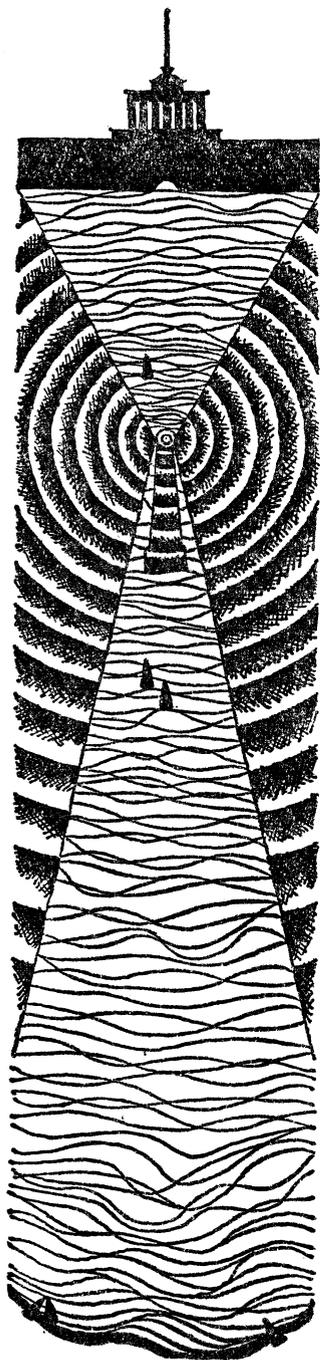
— Простите, сэр! — сказал он по-русски. — Примите искреннее восхищение советскими частями на параде!.. Сегодня не только я, многие поняли, почему Красная Армия в неполные девять дней покончила с миллионным гарнизоном Берлина!.. Как солдаты солдатам — салютуем Армии-Победительнице!..

В этот момент послышался голос моего шофера:

— Товарищ полковник, я здесь!..

НА МОТОРКЕ—ИЗ ТЕТЮХЕ В ЛЕНИНГРАД

Провожали их всем поселком. В комнате любителей водного спорта было не протолкнуться, всем хотелось «пройти» пальцем по длинному извилистому маршруту на карте. Маршрут был нешуточный. Японское море — Татарский пролив — Охотское море — Амур — Лена — Енисей — Обь — Иртыш — Печора — Северная Двина — Белое море — Онежское озеро — Ладожское озеро — Волга — Азовское море — Черное море — Одесса. Двадцать тысяч километров, почти половина экватора.

Не всякий решится на такое путешествие... А они решились. Лазарь Пряхин, Владимир Николайзен, Игорь Миронов, Евгений Таранец — работники Приморского горно-обогатительного комбината. Лодки построили сами, моторы купили складчину. Со снаряжением помог клуб. Каждые субботу и воскресенье, в погожий день и ненастье, члены клуба водного спорта в поселке Тетюхе добирались до озера Васьково, где учились судоводждению.

Пять лет заняла подготовка к путешествию, пять лет тренировок, тщательного изучения маршрута; да что говорить — два года ушло только на «дипломатические» переговоры с теми, кому это плавание казалось абсурдом, с родными и близкими.

Отважных путешественников доставили к «флотилии» с оркестром, множество людей желали им счастливого пути. Но счастливого, спокойного пути не было и не могло быть.

Японское море первым обрушило на смельчаков волну за волной. Самодельные лодки с подвесными моторами и пятисот-

килограммовым грузом на борту хлебнули шторма в шесть баллов. Это были только первые мили!.. Если вспомнить события, больше чем стогодовой давности, когда Г. И. Невельской, вопреки всем «приговорам» географов и мореплавателей открыл, что устье Амура судоходно, если вспомнить, сколько экспедиций до него не смогли ни с севера, ни с юга подойти к Амуру, — можно предположить, в какой переплет попали две моторные лодки... Японское море с тех пор не изменило свой нрав.

В Советской Гавани их подозвало к себе световым семафором военное судно; капитан, выслушав ребят, не мог не удивиться: «И на этих скорлупках вы хотите дойти до Одессы?!» Моряки на палубе корабля еще продолжали хохотать, когда капитан, посерьезнев вдруг сказал: «Снимем шапки перед отважными путешественниками и пожелаем благополучного пути!».

Первые трудные мили остались позади: моторки вошли в устье Амура. Впереди были сибирские реки. Самый старший из команды — Евгений Таранец, которому исполнилось сорок три года, много лет плывал по рекам Сибири и Дальнего Востока, да и остальные были не новичками на «большой воде». Выигранное единоборство с морем добавило веры и сил. Единственное, в чем стали сомневаться ребята, — хватит ли им времени? Сто десять дней, которые они отвели на путешествие, с самого начала оказались мифом. При таком расчете нужно было делать двадцать пять километров в час, а Японское море и Татарский пролив уже стояли

им одной непроходимой реки... Ну, что ж, сколько успеем — так они и решились и двинулись дальше.

Алдан, Илим, Ангара... Проплывают мимо редкие деревеньки, огромные стройки, зимовья, огни рыбацких костров. Непредвиденное случилось на могучем Енисее. Ночью, навстречу упущенное время, лодки «Тайга» и «Океан» шли с высокой скоростью, и «Океан» из-за отсутствия на реке заградительных огней попал в лесосплавную запань. Экипаж спасся, выскочил на бревна, но лодка утонула, с полным снаряжением. Ее искали двое суток местные жители из Маклановки, эпроновцы из Ленинграда, но безрезультатно.

И друзьям пришлось расстаться. Они распрощались в Красноярске: Владимир Николайзен и Евгений Таранец вернулись домой, а Игорь Миронов и Лазарь Пряхин продолжили путь. В Одессу они больше не намеревались идти — в пути пересмотрели маршрут: дойти до что бы то ни стало до Ленинграда. Пройдя Обь, Иртыш, Печору, Северную Двину, Белое море, Онежское и Ладожское озера, «Тайга» прибыла в Ленинград. Ребята успели до больших морозов, да и отпуск у них кончился.

Этим смелым и рискованным путешествием они доказали: пройти речным путем с Дальнего Востока на запад страны — мечта дерзкая, но не безрассудная.

Александр
ДЖЕМАН-НИКОЛКА

Рисунок
С. Мальшиева

В ОСАДЕ

Приключенческая повесть

24

ЮЛИЙ
ФАЙБЫШЕНКО

*Рисунок
Н. М.*

Пробраться в город оказалось легко. Лазутчики Хрена давно освоили один путь, который красные патрули не могли перекрыть. Это был путь через овраг. По нему можно было пройти до окраинных садов, а патрульные, даже появляясь на краю оврага, не смели спускаться в черную глубокую жуть, сплошь оплетенную кустарником и заплесневелым бурьяном.

На рассвете, прячась в садах, они добрались до адреса, данного Клешкову Князевым. Несколькое раз Клешков под разными предложениями пробовал оставить Семку в каком-нибудь саду, удрать от него, но у Семки были, видно, свои причины не покидать Клешкова, и он на все предложения разделить немедленно отвечал отказом.

Они подошли к маленькому домику на Румянцевской улице и постучались условным стуком в ставню. В домике началось движение, потом дверь приоткрылась на ширину цепочки.

— Кто такие? — спросил старушечий голос.

— От Герасима вам привет и пожеланье здоровья, — зашептал Клешков. — Отзыв?

— Спаси Христос, давно весточки ждем! — голос у старухи дрожал. Пристально оглядев Клешкова, она отворила дверь. — Проходите.

Через узкие сенцы они прошли в комнату. Там было жарко натоплено. Черный кот при входе их горбом напружинил спину, вздернул хвост и, злобно косясь на них, прыгнул на печь.

— Вы, соколики, тут пока погрейтесь, — говорила старуха, поспешно накидывая на себя потертую плюшевую кацавейку и платок, — а я побегла за самим.

Она исчезла. Семка сидел на скамье, вытянув длинные ноги и скучающе оглядывая комнату. Клешков тоже сел, прижавшись спиной к печке. Его легкое пальтецо почти не грело, и он изрядно намерзся.

— Интересно поглядеть, что это за братия? — сказал Семка и стал свертывать самокрутку. — Союзники.

— Люди как люди, — сказал Клешков, — с красными борются, чего еще?

— Буржуи! — презрительно сплюнул Семка. — Я этого лысого козла враз раскусил. Он со свободной анархией только для виду, а внутри чистая контра.

Клешков промолчал.

— А ты, — сказал Семка, — парень-то вроде нашенький, не из богатеев, чего ж ты с ними?

— Да вишь, — сказал Клешков, задумчиво поглядывая в окно, — мне-то поначалу все без надобности было. Как захотели они меня поставить к стенке — это я про красных, — тут я и решился. Так вообще, они мне были ничего, но больно строгие, и комиссары у них больно много власти захватили.

— Вот, — с дрожью вдохновения сказал Семка, — комиссары, понял? Они всю революцию продали. Кровь с народу пьют. Оттого наш батко Хрен из-за них с любимым сатаной вприсядку должен танцевать.

Послышался скрежет замка, и в комнату вошел невысокий стройный человек в военной форме, в красноармейской фуражке, в шинели, перетянутой ремнями. Шашка билась у него на одном боку, кобура хлопала по другому.

— Здравствуйте, — сказал он, оглядывая их темными зоркими глазами, — от Князева?

— От него, — встал Клешков. Семка не двинулся. — Это адъютант Хрена.

Военный пожал обоим руку, сел.

— Я руководитель суховского отделения Союза спасения родины, — он еще зорче всмотрелся в посланцев батки. — Мы готовы. Какие задачи ставит перед нами атаман Хрен и какими средствами он располагает?

— У батки пятьсот сабель, — сказал Семка, — и хлопцы за батку хошь на виселицу, хошь в огонь...

— Ясно, — недоброжелательно оглядев его, перебил военный. — Каким образом атаман хочет действовать против суховского гарнизона?

— Через два дня по получению от вас ответа, — лениво заговорил Семка, — мы вдарим с двух сторон. Большая часть войска со степи, остальные обойдут город и кинутся от монастыря.

— Со стороны Палахинских болот? — недоверчиво сощурился военный. — Там же места непроходимые, тем более, для конницы.

— Кубыть батко казав, — ощерился Семка, — то воны вже будут проходить.

Военный с сомнением покачал головой. Правая рука его лежала на столе. Клешков пристально разглядывал ее. Рука как рука, но на мизинце длинный ноготь... Не этот ли человек был в бурке, когда Клешкова с пристрастием допрашивал Князев?..

— Нам нужны реальные планы, а не химеры, — сказал военный.

Семка медленно поднялся.

— Ваше благородие, — сказал он, приближаясь к сидевшему, — ты тут мне не темни! — Желваки заплясали на худом и длинноносом Семкином лице. — Мы до тебя не чеплялись, твои люди к нам прибежали, не треба тебе пидмоги, валяй сам. Батко возьмет цей Сухов, як сам захоче. Понял?

Военный свистнул. Из кухни вышли дьякон и двое парней, по виду приказчиков — с длинными аккуратно расчесанными волосами, в жилетах, в бутылочных сапогах.

— Дормидонт, — сказал военный, — ты расставь людей и следи. Если на улице тревога, предупреди немедленно.

Дьякон поклонился, и все трое степенно прошли к дверям.

— Обсудим, — сказал военный, — план ваш сам по себе довольно хорош. Напасть от монастыря удобно. Во-первых, потому что не ждут, во-вторых, потому что там много укрытий от пулеметного огня: сады, дома, лесопилка. Меня здесь одно смутило: болота считаются непроходимыми.

— Считаются, — фыркнул Семка. — У нас во второй сотне, у Кикотя, трое таких хлопцев, шо воны до самого бога могут довести. Они те болота два раза проходили по батькиному приказу.

— Отлично, — сказал военный, — это уже солиднее. Чего требует от нас батько?

— Вы должны взять на себя пулеметы, — сказал Семка, — а их у красных шесть.

— Точно, — сказал военный, — два шоша, гочкис и три максима. Один из последних — на колокольне соборной церкви. Это самая опасная точка.

— Батько це предвидел, — усмехнулся Семка, — вин так казав: выступает обходный отряд зараз, як мы доложим, шо вы готовы. Нападаем с обеих сторон только по сигналу. Сигнал даете вы. Шесть вспышек фонаря с соборной колокольни. В ночь на третий день, як мы дойдем до батьки. Будет сигнал, зараз пускаем червонным юшку, и город наш.

— Но грабить в городе нельзя, — сказал военный, — иначе нам потом в нем тоже не удержаться.

— А хто грабит? — спросил Семка. — Белые — те грабят, сам видал. Червонные — те реквизируют! А наши люди экспроприируют у богатеев, и все!

— В данном случае, — сдерживаясь, сказал военный, — в данном случае мы не можем пойти на ваши экспроприации. Нас поддерживают те самые слои, которые вы привыкли экспроприировать.

— Об этом договаривайтесь с батькой.

— Об этом надо договориться сейчас, иначе нам будет трудно действовать сообща.

— Ладно, — согласился Семка, — я батьке скажу. Он меня уполномочил принимать условия, если воны не страшные. Я согласный.

— Хорошо, — сказал военный. — Мы берем на себя пулеметы. У нас есть возможность их обезопасить. Когда выступит обходный отряд?

— Сразу, як батько получит от вас вести.

— Когда он будет у монастыря?

— К вечеру другого дня, може раньше.

— Если раньше, надо так замаскироваться, чтобы у красных не было ни малейшего подозрения.

— Хлопцы дило знают.

— Обсудим детали, — военный развернул карту, — прошу вас сюда.

Клешков, стараясь не проявлять особого любопытства, сидел на скамье.

— Впрочем, вот что, — сказал военный, — пожалуй, я напишу атаману письмо. — Он сел и в несколько минут исписал большой лист бумаги.

— Поиесете вы, — обернулся он к Клешкову. — А вас, — это относилось к Семке, — я принужден оставить. — Он подошел к форточке и позвал: — Дормидонт!

— Как оставить? — спросил, поднимаясь, Семка и сунул руку за пазуху.

— Так, как оставили нашего Князева у батьки.

Подошел и стал около Семки огромный бородатый дьякон. За ним скользнул в комнату молодой в жилетке. Семка посмотрел на них и вынул руку из пазухи.

— Заложником, что ли?

— Пока мы с атаманом не познакомились как следует, я буду вынужден поступать таким же образом, как он с нами.

У Гуляева не было точных доказательств, что Полуэктов замешан в деле ограбления лавки потребкооперации, но само волнение хозяина, а главное, тот факт, чуть не выпавший у него из памяти, что награбленные продукты прятали в его бывшем складе, все это заставляло торопиться с выяснением. В сумерках он поднялся, отложил книгу, натянул сапоги и хотел было уже спускаться вниз, когда услышал, как задребезжали ступеньки под чьими-то шагами. Он быстро застелил шинелью свое ложе, присел на него. В дверь постучали.

— Входите! — крикнул он.

Вошла Нина.

Они не встречались уже несколько дней, и Гуляев почувствовал, что слова никак не пройдут сквозь гортань. Наконец справившись с неожиданным волнением, он сказал:

— Здравствуйте, — встал, придвинул гостевой стул, — садитесь.

Занятый собственными переживаниями, он в первую минуту не обратил внимания на то, как странно она держится. Сев, Нина долго молчала, тербя в руке зачем-то носовой платок, потом, глядя вниз, сказала:

— Владимир Дмитриевич, по-моему, вы очень хороший и добрый человек.

В зыбком свете свечи лицо ее потемнело, и он понял, что это краска стыда. Он и сам почувствовал, что его одолевает какая-то совершенно непривычная робость.

— С чего бы такие сантименты? — спросил он резче, чем хотел.

Нина вскинула голову.

— Вы правы. Самой смешно... Какие сейчас могут быть сантименты? К тому же в нашем возрасте смешно обманываться. Но мы, женщины, вечно выдумываем себе кумиров.

— Неужели я попал в столь лестный ряд? — спросил Гуляев.

Он уже чувствовал, что переборщил. Ему было жаль, что после его слов пропало что-то сокровенное, вдруг возникшее у него с этой женщиной здесь, в полутемной мансарде, посреди взбесившегося, залитого кровью мира.

— Я иногда думаю, — сдерживая волнение, сказала Нина низким голосом, — мне иногда кажется, что вы... Что в вас есть что-то необычное, способное заставить меня воспринять вас всерьез, не как других... Но потом я вспоминаю, что вы всего лишь «товарищ Гуляев» и что ведь недаром же, недаром вы с теми, с кем вы есть... И все-таки иногда кажется, что вы интеллигентный человек...

— Вас до сих пор удивляет, что интеллигентный человек стоит за революцию? — тихая ярость, которой он не давал выхода, принесла уверенность. — Вы до сих пор встречали только тех интеллигентов, что смотрят на революцию, как на занесенный перед лбом обух? А ваш друг Яковлев? Разве он не с нами?

Нина стиснула платок, скомкала его, долго молчала. Потом сказала изменившимся голосом, в котором он почувствовал что-то чужое, но не успел понять что.

— Да... Вот и Яковлев... Может быть, вы объясните этот парадокс запутавшейся женщине. На той стороне люди вашего круга, вашего уровня. С этой стороны серые и неграмотные, близкие к пещерному уровню мужики. Я, конечно, понимаю, что в прошлом они были обижены, оскорблены в своем достоинстве, доведены до отчаяния, а теперь добились своих прав... Но дальше встает вопрос о построении новой и справедливой жизни... Вы не обидетесь, если я спрошу?

— Не обижусь, — сказал Гуляев.

— Неужели вы верите, что они смогут установить совершенно новые серьезные законы, что они смогут соблюдать их?

— Почему, собственно, нет?

— Разнузданная, развращенная насилием орда?

— Орда?

Она замолчала и отвернулась.

Он молча смотрел на нее. К чему весь этот разговор? Она не понимает и никогда не поймет его товарищей. Зато он прекрасно понимает ее, но что толку... Взаимопонимание зависит от двоих, а не от одного... Впрочем, почему это он вдруг задумался о взаимопонимании?

— Что ж вы не ведете меня? — спросила она с явственными нотками гнева в голосе.

— Куда это?

— В свою ЧК. Я же тут такое вам наговорила!

— Говорите, что хотите... Это ваше право.

— А если я сама пойду в ЧК и скажу, что

вы слышали страшные вещи о вашей власти и не донесли?

Он сверху вниз посмотрел на нее. Глаза черно блестя на бледном лице, светилось золотое огромное кося.

— Грабители и насильники не способны дать справедливости своей стране, бандиты не могут быть честными правителями!

Он положил ей руку на плечо. У нее срывался голос, ее трясло, зато он теперь был спокоен.

— Нина Александровна, с вами что-нибудь случилось? Не таитесь!

— Ничего не случилось! — крикнула она, отбрасывая его руку. — Вы произвели впечатление воспитанного и гуманного человека, спасли нас во время обыска от голодной смерти. Я поверила вам, а оказалось все это лишь затем, чтобы шпионить за нами!

— За кем — за вами?

— За мной и дядей!

— Откуда вы это взяли?

— Он сидит там внизу и ежеминутно ждет ареста. Говорит, что вы приписываете ему участие в каком-то грабеже! Дядя — честный человек, откуда он мог знать, что в его лавке хранилось награбленное? Он туда уже год не кажет носа. А вы приписываете ему!..

— Одну минуту, — сказал Гуляев. — Где ваш дядя?

— У себя! Он уже готов, собрал вещи! Можете брать!

— Пойдемте-ка потолкуем. — Гуляев потянул ее за руку и повлек за собой.

Они спустились в комнаты. За освещенным трехсвечником столом хозяин, грузный, с нечесаной бородой, пил чай. Хозяйка мелькнула, поставила самовар, ворохнула глазами в сторону квартиранта и сгнула. Нина прошла в красный угол и села под иконой. Гуляев стоял у стола, сунул руки в карманы, размышлял. Хозяин, кашлянул, пролил чай на бороду.

— Так вот, Онуфрий Никитич, вы сочли, что я вас заподозрил? — спросил Гуляев. — Вот не могу понять — с чего пришло такое вам на ум?

Хозяин крякнул, дернул головой, не ответил.

— И потом, — все еще размышляя, медлительно говорил Гуляев, — если бы вы даже и бывали в лавке, если даже и ключи у вас от нее имеются...

— Нету ключей! Нету! — каким-то утробным ревом вырвалось у купца. — Не мучь ты меня, лиходей! Матушка-заступница, царица небесная, спаси и помилуй раба твоего.

И в этот момент Гуляев вспомнил, откуда он знал то молодое хищное лицо на фотографии, взятой из дома Нюрки Власенко.

— Я говорю, что если вы даже и были в лавке, это еще не доказывает вашу связь с бандитами, — продолжал Гуляев. — Но вот что я

вспоминаю: а ведь я видел этого типа у вашего дома, видел, Онуфрий Никитич!

— Какого еще типа? — повернулся к нему на крякнувшем стуле хозяин.

— Фитиля-то я видел, — спокойно сказал Гуляев, — и как раз накануне ограбления. И не далее, как в вашем саду.

— Это подлость! — вскочила Нина.

— Не могу! — сполз и рухнул на колени хозяин. — Не могу, вот те крест! Запужал он меня, Нинка! Все расскажу.

— Дядя! — зазвенел натянутый до предела голос Нины. — Встаньте! Рохля!

Гуляев нащупал в кармане рукоять нагана и накрепко обнял ее пальцами. Вот оно что! А он чуть не поверил сладкоречивой племяннице.

— Встаньте! — сказал он. — Собирайтесь!

— Какой-то шум, — сказал сзади знакомый голос. — По-моему, здесь все переругались.

Гуляев обернулся. В проеме двери, освещенный слабым светом из кухни, улыбался Яковлев. Шинель на нем была распахнута, в руке фуражка.

— Здравствуйте, Владимир Дмитриевич, второй раз на дню.

— Здравствуйте, — сказал Гуляев, — придется вам мне помочь.

— В чем же? — спросил Яковлев. — Впрочем, я к вам испытываю такую симпатию, что готов помочь в чем угодно.

— Надо отконвоировать моих уважаемых хозяев в ЧК, — сказал Гуляев.

— Отконвоировать? — Яковлев туманно улыбнулся. — Но позвольте... Мы гости, они хозяева, есть в этом что-то непорядочное... К тому же, Нина Александровна женщина, а в ЧК этому могут не придать значения. Нет, Владимир Дмитриевич, я не могу! Это не мужское дело.

Гуляев зорко оглядел всех троих. Нина стояла под иконой, сплетя руки у груди. Купец тяжело переминался на коленях. Яковлев смотрел на него с нехорошей усмешкой. Гуляев сориентировался.

— Эй, — сказал он, выхватывая наган, — отойдите-ка от двери.

— Это мне? — спросил, все так же улыбаясь, Яковлев.

— Вам! Ну!

Яковлев шагнул в комнату и в тот же миг ударил выстрел. Гуляев отскочил. Купец бил в него с колен. В руках у Нины тоже воронено блеснуло.

Он выстрелил вверх, и в тот же миг по руке его ударили чем-то железным. Наган упал. Гуляев закричал зубами от боли и попытался поднять его левой рукой, но второй удар сшиб его с ног. С трудом нащупав затылок, уже влажный и липкий от крови, он стал подниматься. Сильная рука заставила его сесть.

— Вережки! — скомандовал голос Яковле-

ва. — Надо спрятать этого большевистского Холмса. Он нам еще понадобится.

Гуляев с натугой приподнял гудевшую голову. Нина с окаменевшим лицом принесла веревки. Яковлев, упершись коленом в гуляевскую спину, натуго скрутил ему руки.

— Не мечитесь, Онуфрий Никитич, — сказал Яковлев, — не надо было трусить. Не приди я вовремя, вы могли бы все дело завалить! Сейчас потрудитесь-ка на общую пользу. Отнесите нашего комиссара наверх. Мы тут кое о чем потолкуем между собой, а потом и с ним побеседуем.

Гуляев увидел подступившую к нему вплотную огромную тушу купца, ощутил запах пота, исходивший от его салопы, почувствовал, что он отделяется от пола. Купец, охая и стоная, поволок его по ступеням наверх и сбросил на пол в его комнате.

Когда купец ушел, Гуляев приподнял голову. Рука болела нестерпимо. Может быть, была переломлена кость? Нет, успокоил он себя, скорее ушиб. Голова была налита чугуном и ныла. Надо было собрать и привести в порядок мысли, а боль мешала этому. Он стиснул зубы, постарался перевести внимание. Внизу грузно топал хозяин, слышались голоса, но слов разобрать было невозможно. Гуляев поднатужился, перекатился на живот и встал на колени. С большим трудом поднялся на ноги...

Ошибочку допустили, господин ротмистр или как вас там по чину, подумал он о Яковлеве, — ног не связали. А пока мы на ногах, нас еще не сбили. Он тряхнул головой и тут же чуть не упал от подступившей дурноты. Сейчас эти, снизу, явятся. Он прислушался. Среди голосов выделялся голос Нины. Он звучал на пронзительных, почти истеричных нотах. Требуется вывернуть его наизнанку? Откуда такая горячность?

Но вот уже полминуты что-то отвлекало его от голосов в гостиной. Слышался еле уловимый звук щепы во дворе. Чуть-чуть звякнуло стекло, точно его коснулись чем-то металлическим. Неужели свои? Гуляев перестал дышать, слушал. Это было бы слишком большой удачей. К нему иногда присылали связных от Бубнича или Иншакова. Но как они могли явиться именно сейчас? На выстрелы? Но выстрелы в доме, стоящем в глубине двора, почти не слышны на улице....

Вот уже скрипнула входная дверь, и крадущиеся шаги нескольких человек еле слышно прощуршали в передней. Он ждал, боясь пошевелиться. Те в гостиной могли услышать по скрипу пола, что он уже на ногах. Вдруг ахнула дверь и тотчас раздался крик Нины, внизу затопали, зарычали сдавленными голосами.

Гуляев шагнул было к двери, но вспомнил: за спиной его было окно. Оно закрыто. Открыть он его не сумеет, но если ударить плечом, можно

высадить раму. Но куда бежать — ведь пришла помощь. Он подошел к раскрытой двери и остановился. С яростной матерщиной кто-то выволок что-то тяжелое в прихожую.

— Ну, фраер! — услышал он остервенелый голос. — Куда камушки запрятал?

В ответ — прерывистое дыхание.

— Будешь говорить? — накаленно спросил голос, тупо прозвучал удар по живому, слышались стон и одышливый голос купца:

— Ай мы не расплатились с тобой? Что ж ты, как грабитель, ко мне врываешься?

— Не расплатились! — злобно крикнули в ответ. — Мне склад был не нужен. Я по до-

говору его брал. Я по мизеру не играю. Для вас старался. А потом? Нагрели меня, фраера, думали Фитиля обвести? Где камушки?

— Да откуда у меня камушки? — плаксиво забормотал купец. — Сколько обысков было, сколько голодали, продал все!

— Гляди, косопузый! Даю тебе полминуты. Не вспомнишь, где камни лежат, пришьем и тебя, и твою девку, и зятя. Это я тебе гарантирую.

Вдруг в гостиной опять закричали, забежали. Гуляев принял решение. От пришельцев пощады ждать нечего. наших надо предупредить о заговоре, о том, кто такой Яковлев и семейка

Полуэктовых. Он разбежался, вышиб плечом окно — зазвенели разбитые стекла. Он сел на подоконник, высунул в сплошной мрак ноги и прыгнул.

Теперь все они обитали в садовой сторожке. К ночи постояльцы нашли тут себе занятие. Семка засел за карты с обоими парнями приказчиьего вида, дьякон захрапел, а Клешков, поглядывая на заставленные изнутри фанерой окна, все чаще начал выходить на улицу. Сначала Семка и тут не отпускал его от себя ни на шаг и покорно вставал рядом у кустов, как только Санька ступал из двери на садовую, усыпанную жухлой листвою землю. Немедленно появлялся и дьякон, и все трое сторожко, ощущая присутствие друг друга, смотрели в осенний мрак, приглядываясь к огням недалекого дома, видным сквозь оголенную сумятицу черных ветвей.

Потом, не разговаривая, молча возвращались. Наконец Семке надоело выходить за Клешковым, дьякон утомился и захрапел, и Клешков почувствовал, что теперь самое время бежать.

— Шесть! — кричал один из охранников, азартно шлепая картой.

— На, семь! — шлепал своей картой Семка.

— Да ты гляди — это ж козырь!

— Ладно, сыпь козырь на козырь...

Можно было элементарно домчатся до милиции. Или до исполкома. Но на это ушло бы не меньше получаса. Семка и остальные спохватились бы. И страшнее всего — от этого прогорала суть его сообщения. Он знал теперь замысел повстанцев и городского белого подполья. И надо было сообщить об этом своим, не встревожив врага. Вот в этом и состояла задача. Он обдумывал, глядя, как игроки рубят картами по столу, как шарахается от этих ударов пламя свечи, как гудят доски.

Клешков встал. Не спеша подошел к двери и открыл ее.

— Куда пошел? — крикнул за спиной Семка. Оборвался храп дьякона.

— До ветру, — сказал он и ступил в сад.

Вокруг свирепствовал ветер. Слышно было, как скрипят во тьме деревья, шуршат и сосулькиваются ветви. Он стоял, ждал. Из сторожки не выходило. Дом был шагах в пятидесяти. Он шагнул было в сторону и явственно услышал звук револьверного выстрела, за ним еще два. Он кинулся к дому и припал к земле у кольев ограды. Брехнула и вдруг захрипела собака, звякнула цепь. Потом он услышал крадущиеся шаги во дворе. Пока ничего нельзя было разобрать, и инстинкт разведчика приказывал ему ждать. Наконец у тускло освещенной веранды появилась плохо различимая фигура. Прижалась к

двери. Послышался звук вырезаемого стекла, потом дверь раскрылась, и тот, кто открыл ее, а за ним еще трое беззвучно скользнули в дом.

Было тихо. Клешков замерзал. Он вышел в одной косоворотке, пальто и кепка остались в сторожке. Земля охолодила живот, ветер — спину. Клешков ждал. Если сейчас выстрелить, начать панику, то, пожалуй, можно успеть добежать до исполкома, но как быть потом. А не переменят ли свое решение Семка и тот военный?

Вдруг наверху с треском вылетела, звеня осколками стекла, рама, и тотчас же в прогале окна появился и с глухим шумом упал вниз человек. Клешков подождал с минуту, но кругом царило безмолвие и только где-то в соседнем дворе исходил в хриплой ярости пес. Клешков вскочил и в несколько прыжков домчался до кустов, где должен был находиться выпрыгнувший. Тот лежал лицом к земле, со странно заведенными за спину руками.

Клешков осмотрелся и присел над лежащим. Это был высокий хорошо сложенный мужчина в сером, странно знакомом костюме. Ноги его в галифе и сапогах были широко раскинута. Мужчина хрипел. Клешков осторожно повернул его голову и не поверил своим глазам: перед ним был Гуляев. Лицо его с ободренным кровотокающим подбородком, со слипшимися волосами совсем не походило на лицо веселого и находчивого друга. И все-таки это был он. Клешков похлопал его по щекам. Гуляев открыл глаза. Он долго щурился, всматривался в почти прислонившееся к нему лицо Клеškова, потом бормотнул:

— Санька... — и тут же дернулся. — Предатель!

Клешков наклонился к самому его уху.

— Володь, идти сможешь?

Гуляев выругался, попробовал поднять голову. Клешков распорол веревку на его руках, помог сесть.

— Володь, не перебивай, — сказал он, — слушай внимательно.

Он быстро и четко пересказал ему все, что узнал о планах подполья и повстанцев, потом поднял, поставил его и попросил пройти. Гуляев мотнул головой и чуть не упал. Но сказал, что дойдет.

— Иди, — сказал Клешков, — только вот что... Кто там в доме? Что за шум?

— Налетчики, — невнятно пробормотал Гуляев, — купца моего щупают. А купец — сам в подполье и все там оттуда. Надо всех брать.

Клешков увидел, как Гуляев, шатаясь, двинулся к саду. Он подождал, пока тот дойдет до деревьев, послушал удаляющийся хруп листьев под его сапогами и, невесомо ступая, двинулся к двери дома. Щепка и листья поскрипывали под ногами. В доме слышен был шум, возня. Он подобрался к полуоткрытой двери, выдвинул впе-

ред руку с наганом и, отведя дверь, ступил внутрь дома.

Уже в передней слышно было, как вскрикивает и стонет женщина за дверью, как невыносимо хрипит кто-то еще, как переговариваются весело напряженными голосами несколько мужчин. Клешков помедлил было перед дверью, но хрип вдруг усилился настолько, что он не выдержал, рванул дверь и остановился в ней.

В комнате горели свечи, в их свете видна была привязанная к креслу светловолосая женщина. В углу над сидевшим на полу мужчиной в гимнастерке стоял широкоплечий малый в тулупе и кепке. Его обрез был уперт в темя сидевшего. Трое других толпились над кем-то привязанным ко второму креслу, и один из них, самый высокий, все время спрашивал приглушенным голосом:

— Надумал колотья, падло? Нет? — потом они что-то делали, хрип усиливался. И снова свирепый голос высокого спрашивал: — Развяжешь язык, старая портянка? Нет?

Дверь была полуотворена, она не скрипнула, и в течение, может быть, нескольких секунд, но секунд настолько долгих, что казались нескончаемыми, Клешков был свидетелем пыток. Первый его заметила женщина и осеклась в крике. От этого оглянулся парень в кожанке и, дернув шнур, вскинул свой обрез. Клешков выстрелил в него и тут же, присев на колени, выпустил все патроны в обернувшихся от кресла. Трое упали мертвыми, а длинный попытался подняться. Но военный, сидевший в углу, подбежал к нему и выстрелил в голову из обреза, перехваченного у рухнувшего бандита.

— Вовремя вы, — сказал военный, и Клешков узнал в нем руководителя городского подполья.

Не теряя времени, военный развязал женщину и старика. Старик был настолько черен лицом, что Клешков думал, что он сейчас умрет от разрыва сердца. Он сидел, ухватившись за ручки кресла, и прерывисто дышал.

— Онуфрий Никитич, надо уходить! — сказал ему военный. — Выстрелы слышали в городе, скоро будут гости. Нина, как вы там?

— Я готова, — глухо отозвалась женщина. — Надо проверить постояльца.

Затопали шаги. Клешков с наганом и военный с обрезом кинулись к двери. Вломился дьякон.

— Живы? — завопил он оглушительно. — Спаси господи! Целы!

— Поздненько являешься, Дормидонт, — опустил обрез военный. — Если бы не этот человек, — кивнул он на Клешкова, — нам бы здесь могилку наверняка заготовили. Видел, кто пожаловал?

Дьякон подошел к мертвецам, поглядел и часто закрестился.

— Помилуй господи, сам Фитиль.

— То-то и оно. Я говорил вам и Князеву, нельзя связываться со шпаной. Так и вышло.

— Учтем, господин ротмистр.

— Где твои люди?

— Ожидают в саду.

— Адъютант Хрена?

— Там же.

— Уходим немедленно. Передай своим ребятам, чтобы проводили обоих, и этого, — он указал на Клешкова, — и того, за город. Задерживать никого не будем. Побратались в деле. Уходить немедленно.

Дьякон исчез.

Во время их разговора женщина пропадала куда-то и теперь возникла в дверях.

— Его нет!

— Нет? — переспросил военный. — Тогда бегом! Уходим!

Все выскочили в прихожую, старика вела женщина.

Военный быстро натянул шинель, нахлобучил фуражку.

— Сигналы остаются прежними, — сказал он Клешкову, — сроки тоже. Нас, конечно, будут искать, но, надеюсь, не сыщут. Через двое суток начинаем. До встречи.

Клешков выскочил во двор, за ним вышли и остальные. У ограды темнела кучка людей, слышался негромкий разговор. Когда Клешков подошел, один из молодчиков при дьяконе подал ему пальто и шапку.

— Бегом! — гаркнул дьякон. И сам первый пустился тяжеловатой трусцой. Кругом гудел и гнул сад, абсолютная темнота обступала их. Шелест, шорох, треск сухих веток. По садам, среди бреха собак они уходили к окраине. Сады были, как леса. Клешков думал о Гуляеве, о том, как будет действовать Бубнич.

С утра мело. Холода и снег, неожиданные в этих местах в начале ноября, опрокинулись на городок. С вечера эскадрон Сякина выступил. Движение это постарались сделать неприметным. Всадники группами и по одному съезжались к монастырю, во дворе его пристраивались к своим взводам. Гуляев, получивший задание быть при Сякине, ездил рядом с комэском, как привязанный. Бубнич появился около полуночи, перед самым выступлением. Он поговорил с Сякиным и обратился к эскадронцам с небольшой речью.

— Товарищи! — сказал он, оглядывая длинный строй всадников, по флангам которого стояли две тачанки. — Между исполкомом и вами были недоразумения. Возможно, что мы не смогли сделать для вас всего, чтобы отдых ваш после госпиталя был по-настоящему здоровым. Но вы сами знаете, товарищи, идет революция. Она вокруг — и среди лесов, и болот, идет в ранах, ошибках, в тифу, но идет! — Бубнич приподнялся

на стременах. — И она требует от вас, от революционных бойцов, чтобы вы забыли все ошибки ее и обиды, она требует от вас пролить кровь и спасти ее, как вы это не раз уже делали! Она ждет вашей помощи, товарищи!

— Да-ешь! — заревели эскадронцы, и Сякин, секанув коня плетью, помчался по рыхлому снегу к дальним воротам монастыря, за ним по одному вытянулся эскадрон. По плану, принятому после сообщения Гуляева, эскадрон должен был обрубить одно из щупалец, охватывающих город: встретить и уничтожить обходный отряд Хрена. Тот самый, что должен был напасть на защитников города с тыла.

Шли несколько часов. Кони вязли в рыхлом и вязком снегу, всадники кутались в бурки. Метель неожиданно улеглась. Ветер шуршал в хвое сосен. Лесная тропа между болот выводила к широкой поляне. Последние всадники подъезжали к бугру. Сякин негромко отдавал приказы. Багровый шар солнца запутался в переплетениях голых ветвей. Лошади оставляли глубокие следы в снегу, и поляна казалась огромным бумажным листом, на котором были нанесены письмена какого-то неведомого народа гигантов. Всадники ежились от ветра. К Сякину и Бубничу подскакали разведчики.

— Выходят по болоту, — доложил один из них, парень с чубом цвета спелой пшеницы, — выбившимся из-под кубанки.

— Много? — спросил Сякин.

— Сотни две, если не больше.

— Последи и докладывай, — сказал Сякин и, переждав глухой топот умчавшихся разведчиков, повернулся к Бубничу. — Что будем делать, комиссар?

— Лучше всего подождать, когда они скопятся на выходе из болота, и рубануть пулеметами, — сказал Бубнич. — А вы как считаете?

— Думаю, лучше бы их прямо на болоте резать, — сказал Сякин. — Трудно будет, коли они до твердой земли дойдут. В два раза превосходят.

— Поступайте, как знаете, — после минутного колебания ответил Бубнич, — вы тут командуете.

— Рази я? — дурашливо изумился всем своим костлявым лицом Сякин. — Вот не знал...

Бубнич оглянулся на Гуляева. В глазах Бубнича было столько беспомощности, что Гуляев тронул своего саврасого ему навстречу.

Бубнич отвернулся.

— Вы тут командуете, Сякин, — сказал он, — и только вы, запомните.

— Запомню, — пообещал Сякин, и что-то в его голосе насторожило Гуляева. — Взводный, — кричал он, — второй взвод! Гони сюда старшего.

Примчался на рыжем дончаке лихой казачина с пышными усами, отсалютовал шашкой.

— Ты пощупай их за бугром, — сказал Сякин, — мнится мне, шо они уже повывлезли с того чертячьего болота. Коли так, не атакуй, а собчи!

— Слухаю! — взводный умчался.

На поляне строился эскадрон. На вершину бугра выехали и развернулись за стволами могучих дубов обе эскадронные тачанки. Гуляев, поглядывая на Бубнича, горячил коня. Сама идея посылки сюда эскадрона казалась ему опасной. Ни Сякин, ни его бойцы не вызывали у него доверия. Тем более, Сякин был озлоблен, и Бубнич это знал. Но перехватить бандитов у выхода из болота — было единственным возможным решением. Караульная рота была малочисленна, чоновцы не умели как следует стрелять. Все двенадцать верст по лесной тропе, которые проделал эскадрон, разбавленный милиционерами и чекистами, чтобы парировать именно тут удар повстанцев, Гуляев волновался. Он замечал, что волнуется и Бубнич, хотя тот внешне не подавал вида. Лишь желваки на скулах да быстрые взгляды, которые он бросал на Сякина, выдавали его беспокойство. И вот теперь наступал решающий момент. Еще тогда, когда Сякин без Бубнича поехал инструктировать разведку, Гуляев взглядом попросил разрешения следовать за комэском. Бубнич резким движением бровей запретил ему это. Теперь после слов Бубнича, Сякин мог делать все, что взбредет в его сумбурную голову. Гуляев ударил коня, тот прыгнул и мигом вынес его к фронту эскадрона.

— Первый и третий взводы — в резерв! — командовал Сякин. — Гони к тому клену, где комиссар товарищ Бубнич расположился, — с ехидной улыбкой указывал Сякин. — Четвертый взвод — выдвинуться на взгорок и по команде — беглый огонь.

Около сотни всадников колонной по четыре двинулись по поляне в сторону одиноко стоящего под мощным кленом всадника. Остальные тронулись к бугру, у его основания начали слезать с коней, полезли наверх. Это были милиционеры и чекисты, самый надежный взвод. «Своих в резерве оставил, — думал Гуляев, прыгивая с коня у изножия холма, — как захочет, так и решит». Вокруг него неторопливо избегали на вершину холма и, раскидываясь цепью, пристраивались за ольховыми кустами милиционеры. По обе стороны крутой вершины, у самых отлогих краев холма, стояли тачанки. Номера на них, цепко припав к пулеметам, следили сквозь прицельные прорезы за кем-то на болоте. Кони, повернутые задом к трясине, жевали, изредка вздрагивали.

Гуляев сквозь кусты всмотрелся в пятнистое и кустистое поле впереди. Вдалеке, на том краю болота, темнел лес, а по кочкам передвигалась длинная змейка людей, и в самом конце лошади осторожно вывозили тачанку. Это было

неожиданностью: считали, что у банды нет пулеметов.

Было слышно, как с глухим чавканьем прыгали с кочки на кочку идущие. Коней большей частью вели в поводу, но кое-кто ехал верхом. Трясина, то и дело проступавшая сквозь снежный покров, была в этих местах, как видно, неглубокой. Передние давно обошли холм, где ждали сигнала милиционеры, и были уже не видны из-за других лесных холмов. Все ближе чавкала грязь под сапогами и копытами. Лица притаившихся за кустами милиционеров были бледны.

Сзади зашуршал снег, Гуляев обернулся. На холм въехал Сякин во всей своей красе — в белой папахе, в распахнутой на груди венгерке, в красных галифе. Серый конь его резко выделялся на фоне темного переплетения кустов. «Что он делает? — в ужасе подумал Гуляев. — Его же заметят!»

В этот момент Сякин вырвал шашку, и блеск ее высоко полыхнул в лучах рассветного солнца.

— Огонь! — крикнул он, и оба максима на тачанках одновременно затарахтели. Змейка повстанцев на болоте сразу порвалась. Несколько человек в середине ее рухнули в черную воду, остальные кинулись в стороны, забарахтались в трясине. Кое-кто, присев, открыл огонь с колена, визгливо заржали лошади, заметались, высоко взбрыкивая передними ногами. Одна уже тонула посреди болота, и ржанье ее далеко разносилось вокруг.

— Тачанку, тачанку бейте! — высоким ломающимся голосом кричал Сякин.

Гуляев увидел, как поднимались на дыбы и падали кони у самого начала болота, оттуда тоже затарахтело, и заплясал огонь вокруг пулеметного дула. Вся цепь милиционеров и чекистов в кустах беглым огнем крыла разбегающихся и падающих бандитов. Те, на болоте, почти не отвечали. Многие завязли, соскочив, с тропы, многие пятились, пытаясь отстреливаться, но пулемет на дальнем краю холма сек и сек разбежавшиеся серые фигурки, а второй максимум непрерывно слал очереди по тачанке бандитов. Ответный огонь на той стороне вдруг примолк и опять возобновился. Видно было, как зыбятся серые спины за щитком максима. Вскрикнул кто-то. Рядом с Гуляевым, раскинув руки, рухнул парень в кожаной куртке. Бандиты все точнее вели огонь. Гуляев подскочил к упавшему парню, выдернул из холодеющих рук винтовку. В конце концов, недаром же он получал призы по стрельбе. Четко уперев приклад в плечо, повел стволом. Вот он, горб бандита за пулеметом. Ствол максима бился в огненной лихорадке.

Гуляев выстрелил и снова приложился. В полминуты он выпустил три обоймы. Пламя в стволе бандитского пулемета погасло.

— Урра-а! — закричали в цепи около него.

Сзади одобрительно, хриповато сказал Сякин:

— Молодец, мильтон! Умеешь воевать!
Но Гуляев не ответил. Он слушал.

В тылу на поляне творилось что-то неладное. Гуляев вскочил и, перебежав пространство до пологого спуска, посмотрел вниз. Там, внизу, сшиблась толпа и, лишь изредка вскрикивая, эскадронцы и неведомо откуда взявшиеся бандиты рубили друг друга. Хрипели лошади, ругались и стонали люди, но стон и топот были странно приглушены, словно это происходило во сне, не на яву. У подножия холма жались испуганные коноводы четвертого взвода.

— На конь! — гаркнул сзади уверенный голос.

И сразу же покатались, поехали по пятнистому склону милиционеры и чекисты. Бандиты стали заворачивать коней в сторону коноводов. Но было поздно. Гуляев сам не помнил, как он влетел в седло.

— Вперед! — ударил голос Сякина, и Гуляев, обгоняя других, скакавших рядом, послал вперед своего саврасого мерина. Навстречу, осклабившись, скакал бандит с опущенной вдоль крупа лошади шашкой. Его лихое, распаленное азартом рубки лицо скалилось усмешкой. Гуляев выстрелил. Бандит еще яростнее заусмехался, и лошади сшиблись. Он уже пел, пел рядом, металл чужого клинка, когда Гуляев обуздал дрожавшую руку, трижды дернулась собачка курка, и пегий конь бандита пронесся рядом. На шее его безжизненно пласталось тело. Невдалеке Сякин орудовал двумя клинками. Пятясь перед ним, отступал бандит на рослом вороном жеребце. Он бешено, но не очень умело отмахивался клинком, полушубок его на груди уже темнел кровавым пятном, а Сякин жал и жал его в самую гущу рубки.

Гуляев перезарядил браунинг и понял, что бандиты дрогнули. Они уже поворачивали коней, кое-кто из них, отстреливаясь, начал отъезжать в глубину леса. В этот миг один из них — в мерлушковой папахе — выстрелил. Сякин охнул и схватился за руку. Одна из его шашек выпала под ноги коня. Гуляев изо всех сил ударил своего саврасого каблуками и оказался рядом с Сякиным. Он дважды выстрелил и увидел, как свалилась мерлушковая папаха, как смертно бледнеет длинноносое, искаженное шрамом на лбу лицо врага. Бандит стал заваливаться назад. Лошадь его пробежала рядом. А Гуляев хотел подхватить Сякина, но тот ударил его локтем и пришпорил лошадь.

— Дави, ребята! — крикнул Сякин. — Дави!

— Да-е-шь! — заревели со всех сторон. Озверевшие лошади эскадронцев грызли и теснили коней бандитов. Резко ударило несколько выстрелов, и бандиты как по команде стали поворачивать коней.

— В угон! — закричал Сякин.

Десятки всадников помчались радужным клубком, догоняя и обгоняя друг друга. Сякин, белый, потерявший кубанку и шашку, шагом ехал навстречу Бубничу. Тот на ходу осадил, вздыбил лошадь.

— Спасибо тебе, командир!

— А ты, дурочка, боялась, — сказал Сякин, блестя глазами. — Я, комиссар, присягу один раз даю.

Из-за деревьев возвращались всадники, ведя в поводу трофейных коней. Вся поляна была завалена трупами людей и лошадей.

— Назад надо! — сказал Бубнич, пытаясь забинтовать плечо Сякина.

— Трубоч! — из последних сил крикнул тот, и откуда-то из-за деревьев труба серебряно завела сигнал сбора.

Шел снег, по улицам села разъезжали конные. У завалинок толпились местные, поглядывая на суету вокруг штаба. Батько Хрен уже с прошлой ночи выдвинул свои аванпосты к городу. Клешков стоял у штаба в кучке бандитов и ждал Князева.

— Барахла, братцы, там навалом, — говорил, пуская дым через ноздри, бородатый крепкий мужик в полушубке, перепоясанном офицерским ремнем. — Что ни толкуй, а Сухов — он город был торговый, народ там толстобрюхий живал.

— Усе комиссары разволокли, — лениво говорил усатый украинец в островерхом малахе, — тильки шо кров свою прольем!

— Комиссары себе награбили, мы комиссаров обдерем, — стоял на своем бородатый. — Не, без товару не вернемся, точно говорю.

Из ворот хаты, занятой под штаб, вырвалась кучка всадников и во весь опор покатились по улице. Скоро уже и спин их не стало видно в мельтешении снега.

— Погодка, как по приказу, — бородатый обмел снег с бороды, — уже год я с батькой, и где тилько ни были, а городов пока не брали!

— Теперь мы — сюда, — с убеждением подтвердил усач, — селяне за нас, громада валом валит. Прижмем город пид ноготь, вин и прыскне.

В сумятице снежных вихрей Клешков увидел знакомую чуйку и треух Князева.

— Пошли-ка, молодчик, вести приятные, — сказал он.

Они пошли по улице, увязая в снегу. В лицо колко била метель.

— Допрашивал ноне батька одного человека, — благостно изливался Князев, — так до чего ж упорен был, до чего бранчлив, только плетями и смирили раба божьего.

— Красного взяли? — спросил Клешков.

— Оно вроде и не красного, да ведь и к нашим тоже не причислишь. Колупаевский.

— А, это из погорельцев.

— Пожег их батько, но ведь не без резону, они на честь супруги его покушались. Так что хочю молвить, пока разум мой нищий еще бодрствует в трудах, батько Хрен умен, умен, разворотлив мозгами.

Клешков промолчал. Они вошли в калитку, поднялись в сени, разделись там и сели в комнате, отведенной им на постой.

— Я вот к чему это говорю, — продолжал Князев, отирая ладонью свое острое, с козлиной бородкой лицо и щурясь на Клешкова, — я к тому, голубь, говорю, что больно ты возле этого Семки толчешься. Окрутят они тебя по молодости, окрутят, парень, а ведь бандиты они, как есть бандиты... Что сегодня с христовой душой живой проделывали, как измывались.

— Молчал?

— Так что ж молчать, все одно откроешь рот, когда за такое место к потолку подвешивают.

— Заговорил?

— Заговорил. И все на нашу голову. Еле только я и отговорил, спасибо Кривой помог, очень ему хочется в городе пограбить, а то бы батя заместо большевиков разнесчастного голодранца Митьку Сотникова пустился б истреблять. Вот он, союзничек, свяжешься с ним, а потом не знай, чего ждать. Все-таки, благодарение господу, так оно — не так, а к ночи выступаем. — Князев замолк, потом поднял вверх глаза и сказал молитвенно. — Отольются большевикам невинные слезы, отольются. Пошли мне, господи, встречу с их главным, с нехристом Бубничем, пошли, господи. Вот возьмем город, я его добуду! За все мне ответит лиходей, и за иму-

щество мое, и за сына, что по его милости в могиле, за все! Отольются ему слезки, иуде мохнотому! Отольются!

— Я вам не нужен?

— Иди, иди, голубь, да возвертайся скорей. В сумерках выступление, вот тут не теряйся, при мне находишь.

Клешков оделся в сенях и вышел. В метели скакали конные, тархтели подводы, перекрикивались голоса. Клешков зашагал по направлению к штабу, щурясь и заслоняясь от крупки рукавицей. Второй день он был в страшном напряжении. Вчера выступил Кикоть. Больной, он лежал в тачанке, но сам повел отряд в две сотни коней, с ним был единственный в банде, исправленный к этому времени пулемет. Его подарили батьке Хрену мужики из староверских сел. Теперь начиналось движение трех последних сотен Хрена. Конечно, хорошо, что товарищи в городе ждали и готовились, но Клешков никак не забывал, до чего несоразмерны их силы с числом нападавших. Общее число штыков и сабель у защитников города было меньше даже той части бандитской армии, которая шла с Хреном. Вместе с Кикотем и подпольем бандиты превосходили красных почти втрое, и спасение было только в пулеметах. Любая случайность, любой пустяк могли перевесить чашу весов.

Клешков вошел во двор штаба. Запорошенные снегом, хрупали сено лошади. Все они были подседланы и укрыты попонами. Людей почти не было видно, разбрелись по хатам, готовились к походу. Внезапно набежал веселый Семка, перетянутый в пояс, в кубанке. От него несло самогоном.

— Здорово! — крикнул он. — Слыхал? Выступают!

— Сейчас? — спросил Клешков.

— Через час, как смеркнет.

— Пойду собираться.

Семка поймал Клешкова за плечо.

— Слухай, Санька, оставайся со мной.

— А ты разве не идешь?

— Батько тут оставляет, жену сторожить от колупаевских.

— Хорошая должность!

— Поперек его не попрешь.

— Понятно. Я пойду с войском.

— Оставайся, — убеждал Семка, — мы тут пир организуем, Христю позовем, она, как батьки нет, до всех добрая.

— Нет, я хочу в городе побывать.

— Так побываем! А то дюже здесь скучно. Одна Христя, так вона мне хуже буряка невареного, да пленный. Може, со скуки его в расход пуцу, кацапа колупаевского. Пусть Митьке Сотникову прощальный привет шлет.

— Отпустил бы ты его, — сказал Клешков, — он же все сказал. На черта он тебе?

— Я колупаевских из принципа не отпускаю.

Этот Митька Сотников — гад, хуже змеюки, упадетя, на ремни всю шкуру порежу! Пленный-то его продал, мы послали утром сотню, пугнули, еле ноги унес. Малый сидит — трусится: не мы, так Митька его все одно зарежет.

— Пойду, — сказал Клешков.

— Ну, как знаешь...

Семка исчез в снежной круговерти. Тревожно заржала лошадь. Клешков пошел к базу, чтобы задами выйти на улицу. У одного из амбаров в белой тьме кто-то пошевелился.

— Браток, — сказал чей-то голос, — закурить нема?

Клешков подошел. Невысокий мужик в огромной дохе, обхватив руками винтовку, переминился у дверей.

— Нету закурить, — сказал Клешков. — А ты чего здесь?

— Да пленного сторожу, — ответил мужик тонким голосом. — Обрыдло. К ногтю бы его, и все, а тут мерзни.

Клешков подошел еще ближе и без размаха ударил караульного в пах. Бандит ойкнул и согнулся. Клешков изо всей силы рубанул его рукоятью нагана по голове, тот рухнул в снег. Клешков подскочил к амбару, оглянулся. Бушевала метель, изредка где-то вдалеке мелькали темные фигуры. Он вырвал шкворень, державший двери амбара, распахнул обе половинки.

— Браток! — позвал он шепотом. В ответ тишина. — Эй, колупаевский! — сказал он в полный голос. Откуда-то из глубины донесся стон. Клешков на ощупь тронулся на голос, споткнулся о какие-то мешки, потом еще обо что-то и понял — перед ним человек.

— Эй, — наклонился он, — ты что, ранен?

— Добивай, гад! — застонал тот. — Кончай. Хватит...

— Вставай! — приказал Клешков и, нагнувшись, ухватил за плечи лежащего. Рывком поставил его на ноги.

— Товарищ, — сказал он, — я свой.

— Какой свой? — спросил пленный.

— Свой я, из города, — торопливо разъяснил Клешков.

— Мы с городскими не вяжемся, — испуганно бормотал пленный.

— Пойми ты, дурень, — Клешков схватил в темноте его за руку и подтащил к себе. Еле брезжило во мраке его лицо с ошарашенными глазами. — Слушай внимательно: ты своих продал, но их на том месте не накрыли.

— Чего ты такое говоришь? — отстранялся от него пленный. — Не при чем я.

— Слушай, шкура! — вскипел Клешков. — От тебя сейчас все зависит. И твой Митька Сотников благодарить тебя будет, если меня послушаешь...

— Митька? — шагнул вперед парень. — Говори!

— Сейчас я тебя отсюда выведу, дам лошадь, сумеешь найти своих?

— Попробую.

— Найдешь, передай: Хрен идет на город. Христа и все барахло остаются здесь. И обоз, и имущество — все. Если на рассвете сделать набег — все ваше. И с Хреном расплатитесь. И красные будут вас за своих считать, понял?

— Не врешь? — спросил парень, глаза его ожили, засверкали в темноте. — Да коли так, мы тут им такую юшку пустим.

— Все точно. Ты Митьке сумеешь доложить?

— Да я Митьку с под земли достану, я ж его подручный.

— Пошли.

В снежном кружении, в вое ветра они выбрались на двор. Клешков подождал, пока колупаевец заберет лошадь и выедет со двора, и побрел по улице следом. Пропела труба. К штабу начинали стягиваться конные. По дороге Клешкова встретил Князев.

— Готов?

— Готов.

— Пошли.

Батько Хрен, Охрим, командиры сотен и еще с десяток всадников стояли верхами у плетня. За повод батькину лошадь держала полураздетая, в наброшенном платке Христа.

— Ой, не уезжай, — причитала она. — Ой, не уезжай, бо я без тебя дня не выживу!

Семка, стоявший рядом с ней, обернулся и подмигнул Клешкову.

— Пора, батько, — сказал Охрим.

Нестройная толпа всадников постепенно вытянулась в колонну.

— Пошли! — махнул Хрен, поцеловал Христа, отвел ее нагайкой с пути и дал коню шпоры. Остальные поскакали за ним.

Подъехал Князев, ведя в поводу лошадей.

— Садись, — кинул он Клешкову, — вот выклянчил у союзничков.

Князев и Клешков пристроились к хвосту колонны. Ветер и снежная крупа били в лицо, всадники кутались в башлыки, на самое переносье сдвигали папахи и малахаи. Сзади слышен был нестройный шум. Клешков оглянулся. Изо всех дворов выезжали подводы, сани, мажары — вытягивались за колонной.

— Чего это они? — спросил он Князева.

Тот обернулся, долго глядел на пристроившийся позади обоз, зло засмеялся.

— Матерь Росеюшка, — доходило до Клешкова в гудении ветра, — она все та же, что и при татарах была. Не понял? — Князев за повод протянул лошадь Клешкова, пояснил. — Как при набеге, грабитель едут! Возьмет Хрен город, а они за ним. Союзнички, помилуй нас, господи, за такую дружбу.

Тяжело и размеренно месили снежную хлябь сотни копыт.

По избитой мостовой Гуляев доскакал до исполкома. У входа стояло несколько оседланных лошадей. Часовой, не сказав ни слова, пропустил его внутрь. Пробежав по коридору, он остановился у двери председателя. За дверью сшибались голоса. Он вошел.

Три человека враз повернули к нему бледные лица.

В кресле усталым коршуном сутулился Куценко. Он смотрел мрачно. У окна на стуле пыжился в своей неизменной коже Иншаков, он даже привстал. Военком Бражной, крупный, круглобродый, смотрел хмуро, но спокойно.

— Что? — вырвалось у Куценко.

— Разгром полный, — сказал Гуляев.

Иншаков ахнул и упал на стул. Куценко закрыл лицо рукой.

— Без паники, — пробасил Бражной и встал. Тут только до Гуляева дошло, как они восприняли его сообщение.

— Разгром противника полный! — повторил он, исправляясь. — Взят единственный пулемет банды. Тридцать пленных. Порублено и постреляно человек сто. Остальные рассеялись.

Иншаков вскочил и вдруг захохотал. Бражной зажмурился, и улыбка усталого блаженства на секунду распахнула и высветила его хмурое лицо. Куценко выпрямился в своем кресле.

— Бубнич жив? — спросил Куценко, и тут Гуляева закидали вопросами.

— Как вел себя Сякин?

— Какие у нас потери?

— Настроение у эскадронцев?

После подробных ответов Гуляеву велели остаться и приступили к совещанию.

— Продолжай, Иншаков, — сказал Куценко, — надо решать.

— Надо Хрена напугать, — сказал Иншаков, — вот мое предложение. Подтянется Сякин, надо двух-трех пленных послать к Хрену, чтоб он знал, что мы готовы и ждем. Хрен не попрет на рожон, а тогда и возьмемся за подполье в городе. Выловим, а тут и Хрена можно прижать.

Куценко и Бражной молчали. Потом Бражной поднял голову.

— Предложение, пожалуй, верное. У нас, считая с ЧОНОм и милицией, пехоты — одна полнокровная рота, а конница теперь имеет состав меньше эскадрона. Пулеметы есть, но ночной уличный бой — вещь капризная. Самое же опасное — неизвестность сил и места нахождения белых подпольщиков. Повальные обыски ничего не дали. Притаились гады. Какой момент они изберут для удара — невозможно определить, — он пожевал клоч бороды, закончил: — Я за предложение Иншакова. Надо доказать Хрену опасность штурма города, и он уйдет.

Куценко помолчал, потом поразмыслил вслух:

— Уйти он, может, и уйдет. Да ведь опять

придет, сукин он сын! По сведениям, которые поступают, Хрен усиливается каждую минуту. В связи с разверсткой настроение в деревне против нас. Значит, через неделю Хрен может вернуться с такими силами, что неизвестно, как мы его тогда отразим.

— Ничего, — сказал Иншаков, — в Таврии наши жмут. Губерния о нас вспомнит...

Открылась дверь, вошел захлаюстанный грязью Бубнич, улыбнулся всем и рухнул на стул.

— Дорожка! — сказал он. — Врагу такой не пожелаю.

Сразу же его ввели в суть спора. Он посидел, подумал и высказался:

— Я за первоначальный план. Штурм мы отразим. Надо только подготовиться... Я опросил пленных. Обходным отрядом командовал Кикоть, но он заболел и руководил с тачанки. Его мы не взяли, Кикоть у них — один из самых способных. Отряд его считался лучшим. Лучшие силы Хрена мы, значит, разбили. Теперь вопрос идет о малодисциплинированных частях, фактически это шайка, а не армия. Боя они не выдержат. У нас караульная рота теперь укомплектована чоновцами и коммунистами, у нас пулеметы, мы придадим каждой группе пулемет, разместимся, так, чтобы противнику пришлось, нападая на одну, иметь с тыла вторую группу, и встретим Хрена, как надо. В резерве у нас Сякин. Эскадрон доказал в бою, что он революционная, преданная, высоко маневренная часть. При этих условиях Хрен будет разбит. Теперь насчет подполья. Пугая Хрена и удаляя его от города, мы вредим себе. Хрен уходит в села и пополняется. Подполье как было, так и остается для нас иском. Если же мы правильно разместим наши пулеметные группы и резерв, одним ударом можно кончить всю игру. Подпольщики вылезут — им надо захватить наши пулеметы. Хрен с его конницей на свою погибель влезет в уличную тесноту. Здесь мы сильнее, и мы победим. — Бубнич обвел глазами присутствующих. На лицах всех лежало тяжкое раздумье. — Вопрос в том, посмеем ли мы рискнуть? — сказал он. — А рисковать в данном случае мы обязаны.

Иншаков пробормотал:

— Лихо!

Куценко сказал:

— Похоже на авантюру.

Бражной потер лоб, всмотрелся куда-то перед собой прищуренными усталыми глазами.

— Пожалуй, если хорошо подготовиться, это выход.

И неожиданно все согласилось с ним.

Вошел красноармеец. Подал Бражному записку. Тот разрешил ему идти, прочитал, сообщил:

— Банда выдвигается к городу. Разъезды усилены. Наши посты отходят к окраинам.

И тогда Куценко сказал:

— А ведь Иншаков правильно говорил.
Спор закипел с новой силой.

В темноте глухо скрипели мажары селян, чавкала грязь под копытами лошадей. Банда Хрена обкладывала город. Батько, Охрим, ординарцы стояли на холме, прислушиваясь и угадывая во мгле движение тех или иных частей войска. Князев и Клешков, найдя ставку атамана, подъехали и пристроились позади. Кто-то во тьме приискал, чавкая сапогами, полез на холм.

- Батько тут?
- Ходи ближче.
- Батько, подай голос.
- Кто будешь?

— С третьей сотни. Там наши хлопцы позаду оврага червонных накрыли. Двух узяли.

— Пусть приведут, — распорядился Хрен.

Связной молча зачавкал по грязи. Потом звук его шагов утонул в сплошном шорохе перемещения нескольких сотен людей. Ветром несло запах лошадиного пота и навоза. Ночь устанавливалась ясная, многозвездная, Прорезалась из-за облаков луна. В смутном ее свете стали видны кучки всадников, разъезжающие неподалеку от холма. Лес оставался сзади. Вокруг была степь, и по всему ее ровному раздолью мелькали неясные тени: группировались по сотням бандиты, уходили вперед секреты, коневоды стреножили коней. Когда тянулись к этим местам лесом, кое-где еще белел снег,

здесь же вся степь превратилась в сплошную глинистую хлябь. Лошади и люди с трудом вытягивали ноги.

Привели пленных. Охрим, нагнувшись с лошади, стал их допрашивать. Топот и движение вокруг не позволяли Клешкову расслышать, что пленные отвечали. Охрим вдруг привстал на стременах и резко махнул рукой. Один из пленных упал на колени, застонал. Конвоир сзади ударил второго. Тот тоже упал в грязь.

Князев приблизился к Хрену, подождал, пока к нему подъедет Охрим.

— Батько, — торопливо заговорил Охрим, — оба краснопузые брешут, что Кикотя раскостерили.

— Шо таке? — повернулся к нему Хрен.

— Ей-бо! Я их сек и уговаривал не брехать, но они уверяют, шо Кикотя разбили на болотах, шо привели пленных и шо по городу усю ночь шли обыски.

Хрен молча повернулся в седле и поскакал к оврагу. За ним, грузно топоча, помчались остальные. Клешков и Князев, шлепая по лужам, поехали следом.

У оврага перебежала бандитская цепь.

— Батько! — вполголоса окликнул чей-то бас.

Хрен подъехал и спешился. Впереди дрожали зыбкие огни городка.

— Батько, — сказал тот же голос, — тут перебежчик с отрядом Кикотя, та я не верю.

Подвели человека. Хрен, за ним остальные — спешились.

— Батько, це я, Пивтораивана, — торопливо заговорил перебежчик, — узнаешь?

— Узнаю, Васыль, — мрачно буркнул Хрен, — откуда взявся?

— Забрали нас, батько. На болотах застукали. Пулеметами порезали на гати.

— Де Кикоть?

— Не могу знаты того, батько! Я в атаке був. Там и в плен взятый.

— Як тут оказался?

— Сбег. Воны до штабу нас вели, а я в сады, тай и сбег. Я город добре знаю.

— Ладно, — сказал Хрен, — ходи в третью сотню, кажи, шо я приказал одеть и вооружить.

— Дуже дякую, батько.

— Охрим, — резко обернулся Хрен, — где эти... З городу?

— Тут, батько! — сказал Охрим.

— Узять пид стражу.

В несколько секунд Князева и Клешкова содрали с лошадей, обезоружили и плетью подогнали к Хрену.

— Зрада! — сказал Хрен. Лица его не было видно в темноте. Только плотный силуэт в папаче. — Зрада! Продали моих хлопцев?

— А мы тут при чем? — заспешил Князев. — Мы-то при тебе были.

— Кто при мне, а хто и в городу, — сказал

Хрен. — А зараз треба мне отходить. Большевики ждуть, шо я сунусь, а я не сунусь. Будемо возврататься, там и разберемься, кто и шо кому продал.

Клешков вздрогнул. Но тут же успокоился. Что они могли знать?

— Возвртаемься, Охрим, — приказал Хрен, — передай...

За оврагом, на склоне, где уже начинались первые дома города, вдруг грохнуло и просыпался беглый ружейный огонь. Потом заорали десятки голосов. По вспышкам было видно, что бой перемещается в сторону города.

— Шо таке? — спросил сбитый с толку Хрен.

— Там третья сотня, — раздумчиво сказал Охрим.

Подскакал всадник.

— Батько! Третья сотня взяла пулемет и гонит червонных!

— Охрим, — внезапно повернул голову Хрен, — а не морочат нам голову комиссары? Распустили слух, шо воны ждуть, пленных подбросили, нашей людыне дали сбечь, шоб вин нам про Кикотя рассказав? Воны не хотят ли, шо бы мы опять у лес забрались? Га?

— Не знаю, батько, — проговорил Охрим.

В это время еще раз грохнула бомба и жарко запылал дом на окраине. В его свете было видно, как перебегает улицу пехота банды и как врываются на улицу первые всадники.

— На штурм! — Хрен кинулся к лошади и вскочил в седло. И тут же сотни голосов закричали, загомонили вдоль оврага. Зашлепали сапоги, затопотали копыта.

Охрим кинулся назад удерживать в резерве хотя бы полусотню всадников. По всему полукругу оврага заплясали вспышки ружейного огня. Скоро они переместились в улицы. Штурм начался. Князев и Клешков, отведенные назад двумя конвоирами, молча смотрели, как вспыхивает и разрастается в городе сумятица боя. Вспышки выстрелов неслись уже из центра. Ветер иногда доносил изодранные клочья криков. Внезапно от казарм и с колокольни ударили длинными очередями пулеметы и вспышки ружейных выстрелов, бандитов сразу отбросило к окраине. Пылало несколько домов.

— А наши-то, наши? — тревожился рядом Князев. — Неужто взяли их? Саня, чего молчишь?

— Откуда мне знать, Аристарх Григорьевич, — отвечал Клешков.

«Как там они?» — думал о товарищах Клешков и вздрагивал от тревоги. Сзади подъезжали мажары с мужиками. Самые отчаянные гнали их прямо в город.

Бубнич и Бражной следили с колокольни за боем в городе. По Румянцевской бандиты выходили во фланг казармам. Один пулемет, при-

данный с вечера чоновцам, был взят и уже работал против красноармейцев, защищавших штаб. С трех сторон цепи бандитов отжимали пулеметные группы красных к центру.

Иншаков метался где-то у исполкома, сбивая вокруг себя побежавших было чоновцев. Горели дома. Непрерывно сыпался огонь винтовок, дробно заглушали все звуки пулеметы.

— Не пора ли Сякина бросить в дело? — спросил Бубнич.

— Нет! — отрезал Бражной.

Гуляев смотрел, как назревал кризис у исполкома. Там руководили обороной Иншаков и Куценко. Бандиты вели огонь из пулемета, а кучки их, накапливаясь в садах, все ближе придвигались к стенам исполкома. Отчаянная пальба не прекращалась ни на минуту.

— Дай-ка им прикурить! — приказал Бражной, и тут же пулеметчик на колокольне повел стволом. Там, у исполкома, сразу задвигались и начали отбегать темные фигурки, а пулемет вел и вел свою огненную строчку. Бандиты в садах приумолкли. Едва только почувствовалось, что атака на исполком ослабла, из дверей особняка сыпанули человечки. В свете горящих домов они быстро растягивались в цепь. Вот выбежал вперед командир и махнул шашкой. Цепь, попрыкивая огнем, побежала через площадь. Навстречу ударил короткими очередями пулемет, и цепь легла. Опять из садов послышались залпы оправившихся бандитов. Пулемет на колокольне начал поединок с вражеским пулеметом. Наконец тот замолк.

Бубнич повернулся к Бражному.

— Кажется, отбили атаку, пора самим атаковать.

— Рано, — сказал Бражной. — Гляди, что на флангах делается.

Действительно, вспышки выстрелов косо отжимали оба фланга красных к той же исполкомской площади.

— Эскадрон у нас — единственный резерв. — Бражной опять уставился вниз.

Вокруг пахло жженым железом, брэнчали под ногами гильзы, веревки колоколов мешали ходить, связные, переступая и отбрасывая их, страшно ругались. Бубнич все время поглядывал на монастырь. Там в полной боевой готовности ждал эскадрон Сякина — основная сила гарнизона: семьдесят обстрелянных всадников с опытным командиром и две пулеметные тачанки.

В узких улочках, где затерялась группа Иншакова, усилился огонь, потом высоко взмыл крик. Скоро на площади появились отдельные фигурки, они поворачивались, стреляли и бежали к исполкомку.

— Отбили! — ударил по каменному барьеру Бражной. — А ты — эскадрон, эскадрон!

— Стой! — прервал его Бубнич. — Тут дело кажется похуже, чем думаем!

Действительно, со всех сторон, не только с Румянцевской, по которой повел было атаку Иншаков, но и с боковых улиц на площадь выскакивали и бежали в одиночку и кучками красноармейцы. Бандиты сумели обойти красных на флангах. Теперь узлом обороны становились исполком и колокольня.

Пробрался сквозь суету вокруг связной:

— Милицию заняли, арестованных распустили, — крикнул он.

— Гуляев! — крикнул Бубнич. — В монастырь. Передай Сякину: атака! Пусть гонит их в степь.

Гуляев помчался по узкой винтовой лестнице вниз. Взбиравшиеся вверх бойцы прижались к стене, чтобы пропустить бешено мчавшегося связного.

Выскочив на улицу, Гуляев вспрыгнул в седло первой попавшейся лошади и наметом погнал ее в переулок. Сзади от площади летел сплошной вопль атакующих, и вдруг сразу стало тихо. Он на ходу обернулся в седле. По площади метались одиночные бойцы. Из здания исполкома сыпался огонь обороняющихся, а от Румянцевской во весь опор катилась яростная конная толпа: Хрен бросил в атаку конницу.

Гуляев вцепился в лошадь и ударил коня каблуками. Конек был замороженный, но и ему передалась тревога владельца — он понесся галопом. На площади решалась судьба городка и всех товарищей Гуляева. Он направил коня на плетень, проскакал чьим-то огородам, перепрыгнул поленницу и выскочил на улицу, ведущую к монастырю. У одного из домов суетились люди.

— Стой! — крикнули ему. Он еще раз ударил коня каблуками, конек не подвел. Гуляеву показалось, что среди фигур, мелькнувших в свете окна, была одна женская. Сзади ударили выстрелы, он пригнулся к шее лошади, ощутил кожей грубую шерсть гривы, вобрал в себя запах конского пота. Кто это мог быть? Зашевелилось подполье? Над самым ухом пропела пуля. У ворот монастыря его задержали два всадника.

— Документы!

— К комэску! — ответил он.

Его отконвоировали к Сякину. В темном дворе в полной боеготовности стояла кавалерийская колонна. Сякин на вороном коне в белой папахе неподвижно стыл во главе строя.

— Военком приказал: атаковать, — бросил Гуляев.

— Какая обстановка? — тронул поближе к нему коня Сякин.

— Конница ворвалась на площадь. Сейчас там все перемешалось, наши в исполкоме и в церкви еще держатся. Если не отобьем, будет поздно.

— Эскадро-он! — запел Сякин, поворачиваясь в седле. — Ры-сью-у арш!

Гуляев вместе с Сякиным вылетел из-под ар-

ки ворот. Сзади слитно и могуче работали копыта. Эскадрон галопом прогрохотал мимо того двора, где обстреляли Гуляева. Там никого уже не было. Завернули в проулок и вылетели к церковной паперти. На площади творилось черт знает что! Бандитская конница разворачивалась, атакуя на два фронта, — колокольню и исполком. В дверях исполкома уже дрались врукопашную. Пулемет на колокольне молчал, зато вражеский пулемет так и сыпал из какого-то сада свои горящие строки.

— Тачанки на фланги! — гаркнул Сякин. — Эскадро-он! В лаву!

Веером рассыпался строй всадников и гребнем ринулся по площади. Часть конных бандитов попятилась, часть кинулась навстречу. Засверкали шашки. Две тачанки, широко поведя огнем, положили в грязь пешеходов бандитов, от колокольни и исполкома радостно завопили, и реденькие цепочки красноармейцев выскочили с двух сторон на площадь. Гуляев остановился рядом с Сякиным. На этот раз Сякин сам не орудовал шашкой, он слушал и смотрел, и от него во все стороны мчались связные. Мимо, вдоль цепочки пехоты, пробежал бородатый Бражной, ободряюще крикнув:

— Молодцом, Сякин!

Рубка на площади кончилась. Началось преследование. По садам, по проулкам рассыпались конные и пешие бандиты, за ними — сякинские всадники. Пешие цепи красноармейцев катились к окраине. Победа, думал Гуляев.

— Победа! — сказал подошедший Бубнич, и тут же обернулся. Дробный стук пулемета на секунду перекрыл крики бегущих, топот лошадей, скрип подвод. Гуляев непонимающе посмотрел вверх и, дернув коня, погнал его к паперти. Лошадь взвилась на дыбы и стала падать. Гуляев успел высвободить ноги из стремян и упал на корточки. Сверху тяжело дробила мостовую очередь за очередью. Гуляев пополз по паперти, добежал до самой колокольни, прижался к ее холодному камню. В чем дело? Пулемет с колокольни расстреливал все живое на площади. Лежал Сякин, лежал около него Бубнич, ржала раненая сякинская лошадь. Бились в постромках тачанок перепуганные кони, ездовые и пулеметчики, разметав мертвые тела, валялись около или в самих тачанках. А пулемет с колокольни бил и бил.

Гуляев вынул наган и ступил в черный вход. Сверху вдруг просыпались звуки многочисленных шагов. Гуляев влип в стену. Но тут они его обязательно встретят. Он вытянул вперед руку с наганом и вдруг вспомнил: в переходе от него на лестнице была дверца. Он не знал, куда она ведет, но выхода не было. Он неслышно побежал вверх и, прежде чем спускавшиеся с колокольни успели оказаться в том же пролете, заскочил за скрипнувшую дверцу. Вокруг был мрак.

— Быстрее! — кричал голос, в котором Гуляев обнаружил какие-то знакомые нотки.

— Гоним их от исполкома, берем второй пулемет! Дормидонт, это твое дело!

— Слушаюсь! — громыхнул бас. Шаги протопали мимо. Их было довольно много, человек двадцать, по мнению Гуляева. Так вот оно, белое подполье! Как вовремя выползли, сволочи! Гуляев оглянулся, крохотную комнату чуть осветила луна. По-видимому, комната служила кладовкой звонарю. У окна стояла скамья, валялись на полу какие-то шесты, жерди, веревки.

Гуляев прислушался. На лестнице стихло, только наверху грохотал пулемет. Гуляев толкнул дверцу и вышел на лестничный пролет, он ступил по ступенькам вверх и столкнулся с кем-то спускавшимся ему навстречу. Спасительный инстинкт не дал ему выстрелить, он стиснул левой рукой правую руку врага и выкрутил ее. Человек застонал. Гуляев осторожно дулом нагана поднял склоненное лицо, нагнулся к нему и шепнул:

— Ни слова!

— Володя! — тоже шепотом откликнулся женский голос. — Вам надо бежать.

Он смотрел и не верил: перед ним была Нина.

— Откуда вы? — спросил он. Потом спохватился: — А черт возьми, вы же с ними! Идите сюда! — он торопливо потянул ее за плечо вниз и втолкнул в келью звонаря.

— Сколько человек у Яковлева? — спросил он, торопливо подводя ее к скамье.

— Двадцать семь, — также торопливо ответила она, опускаясь на скамью. Луна из крохотного оконца вызолотила ее волосы, но лицо было во мгле и только чуть мерцали глаза.

— Почему выступили так поздно?

— Мы думали, что Хрену не удастся справиться с вами и собирались уходить в леса. Потом Яковлев сказал: раз бой уже на площади, надо действовать.

— Где вы скрывались?

— Пятеро в бывшей дядиной лавке, остальные по своим домам, вы же их не знали.

— Где Полуэктов?

— Там. На площади.

— Сидите здесь, никуда ни шагу. Иначе вас подстрелят.

— Я не боюсь.

— Повторяю: не пробуйте уйти отсюда.

— Володя, бегите, Яковлев вас не пощадит.

— Откуда вдруг такое сострадание ко мне? Она промолчала.

— До моего возвращения — ни шагу!

Он подобрал с пола небольшую палку, вышел, закрыл за собой дверь и сунул палку в дверную ручку. Теперь изнутри открыть дверь было мудрено.

Неслышно, на цыпочках, он побежал вверх.

Там тяжело тряся пол, грохотали длинные очереди. Он вытянул голову, всмотрелся. На колокольне бродил лунный свет. На площадке в разных позах лежало несколько трупов красноармейцев, застигнутых выстрелами сзади. У пулемета, тесно припав друг к другу плечами, орудовали двое. Пулемет стрелял непрерывно.

— Вот тех ошпарь! — крикнул второй номер.

— Чего? — оторвался на секунду от ручек максима первый.

— Я говорю, вон тех, в садах!

Пулемет опять застучал, и тогда Гуляев, неслышно ступая, подошел почти вплотную и выстрелил четыре раза. Двое за пулеметом дернулись и сползли вниз. Гуляев окинул сверху панораму городка. По всей Румянцевской и около исполкома стреляли. Горели дома. Крыша исполкома тоже курилась занимающимся пламенем. Небольшая цепочка лежала искривленными звеньями перед исполкомом и перестреливалась с его защитниками. В конце Румянцевской улицы, выходящей к оврагу, тоже вспыхивали огоньки неумолчной стрельбы. В садах, неподалеку от исполкома, стреляли почти в упор. Вспышки вылетали навстречу друг другу в такой близости, что Гуляев подумал: решились бы — да в штыки. По всей площади, озаренной луной и светом пожаров, валялись темные тела людей и лошадей.

Гуляев с трудом перевернул обоих пулеметчиков и стал на колени, прилаживаясь к пулемету. В этот миг цепочка перед исполкомом по знаку человека в шинели вскочила и кинулась к дверям здания. В бежавшем впереди военном Гуляев скорее угадал, чем узнал Яковлева. Он потрогал рукой раскаленный ствол максима и, прицелившись, повел стволом. Тяжелое тело пулемета затряслось под его руками. Толпа людей, подбегавшая к дверям исполкома, сразу рассыпалась и заметалась, но Гуляев не оторвался от прицела, пока последняя из мечущихся фигурок не замерла на мостовой. Тогда он поднялся, утер локтем пот со лба и спустился по лестнице вниз.

Дверь в келью была открыта, он заглянул: никого. Под ногу попала переломленная палка, которой он закрывал дверь. Нина ушла. Но теперь это было не страшно. И все-таки сердце кольнуло странной жалостью: куда ее понесло?

Он выскочил из двери и побежал по звонкому щербатому булыжнику мостовой. Из горящего исполкома выскакивали люди, выносили носилки с ранеными. Он подбежал. Опаленные порохом, с трясущимися руками красноармейцы и чоновцы переговаривались между собой. На многих белели повязки.

— Бубнич здесь? — спросил он первого попавшегося. Но тот жевал самокрутку и ничего не слышал. Второй что-то рассказывал товарищу, повторяя одни и те же слова:

— Он меня штыком, а я ему по балде! — И снова. — Он штыком, а я его по балде!..

Гуляев обежал всех вышедших. Один был знакомый, он подошел к нему. Ванька Панфилов сидел рядом с носилками.

— Иван! — позвал Гуляев, но тот даже и не посмотрел на него, лишь непрерывно поправлял шинель, прикрывавшую кого-то на носилках. Гуляев наклонился: перед ним лежала Верка Костышева, секретарь комсомольской ячейки маслозавода. Лицо ее было строго и неподвижно. Гуляев всмотрелся, потом приложил щеку к ее рту. Верка была мертва. А Панфилов все накрывал ее сползавшим краем шинели, все заботился о своем секретаре.

Выстрелы на окраине не стихали, даже приближались.

— Отря-ад! — крикнул кто-то тонким знакомым голосом. — Стройся!

Команда сразу обратила всех к действительности. Гуляев подбежал и пристроился к шеренге. Всего стояло человек двенадцать. Перед строем прошелся Иншаков. Он скомандовал:

— Левое плечо вперед!

Отряд дружно замаршировал к началу Румянцевской улицы. Стрельба там усиливалась.

— Товарищ начальник! — Гуляев выскочил из строя и нагнал Иншакова. — Там на колокольне пулемет, надо послать людей, оттуда можно любую точку просматривать.

Иншаков, запаленный, с шалыми глазами, тут же крикнул:

— Двое, кто владеет, — марш к пулемету!

Отстало трое, потом один вернулся. Перед первыми домами Румянцевской Иншаков повернулся:

— Разомкнись в цепь и перебежками — марш!

Они разбежались в цепь и выскочили на улицу. Внизу у оврага выстрелы усилились, и вот уже показались первые бегущие люди. Потом сразу вывалила толпа. По кожухам, папахам, маляхам угадывались бандиты. Навстречу им из садов застучали выстрелы.

— За мировую революцию! — поворачиваясь к своему крохотному отряду, крикнул Иншаков. — Вперед!

И они побежали, выставив перед собой винтовки, навстречу орущей и стреляющей толпе.

С холма, где расположились трое бандитов, охраняющих Князева и Клешкова, только по вспышкам выстрелов да по удалению или приближению стрельбы можно было разобрать, что происходит в городе. Сначала дела у нападающих шли успешно, и стрельба удалилась в центр. Потом в центре штурм увяз в садах и около исполкома. И хотя время шло, ничего решительного не случилось. Затем нервничавший Клешков

заметил, что толпа всадников — конный резерв Хрена — вдруг снялась с места и исчезла в овраге.

Мужичьи мажары тоже с дребезжаньем двинулись к оврагу и скоро заняли место конницы у самого спуска.

Князев приплясывал от возбуждения.

— Нас-то, нас-то, Сань, того и гляди в расход, а? — спрашивал он непрерывно. — Ах, Яковлев, чтоб тебя громом расшибло! Где же вы, ваше благородие, господин ротмистр! Мы за вас тут страдаем, а вы нас разбойникам с головой выдали...

Рядом покуривали конвоиры. Прискакал Охрим, послал кого-то к мужикам требовать, чтоб помогли: у кого есть оружие, пусть займут место у оврага.

Стрельба начала приближаться. Видно было, что непрерывно дрожит огненная точка на колокольне. Клешков радовался: пока действует этот пулемет — не все потеряно. Внезапно начали стрелять где-то совсем поблизости у крайних домов окраин. У холма появились первые беглецы. Охрим погнал коня им навстречу. В призрачном лунном свете видно было, как он полусует нагайкой бегущих, возвращает их обратно. Откуда-то появился Хрен. Он тяжело дышал, привалился к шее лошади, отдыхал. К нему подъехал Охрим.

— Конница! — глухо промычал Хрен. — Конница ихняя всю музыку спортила. Кто у нас остался, Охрим?

— Селяне, тильки воны одни, батько.

— Согласные они подмогнуты!

— Человек с полста согласны.

— Так веди их, Охрим.

Охрим ускакал, опять началось передвижение телег. Теперь они сгрудились у холма, и возницы их все чаще наведывались на холм.

— А шо, батько, не повертаться нам, бо як бы хуже не було?

— Беги, — говорил Хрен, — а сусид твой добычу и без тебя свезет!

— Як так? — переспрашивали селяне.

— А так, зараз мы червонным уже хвосі накрутили, к утру весь город наш будет. Так шо — гони обратно до села, там тоби жинка за такую прогулку дуже благодарна буде.

Возницы чесали затылки, отходили в смущении, снова гуртовались у телег, вели бесконечные споры и ждали. Внезапно примчался связной.

— Батько! У червонных в ыпу якись-то шум стрельба! Наши пруй!

И действительно, пальба и крики снова передвинулись ближе к центру. Пулемет на колокольне все пыхал алым огнем, и Клешков еще надеялся. По всему видно было, что выгнуло подполье. Удар был нанесен неожиданно. Клешкова трясло. Князев же ободрился.

— Вылезли наши-то, — теребил он Клешкова, — слышь, Сань. Кажись, бог-то нашу сторону принимает.

Клешков ничего не отвечал. Хрен послал одного из конвоиров за Охримом. Минут через пятнадцать тот примчался.

— Батько, червонные снова жмут.

— Шо с повстаньем?

— Пидмогли, а потом опять отступили. Пулемет на колокольне зараз снова у червонных. Треба набрать до тридцати людей, и мы их порежем.

— Вон воны, — показал Хрен в сторону толпящихся у своих телег и мажар мужиков. — Там их две сотни будет. И все оружны. Потолкуй!

Охрим помчался вниз. В полутьме видно было, как он прикладывает руки к груди, упрасывая, потом показывает нагайкой на город, где трещала неумолчная пальба. Затем большая часть толпы повалила за Охримом. Скоро они уже достигли оврага и стали спускаться вниз. Клешков, замерев, ждал. Сейчас враг осилит, город падет. Там, наверно, уже некому держаться. Звуки стрельбы слабели.

Вдруг сзади послышался бешеный конский топот. Хрен обернулся. Мужики внизу у холма повернули головы в малахях. Несколько всадников врезались в табор. Один, что-то спросив у селян, погнал коня вверх.

— Батько! — крикнул, осаживая коня, Семка. (Клешков сразу узнал его по пихой посадке и папахе.) — Батько, колупаевские начали, взяли обоз.

— Шо? — Хрен наехал на него конем, вздернул над ним нагайку. Семка ждал бестрепетно.

— А дэ ты був, сучий сын?

Семка отстранился от Хрена.

— А шо у меня людей-то было? Два калеки. А их сотня, може ще больше!

— Дэ Христя?

— Митька Сотников увез.

— Зарублю, аспид! — Хрен выхватил клинок.

Семка повернул коня и поскакал вниз, за ним помчался Хрен. Табор телег внизу пришел в движение. От него поскакали конные к тем селянам, что еще толпились на краю оврага. Мажары начали выезжать из общей кучи и разворачиваться, заржали лошади, раздавался треск, взвились сполошные голоса. От оврага побежали назад недавние добровольцы. Клешков приплясывал на месте от волнения. Толпа бандитов катилась от окраины городка. На холм въехал Хрен.

— Батько! — кинулся к нему Князев. — Бегут твои! Бегут!

Хрен молча посмотрел на него и вдруг, выхватив маузер, выстрелил ему в голову.

Князев упал, покотился по земле, скорчился и затих. Клешков сел, чтобы не привлекать внимания. Подъехал Семка.

— Семка, — сказал ему Хрен, — наши козыри биты. Возьми того пацана, шо був с циим, — он кивнул на тело Князева, — гони его в урочище. Поспрашаем на досуге. Кажись, воны лазутчики булы!

Семка подъехал к Саньке.

— Эй, потопали.

Санька встал. Тесная петля аркана внезапно стиснула его горло. Он дернулся, но Семка, дав лошади шпоры, потянул, и Клешков побежал за конем. Петля давила шею при малейшей попытке задержаться, Семка гнал коня рысью. Клешков вяз в грязи, но петля тянула, и он бежал.

Занимался рассвет. В мутном его проблеске вокруг шло всеобщее бегство. Ржали лошади. Кричали люди. Скрипели телеги. Пытаясь вскочить в них на ходу, бежали пешие бандиты. Возницы отпихивали их, секли кнутами, а от города, настигая, летел победный крик красных, стегали выстрелы, тарахтели очереди пулемета. Армия батьки неудержимо бежала к лесу. Семка доскакал до первых деревьев и свернул в сторону. Шум бегства немного утих, дорога бегущих шла в стороне. У корней деревьев сохранялся снег, ноги скользили на мокрых палых листьях. На востоке, сквозь переплетение ветвей, виден был алый выкатывающийся шар. Семка подскакал к дереву на большой поляне, обвинил несколько раз вокруг него веревку, отъехал. Клешков стоял, глядя на своего конвоира, понимая, зачем эти приготовления. Семка вынул маузер.

— Гнида продажная! — крикнул он Саньке, хищно усмехаясь. — Кто бы ты ни был, молись. Мне один черт — белый ты, альбо червонный. Поцелую тебя сейчас вот этой штукой! Плачь, хлопче. Последняя минута твоя.

Санька повернулся к восходу. Солнце вставало, широко раскидывая свои лучи по лесу. Высверкивал хрупкий ледок в лужах, ало лучилась сосновая кора.

— Стреляй, контра, — сказал Санька спокойно, — стреляй! Все равно тебя кончат наши и всех вас кончат. Товарищ Ленин сказал, так и будет!

Семка пристально посмотрел на него, вложил маузер в кобуру, подъехал к дереву.

— Так ты червонный?

— А ты думал! — исподлобья глянул Клешков. — Дальше что?

Семка вырвал шашку и ловко перерубил аркан.

— Слухай, — сказал он, — там у вас служил один якийсь-то чудной хлопец. В таких навроде сапогах, но только они сами расстегиваются по краям.

— В крагах? — спросил удивленный всем этим разговором Клешков. — То мой дружок, Володя Гуляев. Он у нас один в таких ходит.

— Дружок твой, говоришь? — Семка подъехал к Саньке вплотную.

— Дружок — так что? — спросил Санька.

— Гарный парнюга, — сказал Семка, — ось ты ему передай, шо Семка, хоть он за всемирную анархию, а долги платить умеет. Передашь?

— Ну, передам, — сказал окончательно изумленный Клешков. — А как я передам?

— Сумеешь, — сказал Семка, наклоняясь с коня и сдергивая с него путы. — Шлепай отсюда, пока цел! И благодари Сему.

Санька растерянно помялся, все еще не веря своему спасению, потом спросил:

— Может, и ты со мной? Я скажу, тебя не тронут.

— Немае смыслу, — сказал Семка, отъезжая. — Прощай.

— Прощай! — сказал Санька и долго слушал затихающий в чаще мах Семкиного коня.

У исполкома стоял невысокий человек в кожжанке, отдавал приказы. Одна рука была у него на перевязи. Гуляев подъехал. С широкого усталого лица взглянули черные задымленные усталостью глаза.

— Жив? — спросил Бубнич. — Это хорошо. Молодцом себя вел.

Гуляев слез с лошади, стал рядом. От Румянцевской, окружая высокую мажару, шагом ехали несколько всадников. На мажаре пласталось тело. По белой папахе узнали Сякина. Семь всадников — все, что осталось от эскадрона, — проехали в скорбном и торжественном молчании. Отзвенели булыжник и гильзы под подковами...

— Иди-ка, браток, отоспись, — сказал Гуляеву Бубнич, — да возвращайся. Дел у нас невпроворот.

— Пойду, — сказал Гуляев.

А куда было идти? Он пошел по площади, разглядывая мертвых. Вот лежала лицом вниз цепочка людей. Он обошел их. Все они были скошены очередью в спину. Неподалеку друг от друга лежали два великана. У одного трепыхалась на ветру черная грива. Гуляев, заглянув в лицо второму, почувствовал даже что-то вроде угрызения совести. Вытянув вперед руки, словно о чем-то молил кого-то, валялся на булыжниках грязной мостовой Онуфрий Полуэктов. И валялся он здесь потому именно, что вовремя очутился у пулемета на колокольне его бывший постоялец. Гуляев выпрямился. Черт с ним, подумал он, хотели встать на пути революции, получили свое.

И он побрел, куда глаза глядят.

Минут через пятнадцать он подошел к изгороди полуэктовского сада. Как-никак, здесь был его временный дом.

Он вошел внутрь, открыл дверь в гостиную — там никого не было, прошел по комнатам. В них было пыльно, пусто. Ему показалось,

что за одной дверью кто-то разговаривает. Он остановился. Здесь была спальня хозяев, ему туда не было доступа. Все-таки он открыл дверь. И остановился на пороге.

На высокой кровати лежал человек. Он повернул к Гуляеву перебинтованную голову. На изжелта худом щетинистом лице горячечно жили глаза.

— А, — сказал, не удивляясь, Яковлев, — уже и ЧК.

Гуляев подошел, придвинул табурет, сел.

— Я все думаю, — еще больше бледнея и торопясь, заговорил Яковлев, — может быть, правильно, что вы победили? Может быть, так и нужно, а?

— А вы сомневались?

— Видите ли, — сказал Яковлев, закрывая глаза, — я не сомневался. У вас идея, у нас контридея. Контридея всегда слабее... Но я не мог не сделать того, что сделал. В этом был мой долг. — Он закрыл глаза и хрипло задышал.

— А зачем вам нужен был склад кооперации? — спросил Гуляев.

— Отвлекали внимание... Кроме того, к тому времени мы еще не были уверены, что выйдет с хлебными складами. Но потом все продумали — вышло, — он засмеялся. — Чистая психология. Учитесь, господа большевички... Знаете, как удалось их поджечь?

Гуляев покачал головой.

— До сих пор не знаете, — уязвил Яковлев, — победители... Поясняю. Мне умирать, вам править. Поделюсь опытом. У меня в подручных ходил дьякон Дормидонт. Черногривый мастодонт... Убили вы его там, на площади. Силы феноменальной и способности к выпивке неслыханной. Мы узнали, когда дежурят ваши казаки... Большие мастера они были по самогону. послали ночью дьякона с бачком пройти мимо склада. Конечно, по военным временам могли его тут же и шлепнуть. Но казачье — народ любопытный. Они увидели такую фигуру, да еще хмельную, арестовали, заволокли в сторожку и, конечно, конфисковали товар. Вскоре все были в лежку.

— И пьяных вы хладнокровно перебили! — с презрением сказал Гуляев. — И гордитесь удачей?

— Бросьте! — прохрипел Яковлев. — На войне, как на войне... Гуляев! — позвал он тихо. — Наклонитесь.

Гуляев наклонился.

— Мне жить не больше часа, — шептал Яковлев. — В вас есть какая-то искра порядочности... Нина... Я ее любил... Она меня едва ли... Даже, пожалуй, вы, — глаза его приоткрылись и сверкнули мгновенной, тут же угасшей враждой, — вы ей симпатичны... Но вы сами все погубили, стали следить за ее дядькой, а лазутчи-

ков и провокаторов даже женщины не уважают...

— Кого же я спровоцировал? — с усмешкой спросил Гуляев. — Что за бред?

— Обещайте мне... — Яковлев дернулся вдруг и затих.

Гуляев посмотрел на его вытянувшееся тело и вышел.

Сил не было, вот что его мучило. Он не мог думать, не мог жалеть, не мог страдать. Там, по улицам и садам городка, погибшие его товарищи, а самый близкий — Санька Кleshков — лежал, наверно, где-то в степи или в лесу...

Медленно-медленно поднялся он по лестнице. Толкнул дверь в свою комнату и встал ошеломленный. Перед картиной на стене застыла женщина в синем костюме. Она повернула к нему строгое бледное лицо. Золотая коса вздрогнула, завилась вокруг плеча.

— За мной пришли? — спросила она.

— За вами? — переспросил он. — Нет.

В эту женщину несколько дней назад, как ему казалось, он был влюблен. Но она была из другого мира, эта женщина. Шла революция, и только революции он принадлежал.

— Что мне делать теперь? — спросила она.

Он посмотрел на холст. Бежала куда-то девушка, закинув голову, разрывая грудью ветер. Куда она бежала?

— Что вам делать? — переспросил он. — А откуда мне знать... Уезжайте.

— А если останусь? Меня возьмут?

— Не знаю, — сказал он.

— Может, все-таки уехать?

— Уезжайте, — сказал он. — Нам не нужна ваша жизнь. И ваша смерть тоже.

— Они никому не нужны, — сказала она.

— Да, — подтвердил он, подошел и сел на сундук, ноги его не держали, — но тут уж никто не виноват.

И вдруг откуда-то издали такой знакомый и молодой голос позвал:

— Володь-ка-а!

Он ринулся к окну и высунулся в его пустой проем.

Внизу стоял Кleshков и таращился вверх.

— Санька! — крикнул он, а тот ответил ему криком сплошной радости, и тогда он почувствовал: победа!

Они же опять победили! Потому что революция должна побеждать! Всегда, на всем земном шаре.

А женщина в углу все смотрела на него ввалившимися сухими глазами.

БАНК ЖИЗНИ

Репортаж из Кировского научно-исследовательского института переливания крови

Семь ступеней ведут в этот мало кому известный подвал — в «Банк для хранения крови и костного мозга». За бронированными стенками резервуаров «дремлют» в кассетах драгоценные для человеческой жизни вещества. В сейфах — глубокий холод. Минус 196 градусов.

Зачем потребовался такой банк в маленьком городе?

Прежде чем ответить на этот вопрос, ученые мне рассказали о любопытной заметке, опубликованной в иностранной печати. Речь в ней шла о молодом австралийце, который очень боялся травм. У него была редчайшая группа крови. Введением чужой крови его не спасешь. Вот разве только будет у него запас собственной!

Но как долго нынче умеют медики хранить кровь? Всего около месяца... Значит, обладатели редкой крови должны сдавать ее ежемесячно? Это очень неудобно. А донорская кровь? С ней тоже немало хлопот.

Нужны такие хранилища крови, где бы она могла сберегаться годы без существенных изменений. Вот проблема, над разрешением которой и работает в Кирове коллектив лаборатории, возглавляемый кандидатом медицинских наук Д. С. Синкиным. Первые эксперименты обнадеживают. Серебристые кассеты с донорской кровью, помещенные в голубой жидкий азот, могут храниться долгое время.

А зачем держать в бронированном банке костный мозг? Чтобы атаковать рак. Создание сети подобных банков в стране позволит медикам успешнее бороться с этим недугом. Сильнодействующие химические препараты или способы облучения спасительны, но отрицательно влияют на организм. Иначе говоря, излечив человека от одной болезни, можно вызвать у него другую. Чтобы избежать этого, перед лечением больной отдает частицу своего костного мозга, который и отправится в надежное укрытие — банк. После окончания курса лечения человеку возвратят неизменившуюся частицу костного мозга. Она-то и поможет организму самовосстановиться.

Костный мозг — вещество более нежное, чем кровь. Обращаться с ним надо с большой осторожностью. Клетки костного мозга имеют несколько температурных барьеров. Преодолевать их нужно при разных скоростях охлаждения. Сделать это вне стен банка и без помощи специальной аппаратуры невозможно. Вот почему Кировский банк оснащен программным устройством, автоматически управляющим всем сложным процессом глубокого охлаждения костного мозга.

Но если бы сложность заключалась только в самом режиме охлаждения! Еще труднее оберегать клетку крови или мозга от образования кристаллов. Ведь даже самые маленькие кристаллики льда могут ранить оболочку клеток или совсем разрушить их. Значит, надо еще научиться замораживать эти вещества без образования кристалликов. Возможно ли это? Ученые применяют специальные ограждающие растворы, например, содержащие глицерин.

К сожалению, у подобных способов есть недостаток. Ограждающие вещества не только чужеродны, но отчасти ядовиты. Поэтому после размораживания их тщательно удаляют или, как здесь принято говорить, кровь и мозг «отмывают». А нельзя ли подыскать такие ограждающие вещества, которые были бы безвредны? Или даже полезны. Тогда можно было бы вообще обойтись без «отмывания». Над этой проблемой тоже работает коллектив лаборатории. Такими ограждающими веществами, вероятно, могут стать полимеры.

— Проблема создания специальных банков, — говорит заместитель директора института по научной работе, доктор медицинских наук, профессор Николай Сергеевич Епифанов, — примыкает к актуальнейшей проблеме пересадки органов и тканей. Пока мы не научимся хранить те или иные органы в пригодном для пересадки состоянии, трансплантация вряд ли станет достоянием широкой практики...

Александр
НИКИТИН

Двуликий бетон

У этого материала изысканное название — бетэл. Его создали в Сибирском научно-исследовательском институте энергетики профессор Ю. Н. Вершинин и кандидат технических наук М. С. Добжинский.

Бетон электрический — бетэл — обладает двумя главными свойствами. Во-первых, из него делают безызоляторные траверсы. До сих пор провод крепится к опоре ЛЭП через гирлянду изоляторов. Выглядят такие гирлянды эффективно, но дороги. А сейчас появилась возможность заменять их траверсами из бетэла. Во-вторых, бетэл может быть и хорошим проводником электричества, если изготовить его по другим рецептам. И использовать для выпуска мощных резисторов. Вот почему этот материал двуликий.

Самая электрическая река

Отчего именно на Ангаре создан каскад мощных электростанций — Братская, Иркутская, Усть-Илимская, Богучанская? Оттого, что Ангара всегда полноводна: ведь ее источник — неиссякаемый Байкал. И еще потому, что Ангара стремительна: ее русло с каждым километром опускается на 20 сантиметров (Волга, к примеру, «падает» гораздо медленнее, километр — семь сантиметров). Стремительность, а главное, постоянная полноводность реки позволяют электростанциям не уменьшать и не увеличивать выработку электроэнергии из-за сезонных явлений.

Страж атмосферы

В электрохимическом институте Уральского научного центра разработан датчик для определения содержания кислорода в сильно запыленной газовой среде.

Газоанализатор надежно работает в газовых потоках, отводящихся от тепловых электростанций и металлургических печей. Благодаря высокой чувствительности к содержанию кислорода в газе, он моментально сигнализирует о неполном сгорании топлива, которое и ведет к выбросу твердых частиц и загрязнению атмосферы.

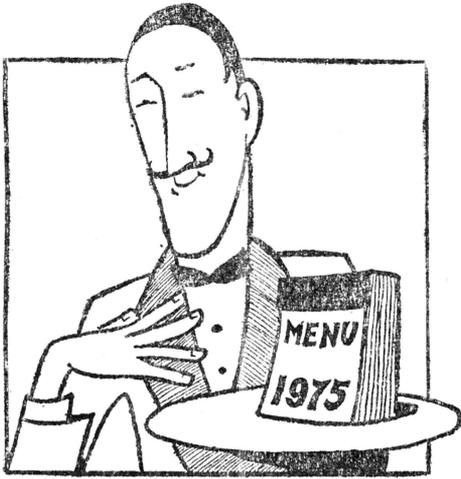
Богатырь у физиков

Сказочные богатыри берут камень, играючи его сжимают, и в ладони оказывается мелкий песочек... Физики же хотели бы из порошка делать камни — алмазы. Где взять богатырскую силу?

В подмосковном академгородке смонтирован пресс с усилием 50 тысяч тонн. Он уникален тем, что это гигантское усилие достигается давлением не двух-трех поршней, а одного. Если положить под пресс монету, то давление на нее будет почти таким же, какое прессует алмазы в недрах земли: миллион атмосфер! Ученые Института физики высоких давлений Академии наук СССР готовятся получить на могучем прессе не только алмазоподобные материалы, но и металлический водород, который может оказаться сверхпроводником тока.

Радируют облака

Ученые Ленинграда и Тбилиси с помощью специальной аппаратуры впервые услышали сигналы предгрозовых облаков — электромагнитные волны в широком диапазоне частот. Теперь можно с большой точностью определять координаты грозовых облаков и «видеть» далекие молнии, а значит, и оперативнее указывать самолетам опасные для полетов зоны.

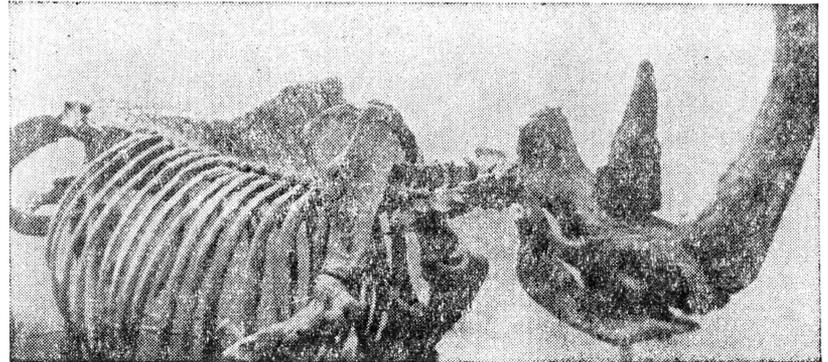
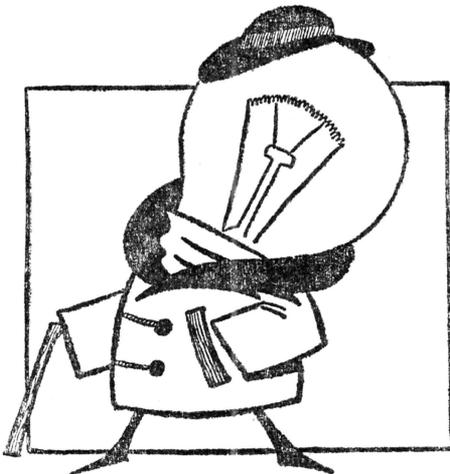
Меню на... 1990 год

Как жители Казахстана будут питаться в 1990 году?

Такой вопрос задали ученые Алматы электронно-вычислительной машине, подведя итог своим исследованиям. ЭВМ предложила увеличить площади фруктовых садов, ягодных плантаций, виноградников, теплиц и овощеводческих хозяйств, чтобы рацион казахстанцев в конце века был бы еще разнообразней.

Карта сокровищ

Единственную в своем роде карту полезных ископаемых мира создали ленинградские геологи. На ней представлены более трех тысяч важнейших месторождений полезных ископаемых.

На снимке: скелет шерстистого носорога, пролежавший в земле более 20 тысяч лет; хранится в геологическом музее Якутска.

Фото Г. Кустова

Хранись, рыбка...

Пойманная рыба быстро портится, поэтому ее замораживают. Новосибирские химики нашли еще один способ сохранения рыбы: препарат «Полициклин», имеющий высокую бактерицидную активность, сдерживает ферментативные процессы, происходящие в рыбе.

Здоровье... в серебре

Серебро даже в ничтожной концентрации действует губительно на возбудителя дизентерии. В последнее время на судах, уходящих в дальнее плавание, стали применять серебрение воды. Это привело к значительному снижению желудочно-кишечных заболеваний среди моряков.

Пальто с подогревом

Первое в мире текстильное волокно, которое проводит ток, продемонстрировала на московской выставке полимеров и пластмасс английская компания ИКИ.

Токопроводящая ткань позволит шить греющую одежду, например, пальто.

Подогрев ковров и панелей жилых домов, автомобильных сидений, а также дорог — все это будет возможно благодаря новым тканевым волокнам — эпитропикам.

Как англичане заставили ткани (штапель, нейлон, текстиль) проводить ток? Они покрыли поверхность волокна частицами углерода, причем так прочно, что они даже не отстирываются.

Речные пираты

Они молниеносно нападают на домашних животных в местах водопоя, их свирепые стаи не дают переходить реки вброд... Это — рыбы-пираньи, самые энергичные из всех пресноводных хищников мира. Особенно они досаждают скотоводам на тех реках, где появились совсем недавно, где доселе их никогда не было.

Такое случилось на реках бассейна Амазонки. Новые гидроэлектростанции замедлили бег этих речек. И естественные враги пираньи рыбы дорадо, любящие быструю воду, стали малочисленны. Пираньи не замедлили размножиться и захватить все притоки Амазонки.

Но так как нельзя все вернуть на круги своя (не убирать же электростанции!), экологи предложили поселить в реках еще одного врага пираньи — рыбу тукунаре. А чтобы ей легче дышалось в медленно текущих реках, специалисты советуют

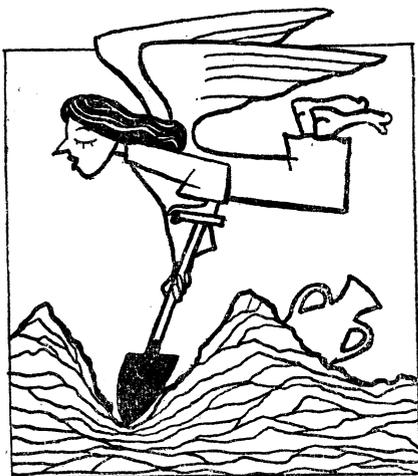
обогащать воду кислородом с помощью специальных приборов. Проблемы, проблемы... Все из-за нарушения в природе равновесия...

Гигантские радиоуши

Есть звезды, которые не видел ни один астроном, а их голоса слушают с помощью гигантских радиотелескопов. Самое длинное радиоухо Европы находится близ города Кембриджа. 8 антенн расположены так, что замечают собой одну параболическую антенну диаметром пять километров! Кембриджский телескоп позволяет вести наблюдение за точечными источниками радиоволн в глубоком космосе, он дает возможность составлять точные радиокарты звездного неба.

В Англии будет построен еще один крупный радиотелескоп. Его высота — 122 метра, а диаметр рефлектора — более ста метров. Это «ухо» услышит и самые слабые сигналы непрерывно стартующих с Земли спутников и кораблей.

В небе — археологи

Нынешние археологи работают и под облаками — в самолетах. Как разглядеть планировку древних городов, если их развалины едва различимы на местности? Подолгу пешая археологическая разведка ищет памятники старины, поросшие травой, засыпанные песком. Но и найти памятник — лишь присказка, а сказка вся впереди: чтобы выявить планировку, какого-нибудь городища, надо долгие месяцы вести осторожные раскопки. Такова наземная археология...

Иное дело — археологическая аэросъемка. На фотографии все видно как на ладони. И как опоясывали город предков стены, и где были площади, и в каких местах стояли храмы и дворцы. Так авиация помогла археологам обнаружить оросительные сети древних земледельцев Средней Азии, хорошо изучить большое Биллярское городище на Поволжье.

Враги вредителей

Недавно на Урале стали получать в теплицах рекордные урожаи огурцов — 45 кг с квадратного метра. А помогают агрономам сохранять богатые урожаи от нашествия клещей — клещи, только совсем другие.

В нашей стране строятся автоматические фабрики для разведения трихограмм, действующих против совок. Есть методика размножения златоглазки — неприятеля тлей.

Информацию «Враги вредителей» комментирует заведующий лабораторией энергетики биогеоэкологических процессов института экологии растений и животных Уральского государственного научного центра доктор биологических наук профессор Николай Николаевич Данилов:

— Четверть мирового урожая «снимают» насекомые-вредители. Чтобы уменьшить этот великий урон, ученые разных стран совершенствуют два метода защиты растений — химический и биологический. Пока биологи бессильны отменить небезвредный химический способ. Он все еще эффективнее биологического. А недостатки его очевидны. Первое: дорог. Второе: ядовитые вещества накапливаются в природе, что небезопасно и для человека. Третье: химические яды действуют временно. И еще: насекомые привыкают к химикатам, и надо искать новые и новые вещества.

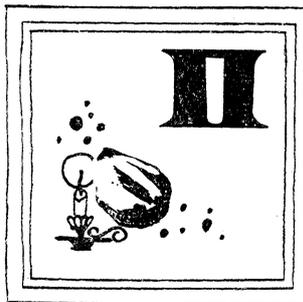
Вот поэтому интерес земледельцев к биологическим методам защиты растений повсеместен. Тут три пути для успешных действий. Во-первых, выращивание специализированных насекомых. Некоторые из них, например, могут даже пропалывать поля. Другое: выведение стойких против вредителей сортов растений. И третье — это высококлассная агротехника. Она увеличит устойчивость природных систем. Например, кое-где уже не устраивают больших полей, и вредители не могут размножиться на огромных площадях.

Итак, защита растений в будущем — это разумное сочетание названных выше методов.

ИЗУМРУД КОКОВИНА

**Игорь
ШАКИНКО**

Рисунки
З. Баженовой

омните Эрмитаж? Еще в просторном вестибюле встречают вас величественные вазы из яшмы, порфира, орлеца. Трудно пройти мимо, почти невозможно не восхититься шедеврами камнерезного искусства. На некоторых изделиях стоит надпись: «Мастер Яков Коковин».

И только на одной из ваз, высеченной из огромного монолита благородной серо-зеленой яшмы, нет его

имени. А ведь она является лучшим творением уральского художника-камнереза. Именно об этом каменном чуде современники отзывались так: «Это изящное изделие, стоящее многолетних трудов и соразмерных расходов, можно назвать единственным в своем роде как по необыкновенной твердости и величине камня, так и по отличной работе; она заслуживает особого внимания в особенности и потому, что никогда и нигде подобного изделия приготовлено не было».

И тем не менее главный автор удивительного произведения не указан: на этикетке стоит только имя ученика Я. В. Коковина — Гаврилы Налимова, завершившего вазу, да фамилия директора Екатеринбургской гранильной фабрики.

Почему?

Это только один из многих вопросов, которые возникают, когда знакомишься со странной и трагической жизнью Якова Коковина.

Я. В. Коковин как один из крупнейших мастеров камнерезного искусства известен сравнительно узкому кругу искусствоведов. О нем упоминают только в специальных монографиях и статьях. Но зато Коковина как похитителя уникального изумруда знают миллионы читателей. Имя его стало почти символом преступного корыстолюбия.

Небольшой очерк А. Е. Ферсмана «Изумруд Коковина» общеизвестен. Он десятки раз публиковался и пересказывался «своими словами» в различных книгах, газетах и журналах. Но поскольку все началось именно с него и нам придется не раз к нему обращаться, пусть мне будет позволена эта пространная цитата:

«Судьба одного из крупнейших в мире кристаллов Изумруда, о котором я хочу рассказать, интересна потому, что в длинной истории этого камня известны и начало ее и конец.»

Историк по образованию, журналист по профессии, Игорь Михайлович Шакинко работает редактором в Средне-Уральском книжном издательстве. История Урала — главная тема его исследований и поисков. И. Шакинко — автор книги об уральском революционере Н. Е. Вилонове и многих других краеведческих публикаций.

В 1831 году командир Екатеринбургской гранильной фабрики обер-гиттенфервальтер Яков Иванович¹ Каковин² сообщил, что он открыл месторождение изумрудов на Урале.

В 1834 году был найден огромный уникальный изумруд, вес которого составлял более пяти фунтов (два с лишним килограмма). Среди блестящего слюдяного сланца красиво расположился темно-зеленый кристалл. Одна грань была отшлифована как бы самой природой, местами он был прозрачен и чист, как настоящий дорогой самоцвет. Но не только этот камень понравился Я. И. Каковину. Еще много других камней решил он не посылать с «серебряными» караванами в Петербург. Много прекрасных изумрудов накопил он в своей квартире, пряча их, запыленные и грязные, в ящиках под кроватью и за иконами. Но слухи о злоупотреблении дошли до Петербурга, был прислан строгий контролер, который скоро убедился в неправильном ведении учета камней, а какие-то «друзья» Я. И. Каковина подсказали, где надо искать утаенные камни. В донесениях императорскому двору и Управлению уделов мы читаем подробный доклад этого чиновника, который с гордостью сообщал, что он нашел драгоценные камни под кроватью и в шкафах спальни директора и «в сем числе один самого лучшего достоинства, весьма травяного цвета... по мнению моему, есть самый драгоценный и едва не превосходящий достоинством изумруд, бывший в короне Юлия Цезаря...»

Отобранные камни были переписаны, уложены в ящики и на специальной тройке отправлены в Петербург.

Я. В. Коковина допросили, а потом заключили в Екатеринбургскую тюрьму. Через несколько дней его нашли в камере повесившимся.

Отвести найденные изумруды в Петербург поручили молодому мастерскому фабрике Г. М. Пермикину, в будущем знаменитому разведчику цветных камней в Сибири.

Г. М. Пермикин передал камни директору Департамента уделов Л. А. Перовскому, гофмейстеру, придворному магнату, страстному любителю камня. Он уже давно собирал свою коллекцию минералов, в которой красовались замечательные образцы, в том числе кристаллы блестящего черного перовскита, нового минерала, названного в его честь учеными. Как знаток драгоценных камней, Л. А. Перовский был восхищен громадным уральским изумрудом, и кристалл во второй раз остановился на своем пути ко двору — остался в коллекции гофмейстера.

Далее Ферсман пишет о том, как изумруд от Перовского попал к князю Кочубею, а затем за границу. По поручению Академии А. Е. Ферсман и В. И. Вернадский ездили в Вену и за колоссальные деньги выкупили уникальный изумруд, составляющий национальную гордость России. «В Минералогический музей Академии наук был принят самый большой в мире русский изумруд, весом 2226 граммов.»

Очерк этот заинтересовал меня. И с тех пор, бывая в Эрмитаже и любясь созданиями Коковина, всегда задавал себе вопрос: неужели все же совместимы «гений и злодейство»? Да не злодейство даже, а вот такая элементарная нечестность, попросту воровство? Никак не хотелось верить, что светлый талант уживался с мелкими пороками, что творец подлинных произведений искусства в жизни был этакой помесью скупого рыцаря и Плюшкина. Вспомните: «Много прекрасных изумрудов накопил он в своей квартире, пряча их, запыленные и грязные, в ящиках под кроватью и за иконами...»

Так на моем рабочем столе несколько лет назад появилась папка с надписью: «Изумруд». Постепенно стали собираться в ней отдельные страницы жизни Я. В. Коковина.

¹ Здесь описка: не «Иванович», а «Васильевич». В работах Ферсмана 20-х годов отчество дается правильно.

² В литературе и архивных документах встречается двойное написание фамилии: Каковин и Коковин. В автографах везде — Коковин.

И все-таки первоначально моя цель заключалась в том, чтобы только «развить» А. Е. Ферсмана, прокомментировать его, так сказать, детализировать историю изумруда Коковина. И такое намерение понятно — трудно назвать более авторитетного ученого в истории камня вообще и русского в особенности, чем Александр Евгеньевич. Это главная тема его огромной работы и жизни, больше того — его главное увлечение, его самая большая любовь.

Потому и оправдано было мое стремление пройти в истории уникального изумруда только по следам этого ученого-гиганта. Тем более, что сам он категорически заявил: «...в длинной истории этого камня известны и начало ее и конец...» «история этого камня закончена».

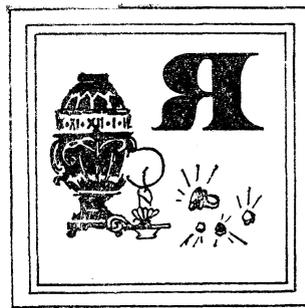
И вот я собираю из своих «находок» более конкретную, более детальную (хотя и далеко еще не полную) картину судьбы Коковина и начальных «приключений» изумруда. Но как моя картина не похожа на ту, которую нарисовал Ферсман. У меня получилось не совсем то, а другое и совсем не то, что у него!

И изумруд оказался совсем не тот — другой! И Яков Коковин, как показало исследование судебного дела, не крал никакого изумруда! И Лев Перовский был не только поклонником камнерезного искусства...

А дело было в том, что А. Е. Ферсману попались в архиве документы, которые клеветали на Коковина. Клевета же была сделана добротой и настольно хитро и искусно перемешана с правдой, что отделить одно от другого было не так-то просто. Тем более, что клевета отражена не в одной, а в многочисленных официальных бумагах Департамента уделов и Кабинета Его Императорского величества. Недаром Юрий Тынянов говорил: «Есть документы парадные, и они врут, как люди».

Позднее А. Е. Ферсман и сам выразил сомнение в своей оценке Якова Коковина. В рукописных заметках последних лет жизни ученого имеется такая запись: «Необходимо осветить более правильно эту незаурядную фигуру уральца, сыгравшего несомненно большую роль в развитии камнерезной промышленности». Но сделать этого Александр Евгеньевич, занятый большой научной работой, так и не успел.

И теперь, когда удалось обнаружить новые архивные документы, настала пора снять с талантливого художника-камнереза позорное клеймо, несправедливо лежащее на нем более века.

ков Коковин родился и вырос в царстве камня. С колыбели его окружали люди, которые его знали, понимали и любили камень. По мрамору работал еще его дед — Ефстафий Коковин. С шестнадцати лет пошел «каменнотесным учеником» на Горнощитский мраморный завод и отец Якова — Василий Ефстафьевич. Через несколько лет Василия Коковина «по знанию гранильного художества» перевели в Екатеринбург на гранильную фабрику. Здесь он стал подмастерьем, а затем и мастером. При нем в первые годы XIX века «каменодельное искусство» на фабрике было приведено «в самое цветущее состояние». А за исполнение четырех яшмовых ваз Василия Коковина наградили «золотыми часами с такою же цепочкою».

Василий Ефстафьевич и сына Якова с малых лет приобщал и к камню и к «художествам».

Уральскому подростку — крепостному и сыну крепостного — повезло.

Случай забросил одаренного двенадцатилетнего мальчика из далекого Екатеринбурга в самый центр художественной жизни России: среди восьми счастливых, принятых в Петербургскую Академию художеств в 1799 году,

значится и сын уральского мастерового — Яков Васильевич Коковин.

В январе 1800 года президентом Академии художеств стал А. С. Строганов и ранее бывший ее почетным членом. Представитель династии богатейших уральских магнатов Строгановых, он издавна покровительствовал искусству. А. С. Строганов был не просто шедрым меценатом-дилетантом — русские и советские искусствоведы справедливо считают его крупным знатоком и тонким ценителем искусства. Сотни шедевров европейской живописи и скульптуры были собраны в роскошном строгановском дворце, построенном знаменитым Расстрели на углу Невского и Мойки. Этот дворец называли «храмом, посвященным музам», «средоточием истинного вкуса». Здесь разместилось одно из крупнейших в мире частных собраний картин и скульптур, лучшая в России библиотека, уникальные коллекции камней, медалей, монет, богатейший Минералогический кабинет. Дворец Строганова притягивал к себе цвет русской культуры. Здесь бывали художники Левицкий, Иванов, Егоров, Щукин, скульпторы Мартос, Гальберг, поэты Державин, Гнедич, Крылов, композитор Бортиянский, архитектор Воронихин, математик Эйлер, академик Паллас.

А. С. Строганов имел чутье на одаренных людей. Яркий пример тому — история с Казанским собором, строительство которого император Павел поручил вначале архитектору Камерону. Строганов предложил возвести собор силами только русских людей и из русских материалов. Используя свое влияние и авторитет, он добился, чтобы вместо знаменитого Камерона, находившегося тогда в зените славы, архитектором Казанского собора назначили почти никому не известного Андрея Воронихина — бывшего строгановского крепостного.

Президент Академии художеств одновременно являлся Директором и главным начальником Экспедиции мраморной ломки и приисков цветных камней в Пермской губернии, в его подчинении находилась и Екатеринбургская гранильная фабрика.

Величественное здание на набережной Васильевского острова, над входом которого поблескивала надпись «Свободным Художествам», на семь лет стало домом для Якова Коковина.

Академия переживала лучшее время в своей истории. Недаром искусствоведы называют первое десятилетие прошлого столетия ее «золотым веком»: атмосфера творческих исканий, талантливые учителя и талантливые ученики...

Атмосфера высокого искусства окружала подростка не только в Академии, но и за ее стенами. В ту пору возводились многие из зданий, определившие неповторимый архитектурный облик северной столицы. Город сам напоминал художественную мастерскую.

На Стрелке Васильевского острова вырастало похожее на древнегреческий храм здание Биржи, украшенное скульптурными группами, и буро-красные Ростральные колонны. Готовилось к замене Адмиралтейство. На Невском проспекте возвышались строительные леса Казанского собора, сквозь которые уже виделись величие и изящество будущего сооружения. И камень — он в Петербурге окружал Якова всюду: холодный блеск полированных колонн и скульптур, грубо тесаный, шероховатый с искрами кристаллов камень набережных и пристаней.

Учился уралец с усердием, осваивая программу сразу двух классов — модельерного и скульптурного. В сентябре 1804 года он удостоен на конкурсе второй серебряной медали «за лепление с натуры», а через год — первой серебряной медали. На выпускном экзамене в 1806 году Коковин получил золотую медаль. «Удостоен первой степени аттестатом, жалован шпагою и чином 14 класса и назначен в чужие края», — говорится в документах. Но с заграничной поездкой Коковину не повезло: именно с 1806 года из-за наполеоновских войн в Европе временно прекращен выезд за границу выпускников Академии художеств. Строганов определяет его в бронзовую фабрику при Академии художеств. Дело как будто шло неплохо, некоторые работы Коковина взяты в Эрмитаж.

Уехать за границу не удалось и на следующий год: обстановка в Европе продолжала оставаться напряженной. В августе 1807 года Строганов отпустил Коковина в Екатеринбург «для свидания с родственниками». Кроме того, ему поручалось «осмотреть производящиеся на гранильной фабрике орнаментные и гладкие вещи, дать им надлежащее направление, и преподавать правила рисования и лепления из воска и глины и высекания из мрамора способным к таковому занятию мастеровым». Поездка эта намечалась, очевидно, как недолговременная. Но сначала Якова задержала болезнь отца, потом смерть «покровителя» — графа Строганова. А дальше началась война с Наполеоном.

Неизвестно, каким скульптором стал бы Коковин. Но едва ли вышел бы из него мастер первой величины. Позднее, в Екатеринбурге, он попытался заняться скульптурой, но ничего заметного не сделал. Может быть, судьба хорошо распорядилась, возвратив Коковина к камернерезному искусству? Ведь там, подобно Антею, коснувшись родной земли, он станет одним из первых.

В Екатеринбурге для Коковина как для художника-камнереза открывались уникальные возможности. В те годы Екатеринбург был главным центром камернерезного искусства. Существовала, правда, Петергофская гранильная фабрика, созданная еще Петром I. Но в первые десятилетия XIX века она представляла «зрелище, достойное сожаления», как говорилось в одном из отчетов того времени. «Этот период, — писал А. Е. Ферсман, — в истории фабрики носит очень грустный и совершенно мертвый характер».

прос на изделия из цветного камня первые три десятилетия XIX века прежде всего удовлетворяли Екатеринбург и Кольчвань.

После смерти отца, в 1818 году, Яков Коковин становится главным мастером, а вскоре и директором — «командиром» Екатеринбургской гранильной фабрики. Правда, формально он почему-то не был утвержден в этом звании.

Почти тридцать лет повял Коковин камню и стал первоклассным мастером своего дела. Его имя связывают с «периодом яркого расцвета камернерезного искусства, его высших достижений». Такова оценка современных искусствоведов.

Секрет успеха не только в том, что Коковин был талантливым художником. Он тонко понимал природу камня. Хорошо знал уральские месторождения. В поисках камня он исколесил средний и южный Урал, побывал в киргизских степях. Как отличного знатока камня, его посылали в Финляндию, на остров Гохланд, для «осмотра и разведки цветных камней», о чем он сделал доклад в Петербурге на заседании Кабинета Е. И. В.

На Урале, кроме новых месторождений яшм и родонита, он открыл новое месторождение какого-то редкого наждака. Он сам придавал этой находке особое значение, ставя ее в один ряд с открытием изумрудов. Не удивляйтесь: наждак — нужнейший материал для художественной обработки камня. Без него нельзя ни пилить, ни сверлить, ни шлифовать, ни полировать камень. Раньше такой наждак привозили из Германии и Англии. Коковинский наждак (он официально получил такое название) превосходил «силой и действием иностранный и мог заменить даже алмазный порошок».

Коковина ценили и уважали в Екатеринбурге. Заказы столичного начальства он выполнял с отменной добросовестностью, за что его регулярно повышали в чинах, наградили золотыми часами, бриллиантовыми перстнями и даже орденом.

В сентябре 1824 года Екатеринбург посетил Александр I. Император был в восторге от гранильной фабрики. Вернувшись в Петербург, он сказал вице-президенту Кабинета Е. И. В.: «Там в Екатеринбурге мастер фабрики — гений, и я им совершенно доволен». Эти слова были немедленно сообщены Коковину.

Был у Якова Коковина еще один талант — тоже очень нужный для каменного дела, и его он унаследовал от отца, который славился как механик и изобретатель. В 1798 году Василий Ефстафьевич доложил начальнику Уральской экспедиции о создании им модели машины «для резки и проточки разных камней», которую он создал «своими руками, в свободное время и своим коштом». По этой модели В. Е. Коковин вместе с известным уральским механиком Собакиным сделал машину, которую установили на Екатеринбургской гранильной фабрике. Василий Коковин изобрел также станок «для изъятия из ваз пустоты и ополровки кривых сторон внутренности ваз». Яков Коковин создал станки, на которых можно «обрабатывать на огромных всякой тяжести крепких пород камней самые мелкие и тонкие резки всякого рода». Эти станки установили не только на Екатеринбургской, но и на Петергофской и Кольванской фабриках.

Русская «культура камня» началась с XVIII века, но зрелость этого искусства приходится на следующее столетие. Цветной русский камень стал популярен — началась полоса увлечения им. Каменные вазы, чаши, канделябры, торшеры, столы, каминные стали излюбленным убранством царских дворцов и особняков вельмож. Под камень даже стилизовали стекло и фарфор — столь велика была мода на него. Императорский двор отпуская для гранильных фабрик немалые деньги, давал большие заказы. Но в то же время на фабриках вводилась такая регламентация, которая убивала творчество, заставляла мастеров, вопреки их вкусу, насиловать камень. Все делалось по присланным из Петербурга рисункам, утвержденным министром царского двора или самим царем. При Николае эта регламентация достигла своего апогея. Император, идеалом которого была казарма, не отличался и высоким эстетическим вкусом. В это время в изделиях из камня исчезла строгая простота форм, появился вычурный, замысловатый орнамент. Нагромождение деталей, пустое украшательство заглушало природную красоту камня.

Яков Коковин находился в лучшем положении. Как выпускнику Академии художеств, ему разрешалось самому делать рисунки (которые, впрочем, тоже утверждались свыше). Он сам выбирал камень прямо из месторождения. Он был творцом от замысла и подбора материала до воплощения.

жизни почти каждого человека бывает что-то самое главное, то, что он отделяет от других забот и суеты. Таким главным для Якова Коковина была работа над яшмовой вазой, о которой я уже упоминал. В нее он вложил все — свою честолюбивую мечту, свою страсть и опыт художника. Он видел в ней лучшее творение своей жизни. Он надеялся, что это его творение будет вечным.

выбрал Яков Коковин для своей вазы калканскую яшму.

Нет цветного камня прочнее и тверже, чем яшма, а калканская наитвердейшая среди ее разновидностей. Вот уж поистине вечный материал!

Нет более разнообразной и яркой палитры, чем у яшмы. К тому же яшмовые краски не выцветают, как у бирюзы, и не бледнеют, как у топаза, — они тоже вечны.

Калканская яшма — самая скромная из сестер в се-

местве яшм. У нее однотонно серо-зеленый цвет. Но она неброска и скучновата только на первый взгляд — стоит всмотреться, и вас покорит ее густой и благородный тон. И кроме того — что очень важно — она наиболее «послушна» замыслу художника: именно в одноцветном камне и можно развернуться, не вступая в противоречие с материалом. Ведь на ее ровном спокойном фоне великолепно смотрится самый сложный орнамент, самый филигранный рисунок.

Возможно, на выбор камня Яковом Васильевичем повлиял его отец, который оставил сыну «в наследство» огромный монолит калканской яшмы, привезенный в Екатеринбург в 1817 году.

Яков Васильевич долго вынашивал рисунок своей будущей главной вазы. Закончил его только через четыре года после смерти отца — в 1822-м. На эскиз обратили «особое внимание» в Петербурге...

Началась обработка яшмового монолита. И... первое разочарование — камень оказался с внутренним пороком...

Целое лето 1825 года ездил Коковин по южному Уралу, пока нашел подходящую яшмовую скалу — камень нужного цвета, без трещин и без других пороков. Сам наметил линию раскола. На ней разожгли костры, чтобы накалить камень. Потом горячей скалу поливали водой и обрушивали на нее удары тяжелых молотов. И она слалась — расступилась там, где хотели люди. В трещину забили деревянные клинья, но монолит еще крепко держался за материнскую основу. Пришлось обильно поливать клинья водой — разбухая, они расширяли трещину. Почти два года ушло на то, чтобы отделить монолит и доставить в Екатеринбург.

Много терпения и смекалки понадобилось уральским мужикам, чтобы протащить каменную громадину сотни верст через степь, горы, тайгу.

Как ни сложно было вырубить и привезти монолит, но главные трудности впереди. Нет камня упрямее для обработки, чем яшма — ни один обычный инструмент не берет ее.

Яшмовый монолит скалывали очень осторожно — один неверный удар, и погибли все труды. Калканская яшма «коварнее» всех — самая твердая, она в то же время и самая хрупкая, а потому требует самого деликатного обращения.

Мастер наказывал быть осторожным — неверный удар, случайная трещина могут погубить все замыслы и труды. Уже тогда угадывал он в этой глыбе прекрасные формы своего будущего создания, рельефные украшения, которые сейчас ажурным кружевом окутывают вазу.

Чтобы создать свою вазу-мечту, Яков Васильевич избрал целый ансамбль машин и приспособлений, с помощью которых можно было не только выполнить грубую обработку камня, но и навести на него «самые мелкие и тонкие резки всякого рода». Создание этих машин было этапным событием в камнерезном деле. Недаром современники Коковина говорили, что подобного «ни у египтян, ни у греков, ни у римлян и вообще как в древних, так и в новейших просвещенных иностранных государствах никогда сделано не было».

Не недели, не месяцы, а годы ушли только на то, чтобы приблизиться к форме будущей вазы. К концу 1835 года успели произвести только обрезку камня, грубую обточку и «выемку внутренностей».

Якову Коковину не удалось закончить этой вазы — неожиданные события прервали не только его работу...

В 1841 году работу над ней продолжил ученик Якова Коковина — мастер Гаврила Налимов. Через десять лет ваза, наконец, была готова.

Более четверти века создавался этот шедевр камнерезного искусства. Вот как описывает эту вазу доктор искусствоведения Б. В. Павловский.

«Высота ее равняется 178 сантиметрам, большой диаметр — 167 сантиметрам, а ширина 100 сантиметров. Ваза сплошь покрыта рельефными украшениями. Создается впечатление, что на нее наброшено прозрачное ажурное кружево.»

Тело чаши, покрытое рельефными листьями аканта и винограда, как цветок, вырастает из выступающих выпуклых ложек. Борт чаши украшен простым жемчужником. Простота и четкость этих форм еще больше подчеркивает великолепную декорировку центра и ножки, увитой виноградной лозой. Лоза спирально поднимается по изящной ножке, увлекая глаз к самой чаше, как бы подготавливая зрелище того богатства форм, которое там сосредоточено.

Украшение ножки виноградной лозой очень продумано. Чаша массивна. При короткой ножке ваза производила бы впечатление тяжеловесности, высокая же ножка легко, даже стремительно, поднимает овальную чашу, и вся ваза в целом приобретает легкую грациозность. Высокая ножка, следовательно, необходима. Но если бы ее поверхность, довольно значительная, осталась гладкой, она могла бы прийти в противоречие с пышной декорацией чаши. Отсюда вытекала необходимость орнамента ножки.

Резьба вазы совершенно изумительна по мастерству и характеру, по богатому различию рельефа. Отдельные точеные формы, например листья аканта на полях вазы, выдаются за борт и приобретают скульптурный объем. Резьба доходит до очень тонкого рисунка, например, спираль усюков. Усики иногда переплетают виноградную ветвь, также покрытую резьбой.

Ножка вазы имеет валик, покрытый плетеной низкого рельефа; он является как бы границей, отделяющей ножку и всю вазу от простого ступенчатого пьедестала. Блики полированной плетенки сливаются в общую массу переливов света на вазе.

Сейчас каждый, кто приходит в Эрмитаж, может любоваться этим каменным чудом. На музейной этикетке посетитель читает: «Екатеринбургская фабрика. 1851 год. Работа мастера Г. Налимова». Но, наверное, было бы справедливо, если бы рядом с этим именем (а вернее — впереди) стояло и имя Якова Коковина.

С Яковом Коковиным связано и открытие первых русских изумрудов.

Случилось это в глухом месте, верстах в тридцати от Сибирского тракта, при впадении речки Токовой в Рефт. В своем донесении Коковин сообщает, что крестьянин-смолокур Максим Кожевников «нашел между корнями вывороченного ветром дерева несколько больших кристаллов и обломков зеленого камня, которые и самое место найденя показал двоим своим товарищам. Все они копались в корнях и под корнями и нашли еще несколько кусочков, из которых поцветнее взяла с собой в деревню, а потом привозили для продажи в Екатеринбург».

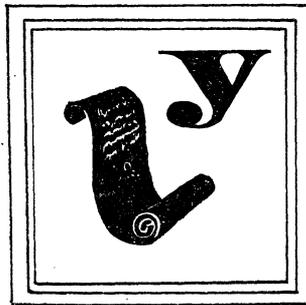
Эти первые изумруды, как определил потом Коковин, были плохого качества. Они находились в разрушившейся жиле, потеряли цвет и покрылись трещинами. Поэтому скупщики самоцветов в Екатеринбурге приняли их за «худые аквамарины» и купили «по самой малой цене».

Коковину сообщили, что в городе появились странные камни. Командир гранитной фабрики попросил достать для него образец. Ему принесли обломок зеленоватого аквамарина. Превосходный знаток камней, Коковин сразу понял, что это не аквамарин, ибо, как сообщал он в своем донесении в Петербург, «тяжесть и крепость несравненно превышают оный, отлом чище и стекловитея..., а при сравнительных пробах оказался крепче иностранного изумруда».

Коковин не случайно сделал новому самоцвету пробу на изумруд. Он ожидал подобной находки. Еще в 1828 году он нашел (кстати, неподалеку от места находки Кожевникова) гигантский берилл, «какового нигде и никогда еще не было, да и едва ли можно надеяться, что когда-либо подобный мог найтись». Драгоценный берилл в Петербурге оценили в 150 тысяч рублей и «пожаловали» его музею Горного института, где он и хранится до сих пор. Там, где обнаружили берилл, можно найти и его лучшую разновидность — изумруд. Но дальнейшие поиски не увенчались успехом.

И вот спустя два года Коковин держал в руках на-

стоящий изумруд и, конечно, оценил значение этого факта. Командир фабрики немедленно восстановил цепочку, по которой пришел к нему обломок изумруда, и добрался до Кожевникова. Дотошно расспросив смолокура, Коковин сразу же начал энергично действовать. Несмотря на январские морозы, он с рабочими 21 января 1831 года выехал на речку Токовую — на место, указанное Кожевниковым. В мерзлой земле бьются один за другим шурфы и — о, удача! — падают на жилу изумрудов!

дивительно удачно пробиты первые шурфы — в центре самой богатой жилы. И первые же изумруды из них были великолепного цвета и высокого достоинства. А потому Коковин, приказав продолжать работу на копях, заспешил в Екатеринбург. Здесь он ограничил один из изумрудов и вместе с другими кристаллами и своим донесением самым спешным порядком отослал в столицу.

Донесение Коковина произвело в Петербурге сенсацию. Столичные ювелиры после тщательных проб подтвердили: да, это изумруды! Первые русские изумруды и — превосходного качества! Уже 26 февраля 1831 года министр Двора князь Волконский подал Николаю I докладную записку об открытии в России нового драгоценного камня. Сделав экскурс в историю изумрудов и отметив, что они «доселе были находимы только в Перу и Египте», министр вспомнил и берилл-гигант, найденный Коковиным «года пред сим два». «Величина и прозрачность сибирского¹ берилла, — говорилось в докладной записке, — служат надежным удостоверением, что сибирские изумруды, найденные ныне в близком расстоянии от местонахождения берилла, по красоте своей и ценности займут не последнее место между камнями сего рода, находимыми в других частях света. После прошлогоднего открытия графом Полье алмазов, нынешнее открытие в Уральских горах настоящих изумрудов есть событие весьма достопримечательное — сколько в отношении к науке и, следовательно, к отечественной славе, столько и потому, что сии драгоценные камни представляют новый источник государственного богатства».

За открытие изумрудов Максима Кожевникова наградили денежной премией, а командира Якова Коковина — орденом. Было даже предложено «в ознаменование заслуг первого открывателя изумрудов крестьянина Кожевникова, покуда еще находится в живых, бюст его изваять из мрамора и пьедестал поставить на месте открытия с обозначением года». Памятник, впрочем, так и не поставили.

Петербург потребовал от командира Екатеринбургской фабрики немедленно продолжить добычу изумрудов. И с наступлением весны Коковин развернул работы. Первый прииск, названный Сретенским, оказался самым счастливым. Он дал много прекрасных изумрудов, там же нашли и единственную в своем роде друзу изумрудных кристаллов, оцененную петербургскими ювелирами в 100 тысяч рублей. Превосходный штuff изумруда послали в Берлин в подарок знаменитому Гумбольдту. Русский император подарил прусскому принцу Вильгельму 7 изумрудов для колец и 4 — для серег. Изумруд в виде груши весом в 101 карат преподнесли императрице.

Мода на уральские изумруды буквально захлестнула придворные круги. Заполучить новый самоцвет жаждали самые сановитые чиновники. О драгоценном минерале говорили в аристократических салонах, о нем писали научные журналы. Первый номер «Горного журнала» сообщал:

¹ Урал в то время считался частью Сибири.

«Твердостью своею уральский изумруд превосходит изумруд восточный и блеском оному не уступает».

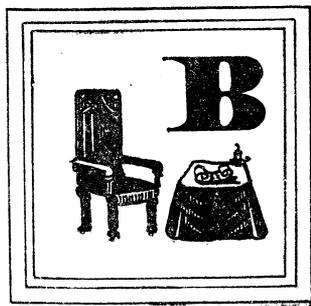
Редкая удача выпала на долю Якова Коковина. Кроме творческих успехов и довольно успешной карьеры он (на основе находки Кожевникова) сделал открытие крупнейшего в мире месторождения изумрудов.

Но именно эта удача и стала для царского чиновника Льва Перовского в какой-то степени поводом, чтобы погубить талантливого художника.

Трагическую судьбу Коковина с полным правом можно вписать в летопись преступлений царизма. Она тем ярче воспроизводит атмосферу николаевской России, что пострадал Коковин отнюдь не за политические взгляды, что, по крайней мере, выглядело бы естественным. Нет, не слыл он врагом «трона и порядка», и тем не менее был безжалостно перемолот бюрократической царской государственной машиной. Талант, жизнь и даже доброе имя Коковина были растоптаны всего лишь потому, что, делая свое дело и будучи честным человеком, он, во многом сам того не желая, встал поперек пути николаевскому сановнику. В самодержавной крепостнической России, где закон и правосудие были пустым звуком, этого было достаточно, чтобы потерять все.

Идеалом императора Николая I была казарма. И все, что отклонялось от казарменного порядка, запрещалось и изгонялось самым безжалостным образом. В России стало душно, как в помещении, которое никогда не проветривается. В этой мертвящей атмосфере задыхался солнечный Пушкин, бросаясь в отчаянии под пулю Дантеса. Надел на себя маску, скрывающую трагическую работу мысли и чувства, Чаадаев. Заглушая мучительную боль ностальгии, навсегда покинул Родину Герцен, чтобы хоть чем-нибудь помочь ей издалека...

А теперь несколько слов о взаимоотношениях Якова Коковина с Львом Перовским.

1829 году в Екатеринбург пришло письмо директора Петергофской гранитной фабрики Казина. Он писал Коковину: «в сем случае, равномерно как и на предбудущее время, я прошу Вас вступить со мною по предмету закупки камня в коммерческую совершенно в частном виде спекуляцию. Извещаю Вас, что предложение сие делается мною с ведома вице-президента Департамента уделов Его

превосходительства Льва Алексеевича Перовского, признанного сей способ приобретения камня самым верным и поспешнейшим средством к снабжению оными фабрики, а посему я прошу Вас за поручение сие назначить в пользу свою известные в коммерции проценты за комиссию и быть совершенно уверенным, что труды Ваши по сей операции не останутся без особого внимания начальства...» Так впервые пересеклись пути Коковина и Перовского.

На это письмо Коковин ответил: «Относительно деланной мне доверенности на коммерческих правилах в доставлении здешних цветных камней для Минерального собрания и годного на дело малахита и предложении от такой спекуляции выгод, мне ничего не остается другого сказать, как принести Вам мою благодарность и за откровенность Вашу объясниться с таковой (же) откровенностью.

Странностью моих правил могут ежель не удивляться, то шутить многие. Я не могу сказать, чтоб был беден, но я и не богат. Довольствуюсь ограниченным жалованьем, перенося иногда недостатки с надеждою, что когда-либо начальство взглянет на труды мои, твержу пословицу: за богом молитва, за царем служба не теряется; и пока службу, никаких сторонних выгод желать и искать не могу, да и самая заботливость службы того не позволяет. А чтобы

быть полезным вверенной управлению Вашему Петергофской шлифовальной фабрике, с совершенным удовольствием готов служить Вам для выгоды казны без всяких коммерческих видов, при сих доставленных со стороны Вашей средствах».

Письма эти найдены и впервые опубликованы Е. А. Ферсманом. Поскольку официальные пути снабжения Петергофской фабрики камнями, пишет Ферсман, «не казались Перовскому достаточно гибкой формой», то он «пошел даже на специальное материальное заинтересование в этом деле командира Екатеринбургской гранитной фабрики Якова Васильевича Коковина. Весьма вероятно,— продолжает дальше Ферсман,— что в Петербурге уже тогда были известны некоторые черты этого талантливого, но корыстолюбивого человека», поэтому ему и предложили выгодную частную сделку. «На это Коковин ответил, хотя и отрицательно, но довольно уклончиво»,— заканчивает свои комментарии ученый.

Где же уклончивость? Ответ совершенно определенный: в сомнительной сделке участвовать «не желаю и не могу». Уж наверняка корыстный человек не отказался бы от столь выгодного предложения, тем более, что сделано оно было от имени сильной столичной фигуры. Коковин поступил и ответил как человек щепетильно честный. Почему же и в этом его ответе видят признаки его «корыстолюбия»?

А. Е. Ферсман интересовался Перовским только как любителем и знатоком минералов. Он высоко оценивал его деятельность и связывает с ней расцвет «культуры камня» в России во второй четверти XIX века.

Глава Департамента уделов Перовский по долгу службы сперва не имел никакого отношения к Петергофской гранитной фабрике. Но будучи страстным коллекционером камня, он многое сделал для нее. Используя свою близость к императору, Перовский добился передачи Петергофской фабрики Департаменту уделов. Именно его энергия оживила захиревшее было предприятие. Для восстановления фабрики он добился средств, поставил во главе ее хозяйственного и энергичного Д. Н. Казина. Организовал снабжение фабрики природным камнем. Яшму и белый мрамор привозили из Италии, лазурит из Афганистана, сердолик из Индии, черный мрамор из Бельгии, алмазы и аметисты из Бразилии. По его инициативе началась разработка новых месторождений камня в Волыни, на Урале, в Сибири.

Камнерезное дело, благодаря Перовскому, было поставлено с небывалым размахом. А. Е. Ферсман не без основания писал: «Не только Петергофская фабрика, но и вся русская наука обязана ему за его почти тридцатилетнюю деятельность тем особым подъемом внимания к камню, которое характеризует всю первую половину XIX века».

Этих заслуг Перовского отрицать нельзя. Но нам нельзя не приглядеться к этому человеку со всех сторон.

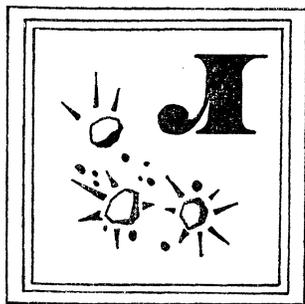
Один из пяти внебрачных сыновей екатерининского вельможи графа А. Д. Разумовского Лев Алексеевич Перовский получил достойное образование и все возможности для блестящей карьеры. После окончания университета (1811 год) девятнадцатилетний Лев Перовский, как и большинство молодых людей его круга, пожелал пойти по военной службе и после окончания школы колонновожатых был зачислен в свиту императора. В двадцать семь лет он уже полковник «по квартирмейстерской части».

Перовский уверенно и успешно делает придворную карьеру, и в то же время он — участник первых тайных обществ. Трудно сказать, насколько это соответствовало его тогдашним убеждениям — участие в тайных обществах было модным среди высшей дворянской молодежи, а очаги декабризма историки находят как раз в Московском университете и в Московской школе колонновожатых, где учился Лев Перовский. Он вместе с братом Василием дал согласие участвовать в создании республики на Сахалине. В 1817 году братья Перовские стали членами тайного Военного общества (или «Общества благомыслящих»), а затем и Союза благоденствия.

В 1820 году Лев Перовский, женившись, уезжает за границу и возвращается в Россию вскоре после восстания декабристов, как раз к коронации Николая I. Он давал

показания по делу декабристов — его фамилия встречается в бумагах следственной комиссии. Но Лев Алексеевич, как и его брат, оказался среди тех, кто был освобожден от суда лично императором, «ибо (они) заслужили при милостивом прощении его величества совершенное забвение кратковременного заблуждения, извиняемого их отменной молодостью».

Император не ошибся в Льева Перовском. Через четверть века, в 1849 году, Л. А. Перовский — тогда уже сенатор, граф и министр внутренних дел в усердии сыска превзошел даже профессионалов III Отделения: он раньше них выследил кружок Петрашевского и имел честь лично доложить об этом императору, чем весьма обидел шефа жандармов.

В этом же 1826 года Перовский стал членом Департамента уделов — ведомства, занимающегося крестьянами, землями и имуществом императора и его семьи. Начался новый этап стремительной карьеры.

Лев Перовский был одним из самых умных николаевских чиновников. Умным настолько, чтобы тщательно скрывать даже свой ум. Николай I не любил и боялся одаренных людей,

он окружал себя посредственными — с ними было удобно и неопасно...

И Перовский проявлял усердие только в той степени, в какой это было угодно императору: он никогда не предлагал коренных преобразований. Не меняя по существу положения удельных крестьян, он сумел при помощи различных мер «сделать немаловажное приращение доходов» (разумеется, не крестьян, а царской семьи). При Перовском впервые за всю историю удельного ведомства не было крестьянских недоимок. Император был очень доволен им и даже предложил положить его «реформы» в основу решения крестьянского вопроса, а самого Перовского сделал в 1841 году министром внутренних дел. Удельные крестьяне не ответили на «реформу» Перовского восстаниями.

С отменным упорством и ловкостью шел Перовский вверх по служебной лестнице, шел стремительно, без оглядки... «Характер имел твердый, настойчивый, готов был прошибить каменную стену, лишь бы достигнуть своей цели», — писал о Перовском В. И. Панаев, служивший с ним в Департаменте уделов.

«Честолюбивый до ненасытности». «Непомерное честолюбие и неумолимая жестокость». «Неугомонное честолюбие». Такими эпитетами характеризовали главу Департамента уделов его современники. И еще одну черту характера Льва Перовского подчеркивают все, кто его знал. Ему была свойственна мстительность, болезненная и жестокая мстительность. Об этом говорила даже родная сестра Льва Алексеевича. Он умел мстить жестоко и беспощадно.

«Это всегда животное, но иногда это хищный зверь», — так отзывался о Перовском граф Блудов — человек одной с ним породы, ловкий царедворец, один из николаевских министров.

В огне ненасытного честолюбия как бы сгорели все остальные чувства и эмоции Перовского. Он отлично понимал, что многие естественные человеческие чувства опасны для придворной карьеры. И он выполнил в своей душе не только слабые ростки декабристских идей, но и задушил или накрепко запер в себе «ненужные» сердечные движения. Пробыться к его душе стало невозможно. Он появлялся на службе в мундире, застегнутом на все пуговицы, с каменно-холодным и неприступным видом...

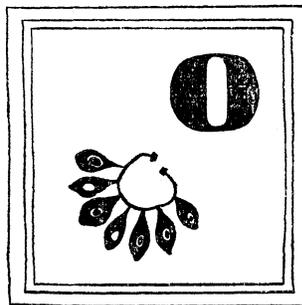
Но был еще и другой Перовский.

Запретив себе проявлять какие-то бы ни было чувства на службе, он должен был дать выход еще не задушенным эмоциям в чем-то другом. У этого хладнокровного често-

любца имелась своя страсть. Страсть болезненная и неистовая...

Это была страсть коллекционера.

С необычайным усердием собирал он свои коллекции — ботанические, зоологические, археологические... Но главной его слабостью были минералы и драгоценные камни. Его жизнь была какой-то неистовой погоней за уникальными образцами минерального царства, обладать которыми он стремился во что бы то ни стало.

открытие изумрудов не могло, конечно, оставить Перовского равнодушным. Едва прослышав об этом, он немедленно обратился в Кабинет Е. И. В. за копией донесения Коковина и еще в феврале 1831 года поручил ему «заложить разведку изумрудов в пользу Департамента уделов». Но Коковин, видно, не испытывал особого желания иметь дело с Перовским и не спешил выполнять его поручение, а потому на этот раз действительно уклончиво ответил, что ему «для сего нужно особое предписание своего начальства». Это взбесило вице-президента Департамента уделов. Не мог забыть он и отпеведи, полученной от Коковина в ответ на его сомнительное предложение. Тогда в 1829 году Перовский добился предписания министра императорского двора, которое обязывало командира Екатеринбургской фабрики удовлетворять «все требования Департамента уделов относительно добывания цветных камней... а для сокращения переписки прямо сноситься с Департаментом». Теперь он употребил все свое влияние, и в августе 1831 года Кабинет Е. И. В. вновь подтвердил приказ министра и потребовал от Коковина «неукоснительного исполнения требований Департамента уделов на счет добывания цветных камней... не исключая из оных и изумрудов».

Перовский никогда не забывал о пополнении своей личной коллекции. А. Е. Ферсман, говоря, что Перовский «любил камень со страстью коллекционера», отмечал, что все лучшие камни, поступавшие в Департамент уделов, оседали в коллекции вице-президента. Чтобы заполучить полюбившийся ему минерал, он пользовался любыми средствами, шел на подкуп, интригу.

Едва на Урале нашли первые алмазы — всего несколько кристаллов — как два лучших из них — природные, 24-гранники, не уступавшие, по мнению специалистов, в игре и блеске ограненным бриллиантам, уже оказались в коллекции Перовского, которой была отведена особая комната в его роскошной квартире на Большой Миллионной. Для камней имелся еще специальный минералогический кабинет, вызывавший восхищение и зависть ученых и любителей. Как свидетельствуют современники, Перовский впадал в «жар и трепет», любуясь волшебным блеском самоцветов. Вот уж кто воистину походил на скупого рыцаря и Плюшкина сразу, даром, что был одет в шитый золотом придворный мундир!

Изумруды влекут Перовского неудержимо. В сентябре 1832 года вице-президент появляется в Екатеринбурге, а оттуда, несмотря на отвратительнейшую дорогу, вернее полное отсутствие оной, добирается до самых копей. Он даже спускается в шахту глубиной 35 аршин, где шла самая удачная добыча изумрудов.

То был один из самых удачливых периодов в истории копей — они дарили великолепные изумруды, и в большом количестве. Расторопный Коковин успел построить на приисках две казармы для рабочих, конюшню, кузницу, сарай. Для откачки воды из глубоких шахт устроена отливная конная машина. Одним словом, работа на копях шла полным ходом. А для приезжего начальства была приготовлена новая изба. Придаться было не к чему.

Но копи были капризны. Они становились то по-царски щедрь — и тогда дарили много превосходных изумрудов, то на много лет прятали свои драгоценные кристаллы. Даже много десятилетий спустя, когда месторождение было хорошо изучено, предугадать скопления изумрудов было невозможно — здесь не прослеживалось никакой закономерности. В 1834 году копи стали капризничать — добыча изумрудов сократилась. В 1835-м упала еще более.

В это время в Петербург и пришел донос на Коковина. Кто-то намекнул вице-президенту Департамента уделов, что изумрудов будто бы потому мало высылается в столицу, что Коковин прячет их для себя. В доносе не было фактов — только подозрения. Но Перовский только и ждал подобного случая.

В начале июня 1835 года в Екатеринбурге инкогнито появился столичный чиновник. Он предъявил Главному горному начальнику генерал-лейтенанту Дитериксу бумагу, которая гласила, что член Департамента уделов статский советник Ярошевицкий послан министром императорского двора для ревизии Екатеринбургской гранильной фабрики. А после многозначительно объявил, что имеет еще и секретное поручение — «дознать», не скрывает ли командир фабрики Коковин цветные камни. И посему он намерен произвести в квартире Коковина обыск и предлагает генералу принять в нем участие.

Горного начальника покоробили и само предложение, и тон приезжего. Но многолетний опыт общения со столичными чиновниками помог ему ничем не выдать этого. Сошедшийся на недомогание, генерал предложил в помощники ревизору екатеринбургского полицмейстера.

Прямо от горного начальника Ярошевицкий вместе с полицмейстером и срочно вызванным надзирателем фабрики отправились к дому Коковина. Путь был недолг — нужно было только перейти плотину, которая отделяла горное правление от гранильной фабрики. Почти сразу же за ней стоял деревянный дом, где жил Коковин. В самом помещении фабрики ни для канцеляристов, ни для командира места не хватало, и одна из комнат дома была его служебным кабинетом. У окна стоял стол, на котором лежали разные деловые бумаги, и деревянное резное кресло. Все остальное занимали камни. Они лежали в шкафах, на столах, в ящиках и прямо на полу. Куски яркой многоцветной яшмы, розового с черными прожилками родонита, причудливые гроздьи еще не расплещенного малахита. И на самом почетном месте — изумруды: штуфы вместе со сланцем и огромные кристаллы, искры и изумрудные печати...

Коковин пояснил, какие из камней принадлежат Кабинету, а какие предназначены для Департамента уделов. Камни были приготовлены к отправке в Петербург. Но теперь Ярошевицкий решил сам заняться этим. Пока мастеровые сортировали камни, он побывал на гранильной фабрике, съездил на изумрудные копи.

Вернувшись в Екатеринбург, ревизор составил опись камней. В ней среди прочего значилось «каменной изумрудных хороших — 30, в них весу 8 фунтов, самых лучших изумрудных камней — 11, в которых весу 4 фунта, в том числе один самого лучшего достоинства, весьма травянистого цвета, весом в фунт... самый драгоценный и едва ли не превосходящий достоинством изумруд, бывший в короне Юлия Цезаря...» — так записал в своем отчете Ярошевицкий, знавший толк в камнях.

Почти все изумруды командир фабрики согласно требованию Кабинета обычно сразу же отправлял в Петербург. Лишь один из лучших кристаллов — самый крупный из найденных в сретенской шахте изумруд «высокого зеленого цвета» и «чрезвычайного достоинства, чистоты и прозрачности» не спешил Яков Коковин отправить в столицу. Скрыл ли он его из корысти? Непохоже. Иначе зачем же в присутствии других людей вынимал его из шкафа, показывал знатокам, сам восхищался им и приговаривал (как записано в следственном деле): «Еще раз на этот камень полюбуюсь, ни прежде, ни после такого не было?»

Нет, это была не корысть, а скорее слабость знатока и ценителя. Этот камень был всем изумрудам изумруд.

Ярошевицкий сам долго держал изумительный кри-

сталл в руках, никак не решаясь положить в ящик. Он даже на какое-то время забыл строгие внушения своего начальника Л. А. Перовского — отнести к командиру Екатеринбургской фабрики без всякого снисхождения. Как будто и в самом деле изумруд, как считали древние, отвел черные мысли».

Наконец ящики упакованы. Ревизор запечатал их двумя печатями — своей и конторской — и велел грузить на тройку. Сопровождать ценный груз он поручил молодому, но расторопному мастеровому фабрики Григорию Пермикину. 16 июня 1835 года уникальный изумруд отправился в дальнюю дорогу.

Проделав путь почти в две тысячи верст, почтовая тройка 11 июля 1835 года прибыла в столицу и остановилась на Большой Миллионной — около здания Департамента уделов, в котором находилась и квартира Перовского. Ящики с изумрудами внесли в служебный кабинет Перовского и там распечатали. При вскрытии, как об этом говорят архивные документы, присутствовали двое: мастеровой Григорий Пермикин и вице-президент Департамента. Целых две недели с 11 по 25 июля Пермикин сортировал камни. Затем часть изумрудов отправили в Кабинет Е. И. В., другую — оставили в распоряжении Департамента уделов.

Вице-президент познакомился с отчетом Ярошевицкого о ревизии Екатеринбургской гранильной фабрики. Документ этот был составлен с отменной ловкостью — он позволял сделать любой вывод. Можно было обвинить командира фабрики в злоупотреблениях, а можно и не обвинять — все зависело от точки зрения. Перовский был странно великодушен — он не дал никакого хода отчету Ярошевицкого.

Казалось, гроза пронеслась мимо. Так показалось и Главному горному начальнику уральских заводов, который в августе 1835 года ходатайствовал перед Кабинетом Е. И. В. «о награде обер-гиттенфервальтера Коковина за беспорочную долговременную его службу, непоколебимую добрую нравственность и знание своего дела по управлению фабрикой следующим чином».

Слухи об уникальном изумруде дошли до придворных кругов. И, естественно, появились желающие полюбоваться чудесным кристаллом. Однако фунтового изумруда, а вместе с ним и некоторых других самоцветов не оказалось ни среди камней, переданных Кабинету Е. И. В., ни среди тех, что остались в Департаменте уделов. Об этом сообщили министру императорского двора, и тот поручил разобрататься в деле Ярошевицкому, поскольку Перовского в Петербурге не было.

Ярошевицкий кропотливо сверяет свою опись с обеими группами камней и не находит среди них не только фунтового изумруда, но и четырех лучших аквамаринов. Но зато — странная вещь! — всех изумрудов уже не 661, как значилось в его описи, а 670 — появились лишние. И изумрудных искр не 1103, а 1108. Ярошевицкий пишет об этом рапорт министру, но не успевает его отправить — в Петербург возвращается Перовский и забирает рапорт у своего подчиненного: он сам выяснит эту странную историю.

рапорт Ярошевицкого так и не был отправлен министру. Он остался в бумагах вице-президента Департамента уделов и до сих пор хранится в Ленинградском архиве. К рапорту приложена объяснительная записка Перовского (на каждой бумаге должна быть резолюция — вице-президент любил порядок): рапорт не отослан по причине того, что Ярошевицкий выехал из Петербурга по служебным делам (!?). А на самом рапорте позже сделана приписка: «Отношение сие не состоялось». И все. Таким образом, документ этот скрылся в бумажном океане.

Мало того, Пермикина Перовский тоже срочно откомандировал в Екатеринбург. В столице не осталось никого, кроме Перовского, кто мог бы дать какие-то объяснения по делу об исчезновении изумруда.

А между тем в высшем обществе уже поползли слухи о пропаже. Строились самые фантастические предположения, рождались подозрения. В начале ноября 1835 года вернулся в Петербург из заграничной поездки Николай I, и министр императорского двора при первом же докладе сообщил ему о происшествии. Поискам уральского изумруда придали государственное значение: император огорчен, он повелевает немедленно найти столь ценный камень.

Любой, самый неуклюжий следователь, если бы ему поручили дело, понял бы, что следы ведут к Перовскому: путь изумруда обрывается около него. Почему же больше ста лет на Коковине лежит клеймо похитителя? Да потому, что следователем оказался... сам Перовский! Оказался, конечно, не случайно. Он действует хладнокровно и нагло. Сам предлагает императору свои услуги. Он лично займется поисками пропавшего изумруда — пусть только ему не мешают.

Так появился следующий документ:

«Секретно. Господину Гофмейстеру, Сенатору Перовскому. Министр Двора довел до моего сведения, что член Департамента уделов статский советник Ярошевицкий при ревизии в июне сего года Екатеринбургской гранильной фабрики нашел в квартире обер-гиттенфервальтера Коковина значительное количество цветных камней, принадлежавших казне и хранившихся без всякой описи, — в числе оных был изумруд высокого достоинства по цвету и чистоте весом в один фунт. Все сии камни Ярошевицким хотя и были отосланы в С.-Петербург, но по доставлении сюда означенного изумруда не оказалось.

Вследствие сего повелеваю вам: отправясь в Екатеринбург, употребить, по ближайшему своему усмотрению, решительные меры к раскрытию обстоятельств, сопровождавших сказанную потерю, и к отысканию самого изумруда. Причем, если будете иметь другие случаи подобной утраты изумрудов с казенных приисков, то также не оставите принять меры к раскрытию оных.

*Николай.
в С.-Петербурге
20 ноября 1835 г.»*

Кто теперь может послушаться Перовского? Любой человек, какого бы чина и звания он ни был, будет исполнять то, что прикажет вице-президент Департамента уделов.

«Дело... о злоупотреблениях обер-гиттенфервальтера Коковина по должности командира Екатеринбургской гранильной фабрики.

*Началось 5 декабря 1835 г.
Решено 5 апреля 1839 г.»*

Началось 5 декабря 1835 года. Именно в этот день Перовский приехал в Екатеринбург. Меньше чем за две недели проделал он путь из Петербурга до Урала. Спешил, торопился Перовский в Екатеринбург — наверное, не одна загнанная ямская лошадь была на его совести.

Вице-президент Департамента уделов был энергичным человеком. Но 5 декабря 1835 года он превзошел самого себя. Своей энергией и властью Перовский привел в движение множество людей в Екатеринбурге.

«Дело» Коковина открывает такой документ:

«Главному начальнику Горных заводов Уральского хребта господину артиллерии генерал-лейтенанту и кавалеру Дитериксу 2-му.

Поставляя в известность Ваше превосходительство, что исправляющий должность командира Екатеринбургской гранильной фабрики Коковин уволен от занимаемой должности по Высочайшему повелению Его Императорского Величества, о чем Вы изволите получить особое уведомление из С.-Петербурга.

На основании Высочайшего повеления, которого содержание я имею честь сообщить Вашему Превосходи-

тельству, признавая нужным бывшего исправляющего должность командира Екатеринбургской гранильной фабрики Коковина посадить в Тюремный замок, с тем, чтобы он содержался там в отделении для секретных арестантов и ни под каким предлогом не имел ни с кем из посторонних сообщения без моего дозволения. Я прошу Ваше Превосходительство приказать немедленно произвести в исполнение сие распоряжение...

*Гофмейстер и сенатор Л. Перовский.
5 декабря 1835 года в Екатеринбурге.»*

Следом идет другой документ:

«Господину командиру 13-го Оренбургского Линейного батальона подполковнику Яновскому.

...заклЮчить в тюремный замок... Коковина с тем, чтобы он содержался там в отделении секретных арестантов и учредить строжайший караул, дабы он ни под каким предлогом не имел ни с кем из посторонних сообщения без дозволения господина сенатора Перовского...

*Генерал-лейтенант Дитерикс.
5 декабря 1835 г.»*

Этим же днем датированы еще несколько документов. Какая масса бумаг, доказывающих усердие вице-президента Департамента уделов! С каким рвением ищет он пропавшее сокровище! Решительные действия. Дотошные допросы десятков людей. Арест Коковина.

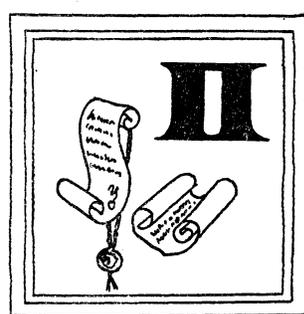
Так за Коковиным захлопнулись двери секретной одиночки Екатеринбургского Тюремного замка. Наступило завтра, затем послезавтра. Иногда дверь камеры открывалась, входил тюремный надзиратель, молча ставил на стол еду и так же молча, не отвечая ни на один вопрос, уходил.

Только 17 декабря в камере появился Лев Перовский. Его интересовали изумруды.

На следующий день снова Перовский и опять спокойные и слодные вопросы. И снова зловещая фраза, как и в прошлый раз:

— Только признание может вас спасти. Только признание в хищении изумруда.

Еще через день — третий и последний допрос, и то же требование: признать вину. Коковин не признал себя виновным.

Перовскому удалось выяснить, что с изумрудных копеек и в самом деле пропадают иногда камни. Правда, Коковин здесь ни при чем: многочисленными делами о хищении изумрудов прямо с приисков отмечена вся история копеек. И тем не менее в отчете министру Двора и императору Перовский делает самые категорические выводы:

«Не подлежит сомнению, что утраченный большой драгоценный камень и... так и много других высокого достоинства изумрудов были похищены бывшим командиром Екатеринбургской фабрики Коковиним, но где эти камни, проданы ли они, спрятаны ли самим Коковиним или переданы кому-нибудь для хранения, об этом в краткое мое пребывание в Екатеринбурге я узнать не смог. Сообщников у Коковина, по-видимому, немного и действия его так скрытны, что проникнуть в них весьма трудно...»

Забегая вперед, приведем вывод судебного следствия, сделанный через год после этого отчета Перовского:

«Из вышеупомянутого акта, učinенного при вторичном обыске в квартире Коковина, видно, что тот обыск был сделан по случаю похищения, найденного Ярошевицким драгоценного изумрудного камня весом в фунт; но где и когда тот камень похищен и по какому случаю обращено было на Коковина подозрение в похищении, тогда как Ярошевицкий при донесении своем министру императорского

двора представил с нарочным в числе прочих и этот камень, показав его и по описи, никаких сведений к сему делу не доставлено и по исследованию и судопроизводству виновного в похищении того камня не открылось».

Так оно и было, даже суд вынужден был это признать. И тем не менее:

«Начальнику горных заводов Уральского хребта господину артиллерии генерал-лейтенанту и кавалеру Дитериху 2-му.

По произведенному мною вследствие секретного Высочайшего Указа... розысканию, исправляющий должность командира Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского мраморного завода обер-гиттенфервальтер 8 класса Коковин оказывается виновным в растрате изумрудов, добытых на казенных приисках, и в других злоупотреблениях по должности, а потому и считаю нужным оставить его под арестом в Тюремном замке...

Гофмейстер и сенатор Перовский.
21 декабря 1835 года.
Екатеринбург.»

«Его светлости господину министру Императорского Двора Вице-президента Департамента уделов гофмейстера Перовского

Рапорт.

...Отъезжая из Екатеринбург, я оставил Коковина под стражею в Тюремном замке, которого по моему мнению следует держать под арестом во все продолжение суда. При сем долгом поставляю присовокупить, что я имею сильное подозрение на подполковника Оренбургского линейного батальона Яновского, непосредственному надзору которого Коковин был поручен во время моего пребывания в Екатеринбурге, в том, что он доставляет ему средства знать о всех моих распоряжениях, несмотря на то, что Коковин содержался под секретным арестом.

По сему кажется, что не излишне было бы при открытии военного суда над Коковинным не назначать президентом ни Яновского, ни другого из проживающих в Екатеринбурге штаб-офицеров, а возложить эту обязанность на лицо, которое не было бы в связях с Коковинным.

4 января 1836 года. С.-Петербург.»

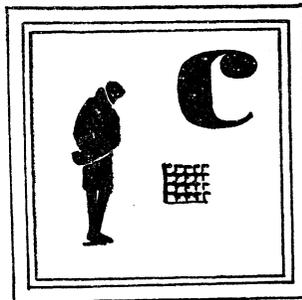
И Перовский добывается своего. Екатеринбургскому военному суду выразили недоверие и по делу Коковина составили судную комиссию из офицеров, присланных из отдаленной Киргизской линии и находящихся под началом Оренбургского военного губернатора генерал-лейтенанта В. А. Перовского — брата Льва Перовского. Удивительное совпадение, не правда ли?

Весной 1836 года члены военно-судной комиссии, созданной по приказу Василия Перовского, прибыли в Екатеринбург. Но делать здесь было нечего: в распоряжении суда не оказалось ни одного документа по делу командира Екатеринбургской фабрики. Лев Перовский все материалы дознания увез в Петербург и не торопился их высылать.

Так прошло несколько месяцев. Только летом суд начал свою работу. Нет, члены суда не были совсем уж бессовестными людьми. Они старались быть объективными. Из собранного материала они сделали вывод, о котором мы уже упоминали: «...где, когда и кем тот камень похищен никаких сведений о том к сему делу не доставлено», а потому в следственном деле «виновного в похищении» неоднократно, хотя и очень осторожно, высказывалось недоумение: если изумруд увезен Ярошевицким в Петербург, то почему его нужно искать в Екатеринбурге?

Но никто не спросил Льва Перовского: видел ли он изумруд, когда вскрывал ящики в июле 1835 года? Если видел, то почему его не ищут в столице? Если же изумруда в ящике не оказалось, то почему уже тогда, в июле, Лев Перовский не поднял тревоги? Не мог же он равнодушно отнестись к исчезновению такого камня?

Этих вопросов вице-президенту Департамента уделов не задали, а если кто-нибудь и задал, то в следственное дело их не записали.

удьи не могли не чувствовать, как чья-то ловкая и сильная рука не разрешала следствию и суду искать изумруд там, где он был потерян. Умело отводило их усердие совсем в другую сторону. И потому все, кто занимался делом командира Екатеринбургской фабрики, поняли, что их задача состоит не в поисках пропавшего изумруда, а в том, чтобы в чем-то обвинить Якова Коковина.

И выростали один за другим пункты обвинения. Коковин обвинялся в том, что

«не исполнил возложенных на него обязанностей как по управлению гранильной фабрикою и мраморным заводом, так и вообще по добыванию в изумрудных приисках цветных камней...» (Попробуй докажи, что делал все идеально!);

что своевольно остановил строение здания новой фабрики;

что продавал и раздавал материалы для сего строения пригоовленные;

что прекратил добычу наждака;

что беспорядочно и произвольно ценою покупали для фабрики дрова и провиант;

что не по всем правилам хранил камни;

что не все служебные документы велись по форме;

что мастеровые фабрики по разрешению командира выполняли частные заказы, например архитектору Малахову и жандармскому полковнику Ковальскому...»

Часть этих обвинений суд затем признал ложными, ибо выяснилось, что здесь «никаких злоупотреблений со стороны подсудимого Коковина не оказалось, а напротив из дела видно, что дрова и провиант не выше справочной цены; добыча наждака, найденного самим Коковинным, закрыта временно, так как не было потребности; остановка в производстве работ происходила иногда по мелководию; мастеровые на изумрудных приисках употреблялись по назначению; а строение фабрики остановлено и заготовленные материалы проданы или розданы в долг, по случаю происходившей по начальству переписки о переводе фабрики на место уничтоженного Елизаветинского завода...»

В сентябре 1836 года суд закончил свою работу. Коковин по-прежнему находился в Тюремном замке. Еще полтора года придется ему просидеть в секретной одиночке. В то время судебный приговор медленно шел по каналам бюрократической машины: от военно-судной комиссии к Оренбургскому губернатору, от губернатора в Военное министерство, из министерства на окончательное утверждение императора. Вызвало ли дело Коковина во время этого «путешествия» у кого-нибудь подозрение — неизвестно, но в конце концов приговор суда был утвержден без изменения.

Коковин все это время находился в неизвестности: и какие окончательные обвинения против него выдвинули, и когда закончился суд, и какой приговор вынесен. Мало кто знал и о его доле. В Екатеринбурге и в Петербурге ходили слухи, что Коковин повесился в тюрьме и тем признал себя виноватым: зачем же безвинный человек будет кончать самоубийством?

Как родился такой слух — неизвестно, но он зафиксирован, как якобы свершившийся факт в бумагах Департамента уделов и Кабинета Е. И. В. Именно в них-то и встретил А. Е. Ферсман это известие, а затем повторил его в своем эссе об изумруде Коковина и других работах.

В то время, как бумаги придворных ведомств уже похоронили Коковина, он по-прежнему томился в одиночке. Он сломлен душой и телом, его состояние вызывает жалость тех немногих, кто знает его положение...

А дальше было вот что.

Командир батальона, несшего охрану тюремного замка,

уведомил горного начальника, что 28 декабря 1836 года Коковин «по записке, присланной от здешнего полицмейстера, уволен до 6-го часа в свою квартиру, но в назначенное время в замок не явился... по болезни своей».

орный начальник запросил доктора Рульфа, лечившего заключенного: можно ли Коковина перевести «в покойном экипаже» в Тюремный замок. 30 декабря доктор «уведомил, что г. Коковин одержим сильною воспалительною горячкою, по сему отправление его в тюремный замок в настоящее время считает совершенно невозможным». Начальник принял соломоново решение: он приказал поставить

к квартире Коковина «надежный воинский караул», но «при первой же возможности отправить в Тюремный замок».

Очевидно, именно в эти дни женою Коковина (видимо, не без его помощи) и было написано «покорнейшее прошение» министру Двора князю П. М. Волконскому. В прошении сперва обстоятельно и убедительно перечислялись заслуги командира Екатеринбургской фабрики.

«Все это, казалось бы,— писала дальше жена Коковина,— должно служить ясным доказательством знания и усердной службы его, быть опорой и покровительством,— но нет! — вышло напротив!..»

Так лживые и несообразные клеветы и доносы г. Ярошевицкого приняты за справедливые и также без всякого исследования истинные: муж мой был предан военному суду. Назначенные с линии из Оренбургского корпуса судьи съехались сюда — открыли суд — но несколько месяцев не знали, за что судить. А между тем злосчастный и невинный мученик, муж мой страдал уже в тюремном заключении и, как бы злодей и обличенный уже государственный преступник, наказывался. Еще в сентябре 1836 года суд кончен (за действия пристрастные да судит их Бог правым судом своим!), но муж мой остался страдать, и по сие время содержится в тюремном заключении. Судьи же объявили, что на освобождение его они не имеют никакого права и даже им неизвестно о причине и виновности заключения его...»

Жена Коковина умоляет о правосудии. Ее письмо и через 100 с лишним лет не может оставить читающего равнодушным. Но князь Волконский ответил на это прошение, что «не может входить ни в какое рассмотрение сего дела».

В мае 1837 года в Екатеринбург прибыл царевич — будущий император Александр II со своей свитой. «Августейшего путешественника» сопровождал и его воспитатель В. А. Жуковский. В дневнике поэта есть краткая запись: «27 (мая.—И. Ш.) Четв. Тюремный замок. Похититель изумрудов в остроге с убийцами... Суд Шемякин.»

Говорят, Жуковский был очень добрым человеком. Видимо, он пытался хлопотать за Коковина перед царевичем. По крайней мере 31 мая 1837 года поэт записал в дневнике: «Ко мне больше внимания. Разговор за обедом о деле Коковина. Без суда да не накажется.» Но в николаевской России наказывали.

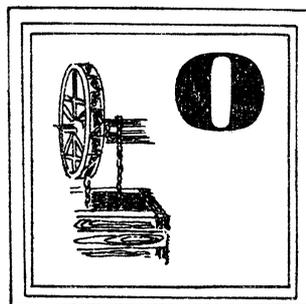
В январе 1838 года Оренбургский губернатор Перовский пересылает новому Главному горному начальнику Глинке копию приговора:

«Генерал-Аудиторiat согласно с мнением Вашего Превосходительства (т. е. В. А. Перовского. — И. Ш.) полагал:

Подсудимого 8-го класса Коковина за все вышеизложенные преступления (среди которых так и не значится похищение изумруда весом в фунт.— И. Ш.) лишить чинов, орденов, дворянского достоинства и знака отли-

чия беспорочной службы, но затем не подвергать его ссылке в Сибирь во уважение прежней долговременной и отличной его службы.

С сим заключением поднесен был Государю Императору от Генерал-Аудиториага всеподданнейший доклад, на котором в 6 день ноября 1837 года воспоследовала собственноручная Его Величества конфирмация: «Быть по сему».

бъявление Высочайшей конфирмации должно было произойти в здании Горного правления «при открытых дверях». Однако Коковина «по крайней слабости его сил» представить в правление было невозможно, а потому «конфирмацию привели в исполнение» прямо в тюремной камере. А в квартире его забрали орден и знак отличия беспорочной службы и грамоты «на оные». После этого тяжело больного Коковина привезли из тюрьмы, в которой он пробыл два года, два месяца и двадцать дней.

Еще дважды — в 1838 и 1839 годах обращался бывший командир Екатеринбургской фабрики с прошениями к царским вельможам.

«Приводя на память и рассматривая поступки во всей жизни моей, я совершенно не нахожу ни в чем себя умышленно виноватым перед Престолом, Отечеством и Начальством, — писал Коковин. — Я принял смелость присовокупить при сем оправдании мои противу судебных обвинений, из чего усмотреть изволите, что все обвинения есть более единообразны и произвольны с усиленною склонностью к погибели моей...»

Я по праву невинности осмеливаюсь повергнуть себя в защиту и милостивое начальническое покровительство Вашего Сиятельства.

9 декабря 1839 г. Екатеринбург.»

Этот документ был последним автографом Якова Коковина, который удалось обнаружить в архиве.

О дальнейшей судьбе Якова Коковина больше ничего не известно.

Тайна так называемого «изумруда Коковина» не разгадана. Как помнит читатель, изумруд, из-за которого возникло «дело», весил один фунт. А изумруд, о приключениях которого писал А. Е. Ферсман, — 2226 граммов, то есть более пяти фунтов. Не сходится и их описание.

В июле 1973 года мне довелось побывать в Минералогическом музее Академии наук. Я попросил ученого секретаря Ю. Л. Орлова показать изумруд-гигант. Юрий Леонидович открыл сейф. Я смог полюбоваться замечательным кристаллом. Ученый секретарь еще раз взвесил его. Да, 2226 граммов точно! В том, что кристалл уральского происхождения, тоже нет никакого сомнения, заверили меня работники музея.

Но фунтовый изумруд был замечательной чистоты и цвета. Пятифунтовый же кристалл интересен главным образом своей необычной величиной — только часть его имеет хороший изумрудный цвет.

Значит, речь идет о двух разных изумрудах?

Но тогда где, когда исчез фунтовый изумруд? Может быть, испугавшись, Перовский уничтожил его? Или надежно спрятал? Или сбыл куда-нибудь подальше? Или, разделив на несколько частей, огранил? А откуда появился гигантский кристалл в пять фунтов? И почему его стали принимать за «изумруд Коковина»?

На эти вопросы пока нет ответа...

МЫС АУК И ЗАЛИВ ЕКС

**Сергей
ПОПОВ**
Рисунки
А. Кирпикова

Своеобразна топонимия Советской Арктики. Прежде всего, карта этих мест в отличие от других представляет собой громадную «мемориальную доску», куда по давней традиции вписаны в виде географических названий тысячи имен первопроходцев. Среди них имена Дежнева, Литке, Нансена, Амундсена, Седова, Визе и многих других.

Но были времена, когда полярные исследователи, особенно иностранные, использовали составленную ими карту так же, как ныне некоторые невоспитанные туристы используют встретившуюся на их пути скалу. Конечно, составители карт не писали на них известную формулу: «Саша+Маша=любовь», но увековечить имена своих не особенно выдающихся знакомых стремились не раз. Эти случайные имена, как правило, не выдерживали испытание временем и исчезали с карт так же быстро и легко, как появлялись. Но следует помнить, что и времени для проверки этих названий не было. Ведь картированием района люди занялись всего немногим более двухсот лет назад, а серьезно обживать и осваивать Арктику стали совсем недавно. Поэтому среди таких хорошо знакомых со школьной скамьи названий, как

мыс Челюскин, море Лаптевых, остров Врангеля, Берингов пролив, нет-нет да и встретится непонятный даже испытанным полярникам мыс Занес, мыс Аук, залив Екс.

Теперь присвоение новых географических названий производится лишь законодательными органами Советской власти после тщательной проверки специалистами — топонимистами, географами, историками, краеведами. И малоизвестным названиям путь на карту закрыт.

Среди старых названий на карте Арктики — а их накопилось десятки тысяч — встречаются такие, что их приходится расшифровывать, чтобы установить смысловое их значение и правильное написание.

Возьмем, к примеру, лежащий в самом центре Советской Арктики архипелаг Северная Земля. Он открыт совсем недавно, 3 сентября 1913 года Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» под руководством Б. А. Вилькицкого. Первоначально члены экспедиции собирались назвать его Тайваем — по первым слогам названий экспедиционных судов. Так они называли открытую землю между собой, под этим названием она фигуриро-

вала на страницах местной газеты после возвращения экспедиции во Владивосток. Однако кто-то из иностранных корреспондентов увидел общность открытой земли с незадолго перед этим открытой Землей Франца-Иосифа, названной именем австрийского императора Франца-Иосифа II, и предложил назвать ее именем русского царя — Землей Николая II. Вскоре это название было утверждено приказом морского министра с согласия его величества.

После Октябрьской революции решили переименовать архипелаг. Было много предложений. М. В. Фрунзе, например, предлагал назвать его «Землей Пахтусова», начальник Главного гидрографического управления, В. В. Ахматов — «Землей Братьев Лаптевых». Предлагались названия «Земля Республики», «Земля Свободы». В 1925 году известный гидрограф П. В. Мессер предложил назвать архипелаг «Северная Земля Союза Советских Социалистических Республик». И только 11 января 1926 года постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР было утверждено привычное для нас название — Северная Земля.

Или возьмите Карское море. Как только его ни называли в прошлом: Новое Северное, Татарское, Скифское, Мангазейское, Нярзамское. Современное же название моря произошло от далеко не самой большой впадающей в него реки Кары, которая стекает с отрогов Северного Урала. Сначала Карским заливом называли современную Байдарцкую губу, в XIX веке — всю акваторию от Новой Земли и острова Вайгач до острова Белый, а затем, после плавания Норденшельда, — и все море получило название Карского.

Каждое название — целая история!

Однообразна и скучна природа Арктики. Многие ее районы долгое время вообще не были заселены, некоторые безлюдны до сих пор. Все это наложило отпечаток на топонимию. Ведь не случайно только на побережье Северного Ледовитого океана среди крупных географических объектов (мысы, бухты, проливы, острова и т. д.) 19 — «Песчаных», 39 — «Северных», 37 — «Средних», 24 — «Медвежьих». Якутские, ненец-

кие, чукотские, эскимосские, юкагирские и другие названия народов Крайнего Севера тоже часто повторяют подобные понятия. И все-таки за национальными названиями — будущее арктической топонимии. Их число постоянно растет, нередко вытесняя мемориальные. Это — показатель развития народов Крайнего Севера.

А вот английские названия в Советской Арктике обречены. Мыс Аук на западе острова Рудольфа на Земле Франца-Иосифа, на котором был похоронен Г. Я. Седов, был назван австрийцем Ю. Пайером в 1874 году «Alke sar» — гагарий мыс. Англичане сохранили на своих картах это название, перевели его на английский. Русские картографы, принимая это название за фамилию, машинально передали его в английском звучании — Аук. Правильнее было бы перевести его на русский язык и назвать мыс Гагарий. Теперь же этого делать не следует — название стало привычным, хотя и малопонятным.

Мыс на западе острова Врангеля — мыс Занес — представляет собой передачу русскими буквами английского слова «Zanes». Американец Роберт Берри в 1881 году назвал этот мыс «Zane's cliff» — «Утес Зейна». Абрахам Зейн был помощником инженера в экспедиции Берри, в Арктике был несколько дней и ничего существенного там не сделал. Русским картографам эта фамилия не была известна, и они ее передали искаженно, в родительном падеже.

Любит арктическая топонимия

задавать загадки. На северо-востоке Новой Земли есть небольшой залив Экс. С ним соседствуют несколько норвежских названий. Что же такое «екс»? В норвежских словарях не найти объяснение, так как это название... русское. В 1933 году геологи так назвали залив в честь участницы своей экспедиции Елены Константиновны Сычуговой — по первым буквам ее имени, отчества и фамилии.

С мемориальными же названиями, казалось бы, все должно быть ясно. Но это не так. Вот пример. На восточном побережье Новой Земли есть мыс Боголюбова. Большинство названий в этом районе дано по именам русских художников. Поэтому некоторые специалисты и решили, что мыс Боголюбова также назван в честь известного художника-мариниста А. П. Боголюбова (1824—1896). При этом даже указали автора названия — А. Циволько, первого исследователя этих мест в 1835 году. Но ведь художнику А. П. Боголюбову в 1835 году было всего одиннадцать лет, и вряд ли он мог претендовать на столь высокую честь. Оказывается, мыс Боголюбова впервые появился на карте полярного путешественника и художника А. А. Борисова, опубликованной в немецком географическом журнале в 1903 году. Мыс назван художником в честь генерала А. А. Боголюбова (1841—1909), большого любителя и знатока живописи, который заметил талант в юном иконописце Соловецкого монастыря А. Борисове и вывез его в Петербург, где последний окончил Академию художеств.

Подобные истории в топонимии Арктики нередки. Острова Дунай, река Фонтанка, остров Куба, Деревянные горы, остров Сахалин... Имя норвежской королевы уживается здесь с именем известного революционера, имя казака-первопроходца соседствует с именем всемирно известного ученого...

СКАЗКИ

**Виктор
КОМАРОВ**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

— Лина, долго я буду тебя ждать? Завтрак уже остыл.

— Сейчас, мамочка,— отозвалась со двора девочка.

Она разложила под кустом жасмина игрушки и что-то говорила им, то и дело грозя пальчиком.

— Лина! — рассерженно повторила мать, высовываясь в окно.

Взяв в руки одну из кукол, девочка нехотя поплелась в дом.

— Вечно ты заставляешь себя ждать,— недовольно пробурчала мать, в поисках поддержки бросив взгляд на сидевшего за столом отца.

Но тот уткнул свое круглое обрюзгшее лицо в последнюю страницу утренней газеты и даже не пошевелился.

— Я совсем не виновата,— пожалала плечами девочка,— это он меня задержал.

— Кто задержал? — переспросила мать.

— Кот в сапогах... Он просил, чтобы я не уходила.

— О, господи, что ты такое болтаешь,— в голосе матери вновь прозвучало раздражение.— Ну разве куклы могут говорить?

— Конечно, могут, мамочка.

— Сейчас же перестань нести этот вздор!.. Хоть бы ты сказал ей, Матье.

Виктор Ноевич Комаров родился в 1924 году в Ростове-на-Дону. Окончил физический факультет МГУ. Опубликовал два десятка научно-популярных книг, до трехсот статей. Автор ряда научно-фантастических произведений. В нашем журнале публикуется впервые.

Отец грузно заворочался в своем кресле и со вздохом отложил газету.

— Ты уже большая девочка,— произнес он назидательно,— и должна сама понимать, что есть, а чего быть не может. Только люди могут говорить... А куклы — всего только куклы.

— А как же в сказках? — возразила девочка. — И в мультфильмах?

— О, господи,— снова не выдержала мать. — Ну, что мне с тобой делать?... Выдумываешь всякую ерунду.

— Это не ерунда,— упрямо сказала девочка.

— Не смей спорить с матерью,— постучал пальцем по столу Матье, применив тот самый аргумент, который обычно пускают в ход, когда исчерпываются логические доводы.

Лина обиженно поджала губы.

Дверь отворилась, без стука вошел сосед Фальк — высокий худой парень в ярко разрисованном мотоциклетном шлеме.

— Еду в город,— сообщил он. — Не нужно ли чего?

Воспользовавшись тем, что взрослые занялись своими делами, девочка неслышно скользнула в соседнюю комнату.

Через минуту оттуда донесся ее взволнованный голосок:

— Помогите, пожалуйста... Она упала...

Фальк вопросительно взглянул на Матье. Тот досадливо махнул рукой.

— Не обращай внимания. Все-то она сочиняет. Лина появилась в дверях.

— Ая упала за сервант. Она там плачет.

— О, господи,— простонала мать.

— Кто это — Ая? — поинтересовался Фальк.

— Это моя самая-самая любимая кукла,— объяснила девочка. — Пожалуйста, помогите ее достать. Она полезла на сервант и упала. Такая шалунья...

Фальк последовал за девочкой и попытался просунуть руку за шкаф.

— Нет, не могу,— огорчился он. — Слишком далеко лежит.

Он поискал глазами и увидел в углу зонтик.

— Сейчас я подцеплю ее зонтиком...

— Нет! — вскрикнула девочка. — Ей будет больно! Лучше я сама...

— Тебе и вовсе не достать,— пожал плечами Фальк.

Но девочка опустила на колени и, вытянув ручонку, прижалась всем тельцем к боковой стенке серванта. Она вся напряглась, словно сама хотела протиснуться в узкое пространство между шкафом и стеной. И вдруг ее личико озарилось улыбкой.

Торжествуя, она извлекла куклу из-за шкафа и нежно прижала к себе.

— Как же ты смогла? — удивился Фальк.

— Она увидела меня,— хитро ухмыльнулась Лина,— и подвинулась...

— Лина! — послышался голос матери. — Где же ты, в конце концов? Все остыло...

— А почему ты ей придумала такое странное имя? — спросил Фальк, когда они вернулись в столовую.

— Я не придумала,— покачала головой девочка. — Она мне сама сказала...

— Да не слушай ее,— заметил Матье. — Фантазерка она у нас.

— Ну разумеется, Лина,— солидно сказал Фальк,— куклы не могут разговаривать.

Лина презрительно шмыгнула носом.

— Вы все просто не умеете слушать. А со мной они говорят. И куклы, и мои звери...

— Отец,— обеспокоенно заметила мать,— ее надо показать врачу.

— Они говорят, говорят, говорят! — упрямо повторила девочка.

— Садись за стол! — прикрикнула на нее мать. — Надоело слушать твои глупости.

— Большая девочка,— поддакнул отец,— а ни капли здравого смысла...

Проводив Фалька, Матье извлек из кладовки удочки и отправился посидеть часок-другой на свое любимое место к излучине реки. А мать, вооружившись хозяйственной сумкой, пошла в лавку за продуктами.

Лине осталась дома одна со своими куклами...

Утро было жаркое и душное. Ночью прошел короткий ливень, но когда взошло солнце, в небе уже не было ни облачка, и под горячими лучами влажная земля заструилась туманными клубами теплого тяжелого пара.

День был воскресный, и ничто не нарушало безмятежного спокойствия природы. Лишь изредка по широкому бетонированному шоссе, чуть слышно шелестя шинами, проскальзывала одинокая машина.

Поэтому острый, свистящий звук, иглой вонзившийся в раскаленную тишину, показался Матье чем-то инородным — он не вписывался в картину всеобщей умиротворенности.

Однако Матье был не из тех, кто любит глазеть по сторонам. К тому же сейчас его больше всего на свете интересовали поплавки. И лишь когда что-то на мгновение перекрыло солнечный свет, он поднял голову и посмотрел вверх. Но небо было так же чисто и спокойно, как и прежде. Да и успокаивающий звук уже погас.

Матье снова занялся своими удочками и тотчас позабыл о странном происшествии. Возможно, кого-то другого оно и заинтересовало бы своей необычностью, но Матье был исключительно трезвым реалистом и без колебаний отбрасывал все, что выходило за рамки привычного.

А между тем, Матье оказался единственным, кто в это горячее июльское утро мог стать свидетелем необыкновенного события — прилета

космического корабля, построенного инопланетными разумными существами. Других людей в этот момент близости не было, и никто не видел, как корабль плавно опустился на небольшую ровную площадку, со всех сторон окруженную высокими деревьями.

Корабль представлял собою большой, несколько сплюснутый по бокам многогранник. Его синеватая поверхность тускло поблескивала в лучах солнца. Он опустился медленно и бесшумно, и когда коснулся почвы восемью тяжелыми распорками, трава под его днищем даже не шелохнулась...

Открылся люк — на одной из многочисленных граней верхней части корабля возникло шестиугольное отверстие. Вслед за этим, так же мгновенно, до самой земли протянулся узкий металлический трап с невысокими перилами.

Прошло еще несколько минут. Потом в черном проеме люка появились и осторожно, один за другим, спустились по трапу три существа.

Одно из них напоминало большую собаку. Другое, несколько выше ростом, походило на медведя. А третье было точной копией ангорского кота, только невиданных на Земле размеров. Все трое свободно шагали на задних конечностях и были одеты в яркие одежды, словно предназначенные для циркового выступления. Три представителя трех основных форм разумной жизни, развившейся на одной из планет, обращающихся вокруг звезды Барнарда, — на планете, которую ее обитатели называли Атвеной.

К посещению Земли они готовились давно и тщательно. И постарались узнать о землянах все, что можно было узнать с помощью автоматических зондов, которые регулярно направлялись в Солнечную систему.

Они изучили земные языки, познакомились с образом жизни людей, определили уровень развития земной науки. Им удалось перехватить несколько радиопередач, из которых они узнали, что на Земле всерьез обсуждается проблема контактов с инопланетными цивилизациями. И, поскольку эти передачи предназначались для самой широкой публики, ученые Атвены пришли к выводу, что жители Земли в достаточной мере подготовлены к предстоящей встрече.

Сейчас наступил самый ответственный момент. Посланцы Атвены прекрасно понимали, что очень многое зависит от первых контактов с представителями земной цивилизации. Различные варианты этих контактов многократно проигрывались на вычислительных машинах, и для каждого из них вырабатывались оптимальные, с точки зрения атвенских ученых, решения.

Посланцы Атвены шли и внимательно оглядывались по сторонам, с волнением ожидая встречи с первым человеком.

Посадка не случайно была совершена в стороне от большого города — атвенцы опасались,

что неожиданное появление инопланетного корабля в густонаселенном месте вызовет нежелательную сенсацию и ажиотаж, вредные для успешного развития контактов.

— Там... — сказал, наконец, тот из них, что походил на кота. Он был командиром группы.

Все трое остановились, взглядываясь в одиночную человеческую фигуру, неподвижно сидевшую на берегу небольшой речки. Рядом с крутого берега свешивались многочисленные удочки.

— Вариант третий, — объявил командир. — Случай седьмой...

Этот вариант предусматривал установление контактов на основе обращения к представителю землян за помощью.

Согласно рекомендациям случая седьмого, вперед двинулся один командир. Было решено, что сразу три невиданных разумных существа могут привести одинокого сельского жителя в опасное смятение.

Командир Кот неслышными шагами приблизился к рыболову и доброжелательно произнес:

— Доброе утро...

Как раз в этот момент клюнула рыба, и один из поплавок ушел под воду. Матье схватился за удилице, резким движением рванул леску вверх. В воздух взвился пустой крючок.

Матье чертыхнулся. Он не любил, чтобы кто-нибудь стоял у него за спиной во время рыбалки.

— Доброе утро, — все так же вежливо повторил Кот.

Только теперь обернувшись, Матье с удивлением уставился на странную фигуру инопланетянина.

— Доброе утро, — в третий раз повторил Кот.

Глаза Матье расширились, словно собирались выскочить из орбит, а нижняя челюсть отвисла, придав лицу нелепое выражение. Он так и продолжал сидеть с открытым ртом.

Но это не смутило пришельца: подобная реакция была предусмотрена.

— Мы прилетели с другой планеты, — продолжал он, — но наш корабль потерпел аварию. Мы нуждаемся в вашей помощи.

Глубоко сидящие маленькие глазки Матье беспокойно забегали в поисках более правдоподобного источника звуков, но Кот поспешил рассеять последние сомнения.

— Не удивляйтесь, — сказал он, — что я не похож на вас. Ведь я живу на другой планете. Но я так же разумен, как и вы...

Теперь, когда стало ясно, что говорит именно Кот, Матье оцепенело уставился на пришельца. Оба молча глядели друг на друга.

Атвенские специалисты предусмотрели и это. Теперь, по их прогнозу, землянин, преследуемый удивлением, вызванное неожиданной встречей,

должен был протянуть инопланетянину руку и предложить всю возможную помощь.

Но дальнейшие события развивались совсем не по прогнозу. Матье схватил увесистый бублик и, вскочив, замахнулся на Кота.

— Это еще что за шутки! — завопил он. — Я не позволю над собой издеваться! А ну, проваливай, да побыстрее!..

— Но позвольте, — вежливо возразил Кот. — Какие же могут быть шутки? Разве на Земле есть говорящие Коты?

— Знать ничего не желаю! — яростно выкрикнул Матье. — Кот или не кот — мне все одно... Говорю, убирайся!

Пришелец стоял в нерешительности, лихорадочно перебирая в уме предусмотренные варианты и не находя ничего подходящего.

— Но я прошу вас только о помощи, — все же попытался он наладить отношения.

Ни слова не говоря, Матье швырнул камень. Кот едва увернулся и, посчитав за лучшее прекратить неудавшиеся переговоры, вприпрыжку побежал к рощице.

А Матье еще долго грозился и кричал ему вслед, обещая примерно рассчитаться с этими шутниками, которые не дают спокойно жить честному человеку.

Потом он остервенело сплюнул, собрал удочки и угрюмо поплелся к дому.

На опушке за кустами началось срочное оперативное совещание.

— Неудача, — разочарованно сказал Кот. — Что-то мы не учли.

— Ничего страшного, — оптимистически заметил Медведь. — Сработала обычная вероятность. Естественно предположить, что не все обитатели Земли способны к межпланетным контактам. Нам не повезло — мы сразу натолкнулись на исключение.

— Но исключения, — возразил Пес, — отражают общие закономерности.

— Я предполагаю, — сказал Кот, — все дело в том, что мы попытались вступить в контакт с человеком, который в этот момент был чем-то занят. Видимо, земляне не любят, чтобы их отвлекали от занятий... Предлагаю принять этот вывод в качестве рабочей гипотезы.

Они пересекли рощицу и, наткнувшись на хорошо протоптанную тропинку, остановились в ожидании.

Через некоторое время из-за поворота показалась женщина. Она медленно шла по тропинке, неся в руках тяжелую хозяйственную сумку.

— Вариант шестой, — объявил Кот, — случай первый.

В ту же секунду Пес выскочил на тропинку и направился навстречу женщине.

— Разрешите вам помочь, — галантно предложил он. — У вас тяжелая сумка.

Женщина — это была мать Лины — прошла мимо, даже не взглянув на Пса.

Тогда Пес вновь забежал вперед и слово в слово повторил то же самое.

— Отстаньте! — грубо сказала женщина, не

проявив ни малейшего удивления. — У меня без вас хлопот полон рот.

Ничего подобного предусмотрено не было, и Пес сразу был выбит из колеи.

— Но мы прилетели с другой планеты, — пробормотал он растерянно.

— Сказала — отстаньте! — еще резче повторила женщина. — У меня только и дел, что шутки шутить!

И зашагала по тропинке, ни разу даже не оглянувшись. Обескураженный Пес остался стоять в одиночестве.

Кот и Медведь приблизились к нему.

— И вторая попытка неудачна, — констатировал Кот. — В чем же мы ошиблись на этот раз?

— Должно быть, нам опять просто не повезло, — сказал Медведь. — У нее тоже были свои дела. Она ведь сама об этом сказала.

— Даже два раза, — уточнил Пес. — Не нравятся, друзья, мне все это. Ну пусть даже дела. Но ведь не каждый день прилетают на Землю разумные существа из других миров.

— Ты прав, — согласился Кот. — Причина, видимо, глубже... Людям очень трудно поверить в то, что мы инопланетяне.

— Неужели им легче допустить, что могут быть говорящие кошки и собаки? — возразил Медведь.

— В том-то все и дело, — заметил Пес. — В том-то и беда, что мы похожи на земных собак и кошек. А это привычные человеку домашние животные. Животные!.. Легко ли поверить, что могут существовать разумные коты и собаки? Да еще прилетевшие с другой планеты?

— Да, наши ученые просчитались, — задумчиво сказал Кот. — Они рассматривали сходство атвенцев с земными животными как положительный фактор. Думали, что это поможет землянам легче нас воспринять и быстрее к нам привыкнуть. А вышло наоборот...

— Я не понимаю одного, — сказал Медведь. — Как можно не считаться с фактами? Если факты противоречат привычке, как можно продолжать следовать этой привычке?

— Да, и меня это тоже поражает, — поддержал его Кот. — Если бы я был на месте землянина и встретил говорящую собаку или кошку, которые человеческим языком заявили бы мне, что прилетели с другой планеты, то путем несложных логических рассуждений я пришел бы к выводу, что так оно и есть. Каким бы невероятным мне это ни казалось.

— Видимо, у землян иное соотношение между фактами и привычками, — рассудительно предположил Пес.

— А не лучше ли нам отказаться от всех предварительных разработок, — предложил Медведь, — отправиться в город и представиться непосредственно ученым?

— Это рискованно, — возразил Пес. — Если мы натолкнемся на ученого, который считает, что прилет инопланетян на Землю невозможен... Да ведь он будет отстаивать свою гипотезу еще упорнее, чем рядовой землянин свои привычки!

— Но ведь есть же ученые, которые придерживаются иной точки зрения, — не сдавался Медведь.

— И все же я считаю, что контакт с учеными — это второй этап, — твердо заявил Кот. — Прежде мы должны найти хотя бы одного землянина, который воспримет нас такими, какие мы есть в действительности, и признает в нас своих полноправных братьев по разуму. Если же таких людей на Земле нет, то контакт атвенской и земной цивилизаций бесперспективен.

— Ты прав, — согласился Пес, — надо следовать программе. Ведь не зря же мы столько лет собирали и анализировали данные.

Они пересекли тропинку и, пройдя через луг, вышли к асфальтовой ленте местного шоссе. Здесь они спрятались за рекламным щитом и стали наблюдать за дорогой. Но в этот час шоссе все еще было пустынным.

Прошло минут около сорока... Наконец в отдалении послышался треск мотоциклетного двигателя, и вскоре из-за холма на дорогу вырвался мощный мотоцикл с коляской, доверху нагруженный пакетами и свертками.

Невдалеке от рекламного щита он остановился и съехал на обочину. Седок заглушил двигатель, спрыгнул на землю и огляделся. Солнце уже поднялось довольно высоко, было душно, слабый ветерок едва шевелил листву, а тишина после трескотни мотоциклетного двигателя казалась особенно глубокой...

Фальк перепрыгнул через придорожную канаву и, сняв шлем, с наслаждением растянулся на траве в тени развесистого дерева.

Он лежал на спине, подложив под голову руки, и, щурясь, смотрел в ослепительную синеву неба. Потом вполголоса стал напевать какую-то мелодию.

Пришельцы внимательно следили за ним из своего укрытия.

— Кажется, это то, что нам нужно, — сказал Кот.

— Вариант номер пять? — предположил Пес.

— Да... Пошли.

На этот раз они приблизились к человеку вдвоем — Кот и Пес.

— Простите за беспокойство, — сказал Пес. — Нам хотелось бы с вами поговорить.

Фальк приподнялся на локте и с интересом уставился на странные фигуры.

— Вот это да! Говорящая собака!..

— Я не собака, — вежливо сообщил Пес. — Мы — жители далекой планеты Атвены. И прилетели к вам на Землю, чтобы установить контакт между нашими цивилизациями.

— Вы, должно быть, убежали из цирка, — догадался Фальк. — Потрясающий номер — говорящие животные...

— Почему вы нам не верите? — вступил в беседу Кот. — Разве обычные земные собаки и кошки могут разговаривать?

— А что? — пожал плечами Фальк. — В позапрошлом году я сам видел в цирке. Говорящий волк... Колоссально! Правда, за него незаметно разговаривал дрессировщик. Животом...

— Но ведь рядом с нами нет сейчас никакого дрессировщика, — заметил Пес.

— А... — махнул рукой Фальк. — Сейчас техника и наука — все могут.

— Но если так, — подхватил Пес, — то почему вы не хотите допустить возможность межзвездного перелета?

— Да вы — шутники! — расхохотался Фальк, поднимаясь на ноги. — Пожалуй, надо вас вернуть в цирк. Думаю, за это неплохо заплатят. Кот и Пес быстро переглянулись.

— Подождите, — сказал Кот. — Смотрите... В его руке блеснула тонкая металлическая палочка. Он направил ее на одинокий дуб, возвышавшийся неподалеку, и огромное дерево в то же мгновение исчезло, словно растаяло.

— Колоссально! — воскликнул Фальк.

— Теперь вы нам верите? — спросил Кот.

— Ну, вот что, — сказал Фальк. — Давайте-ка ко мне на мотоцикл — я отвезу вас в город.

— Куда — в город? — осведомился Пес.

— Разумеется, в цирк. А что?.. Куда же вы?!

Но Кот и Пес были уже далеко...

Фальк машинально завел двигатель, медленно уселся в седло, напялил на голову шлем, привычным движением руки сдвинул его на затылок и долго смотрел туда, где исчезли две фигурки. Казалось, им овладели какие-то сомнения... Потом он нерешительно тронул с места, поминутно притормаживая и оглядываясь в ту сторону...

А три пришельца продолжали свои поиски.

Они снова прошли через рощу и вновь оказались у того же шоссе, которое как раз в этом месте делало поворот, поднимаясь на небольшую возвышенность, где виднелись аккуратные домики, увитые диким виноградом.

У самого поворота на пеньке сидела девочка. В руках она держала большого пластмассового кота, одетого в высокие зеленые сапоги и ярко-красную шапочку. За спиной у него развевался красный плащ.

Мощные звукоулавливатели донесли до пришельцев нежный детский голосок:

— Видишь, Усатик, как здесь хорошо... А ты не хотел со мной идти, глупенький. Ведь хорошо же, хорошо, правда?

Инопланетяне переглянулись, в их взорах мелькнула надежда.

— А теперь засыпай, — продолжала Лина. — Днем все дети должны спать.

Пришельцы разом выступили из-за деревьев и все втроем приблизились к Лине.

— Здравствуй, девочка! — сказали они хором.

— Ой, здравствуйте, — воскликнула Лина. — Усатик, Усатик, смотри, кто к нам пришел!.. Вы... из сказки?

— Мы... — начал было Медведь, но Пес перебил его:

— Ну, конечно, девочка, конечно, мы из сказки!

— Как интересно! — воскликнулась Лина. — А как она называется?

— Ммм... — замылся Пес. — Она называется... «Путешествие на Землю».

— Я никогда не слышала такую сказку... Это новая, да?

— Да, — сказал Кот. — Это совсем-совсем новая сказка. Такой еще никогда не было.

— А кто вы? — спросила девочка, внимательно приглядываясь к пришельцам и замечая то, на что до нее никто из землян не обратил внимания. — Почему у вас нет хвостов? И почему вы ходите на задних лапках? И почему у вас пальцы, а не когти?.. Кто вы?

— Мы... — замылся Кот, но Лина вдруг хлопала в ладоши.

— Знаю, знаю! Вас заколдовал злой волшебник. Правда?

— Ты угадала, девочка, — подхватил Пес. — Мы жили там, — он показал на небо. — Возле далекой-далекой звезды. Но злой волшебник превратил нас в кошку, собаку и медведя... Ты хочешь нам помочь?

— Ну, конечно же! Непременно... Видите тот маленький домик с зеленой крышей? Там живет профессор из города. Мы с ним давно-давно знакомы, уже два года. Он такие сказки знает... Он вас расколдует. Я отвезу вас к нему, и он обязательно придумает. Обязательно!

Пришельцы переглянулись.

— Вы не волнуйтесь, — ласково сказала Лина. — Профессор хороший, он поможет...

И они пошли по тропинке, поднимавшейся к поселку, к домику с зеленой крышей. Впереди Лина с пластмассовым котом на руках. А за ней посланцы иноземной цивилизации, похожие на собаку, кошку и медведя.

Они шли следом за девочкой и думали о том, что теперь им, пожалуй, удастся выполнить задачу, ради которой они пересекли нескончаемые просторы мирового пространства.

ОХ, УЖ

ЭТИ

МАМЫ!..

Мне 14 лет, я учусь в седьмом классе. Люблю литературу, математику и вообще много читаю. В этом году вступаю в комсомол. И вдруг такой разговор: как найти себя? Ребята пишут в журнал, говорят о своей мечте, о будущей профессии...

У меня тоже есть мечта. Я хочу стать актрисой. Но как трудно жить такой мечтой: родители уверены, что из меня актрисы не выйдет, подруги надо мной смеются. Правда, есть и такие люди (очень немногие), которые одобряют мой выбор.

Но несмотря на насмешки я не собираюсь отступать от своей мечты. Напротив, чем взрослее я становлюсь, тем крепче во мне желание добиться ее осуществления.

В свою очередь, я удивляюсь многим своим одноклассникам. Спросишь кого-нибудь из них, кем он думает стать, а в ответ следует нечто неопределенное: «Не знаю...», «Не думала еще...» Вот и в сочинениях ребят, опубликованных в «Уральском следопыте», чувствуется какая-то неуверенность: «Мне не нравится профессия моих родителей, а вот эта нравится, но...» Как же так можно говорить о будущей профессии? Если нравится, то при чем же тут «но»? Или, может быть, я сама чересчур категорична в суждениях — меряю всех по собственной мерке?

Иногда мне бывает страшно: как подумаю о конкурсах в театральные институты — 300—500 человек на одно место! Что же я буду делать, если не окажусь самой одаренной из этих трехсот или даже пятисот увлеченных, как я, театром, окрыленных, как и я, мечтой юношей и девушек? Ведь ни одна другая профессия мне не по душе...

Лена С.
г. Сольцы

Я еще никогда и никуда не писала. И вот — решилась!

Я учусь в девятом классе, но до сих пор не выбрала себе профессию. С первого класса по восьмой меня не оставляла мечта стать учителем. Я с интересом слушала рассказы мамы о ее учениках, проверяла вместе с ней тетради. Одноклассницы говорили: «Быть тебе, Наташка, учительницей!»

Но в девятом классе я поняла — с моим здоровьем мне долго не проработать в школе. И еще я очень несдержанная.

Начали мы дома «перебирать» профессии. Мамина мечта — чтобы я обязательно окончила вуз и стала юристом или инженером-экономистом. Меня же эти профессии

не привлекают. И об этих и о многих других профессиях у меня слишком поверхностное понятие. Что мне делать? Брать какую-нибудь профессию и узнавать о ней досконально? Не понравится — другую? И так десятки, сотни профессий? Родители говорят, что я лентяйка, что у меня ни к чему нет склонности и т. п. Правы ли они?

Наташа ОЛЬХОВСКАЯ.

Вопрос «Кем стать?» для меня давно решен: я буду геологом. Почему я выбрала именно эту профессию? Не только из-за романтики. Мне нравится быть наедине с природой, я очень люблю ее. Моя родина — Урал. Это удивительный край с прекрасной природой. Вот уже шесть лет я там не живу и с каждым годом все острее чувствую свою оторванность от родного края. Мне нравится искать, открывать, наблюдать, исследовать; нравится всю жизнь быть в пути, в движении.

Я многим говорила о моей будущей профессии, а на меня смотря с каким-то сочувствием, сожалением, ласковой снисходительностью: мол, еще успеет, одумается — ребекок! И, что всего обиднее, меня не понимают самые близкие люди. Мама сначала внимания не обращала, потом удивилась, потом испугалась и, наконец, серьезно сказала: «Эта профессия не для девочки. Ты не понимаешь всей серьезности своего решения. Не имеет семьи, домашнего очага!.. Бродяжничать где-то по болотам, терпеть холод, сырость, неуют!.. Не понимаю, что в этом приятного?» А моя подруга, одноклассница, как-то рассмеелась: «Шутишь! Но ты, конечно, это несерьезно?» и т. д. и т. п. Почему они все так рассуждают?

Но я готовлюсь: изучаю Общую геологию, читаю другие книги. Особенно большое впечатление произвела на меня книга Малахова «Занимательная геология». И еще один вопрос: на чем мне специализироваться? Мне хочется, чтобы моя будущая работа была подвижной и была связана не только с исследованиями по геологии, но захватывала еще географию и биологию. Мне нравятся тектоника и стратиграфия (почти в одинаковой мере) и еще сейсмология, но мама об этом и слушать не хочет.

Лена ЯКОВЛЕВА

Кладовые десятой пятилетки

Ключи от кладовых, из которых будет черпать сырье народное хозяйство страны в будущей пятилетке, находятся в руках не только взрослых, но и юных геологов. Ребятам, идущим с юношескими геологическими партиями, никто не предъявит счета, если они сходят «впустую». Но они сами, получая задания геологических экспедиций, берут на себя часть взрослых забот. Это про них сказано: «Кто ищет — тот всегда найдет».

Ученики школы № 41 станции Баксаково в Башкирской АССР открыли месторождение туфа. Учащиеся Пскова обнаружили 2 млн. кубометров гажы (рыхлый углекислый кальций), необходимой для известкования кислых почв, производства цемента и выжигая извести. Юные геологи Экибастуза установили более широкие границы района залегания бокситов. В Белоруссии ребята сделали четырнадцать заявок на неметаллические полезные ископаемые... Этот перечень можно продолжить. Открытия школьников становятся рабочим материалом для геологов, нередко по следам ребят идут поисковые и разведочные партии. Не все, что находят юные геологи, может понадобиться сегодня, но они в немалом объеме подготавливают базу «на завтра», именно там, где сегодня у геологов не хватает рук, времени и средств. Вот лишь некоторые открытия ребят. Все они имеют народнохозяйственное значение.

- Экономия на... песке
- Есть месторождение!
- Заказ выполнен
- Палитра природы
- Подарок юных геологов

Знаете ли вы, что гравий, если его завозить, допустим, в Тюмень с Урала, стоит 17 рублей 50 копеек? А вообще цена ему 4 рубля за кубометр... Этой арифметикой занялись ребята из юношеской геологической партии Ишимского района Тюменской области. Все колхозы и совхозы пользовались до сих пор привозным гравием. Юные геологи Ишима открыли свои запасы в области — и вот уже при строительстве используются найденные ими гравий и песок. Около ста объектов возвели сельские строители, используя местные природные ресурсы.

Научный язык отчетов для ребят пока еще труден. И потому они написали так, как им показалось понятней: «Выявлено крупное месторождение огнеупорных глин...» Ох, и ругал же их за это руководитель, геолог Николай Мамин: «Олигоценовые глины назвать огнеупорными — это надо же... А еще геолог!»

Описка — дело исправимое. Важно, что ребята из Первоуральской юношеской партии действительно открыли крупное месторождение олигоценовых кирпичных глин. Они сделали заявку в Уральское территориальное геологическое управление о месторождении в районе речки Мостовки с запасами в 10 миллионов кубометров.

Целый комплекс геологических работ выполнили ребята из Челябинска, работая в каникулы в полевых партиях. Их задачей было — оценить Погорельское медно-никелевое проявление. За два года юные геологи сделали работ на 13,5 тысячи рублей: проходку шурфов, обследование колодцев и скважин, описание обнажений, даже прорубку магистралей...

Работа выполнялась по заявке Южноуральской геологической экспедиции.

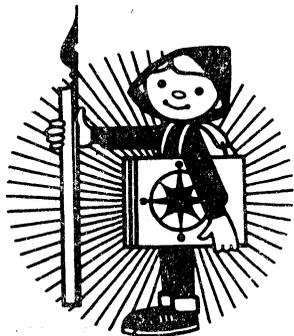

Северо-западным геологическим управлением взяты на учет залежи минерального красящего сырья на одиннадцати площадях с суммарными запасами в 436 тысяч кубометров. Открывателями залежей стали школьники ленинградских и псковских школ — члены юношеских геологических партий.

Минеральные краски — желтая охра, красный сурик, коричневая умбра — благодаря прочности и дешевизне находят широкое применение в производстве всех видов красителей.

Передана промышленности 31 слюдоносная жила в Мамско-Чуйском районе, право этого открытия принадлежит Иркутскому юношескому геологическому отряду. Слюда, как известно, является незаменимым изолятором, используется в электротехнической и радиотехнической промышленности.

следопытская

хроника

КТО СЪЕЛ КРАПИВУ?

Как становятся учеными?

В ответ на этот вопрос доктор биологических наук Борис Федорович Сергеев из Ленинграда вспомнил эпизод из своего детства...

В детстве я испытывал «почтение» к крапиве: мне как-то сильно попало от бабушки за испорченные простыни, бабушка почему-то не сумела оценить прелесть сооруженной из них палатки.

Словом, я был с крапивой в давнишней вражде. Приезжая летом на дачу, я первым делом садился на своего боевого коня, длинную палку с облезлой конской головой на конце, делал из ивового прута саблю и отправлялся в поход на крапиву. Я бился с ней упорно и настойчиво, рубил ее жгучие стебли под самый корень и, когда снашивалась одна сабля, заводил себе другую.

Крапива вольно росла на нашем участке. Ее куртины обрамляли забор, а за сараем раскинулась целая плантация. Обжигающие побеги отрастали быстро, приходилось быть все время начеку, и я прилежно трудился на крапивном фронте все лето. Война продолжалась из года в год, пока я не начал ходить в школу.

Занятия в школе кончались в конце мая, и на дачу в тот год мы приехали, когда лето уже вошло в свои права. Не дожидаясь, пока распакуют узлы и чемоданы, я вскочил на коня и поскакал на разведку. Представьте же себе, каково было мое удивление, когда на месте буйных крапивных плантаций я застал поломанные, подсыхающие стебли крапивы с голыми черенками или остатками листьев на них. Я был озадачен: кто мог быть моим непрошеным союзником?

Первые подозрения пали на бабушку и козу Маньку. Бабушка любила добавлять в зеленые щи листья молодой крапивы, и от этого блюда я всегда решительно отказывался. Манька же ела все без разбора: газеты и детские пеленки, мороженое и колючие ананасовые корки. Однако, поразмыслив, я понял, что бабушка тут ни при чем, она приехала вместе с нами. Манька, похоже, тоже была невиновна. Когда я привел ее в крапивник и потыкал мордой в обрывки листочков, она на них и не посмотрела, а, отвернув голову, обиженно заблеяла. Не захотела она есть и свежие побеги, которые я, обжигая руки, нарвал на соседних участках.

С того дня я ходил весь в волдырях, постоянно таскал с собой пучки крапивы и предлагал их всем без разбора: коровам, овцам, курам, даже соседскому Трезору. Никто не хотел лакомиться моим угощением. И действительно, кто мог решиться взять в рот такую жгучую гадость?

Между тем, в потравленных крапивариях поднимались молодые побеги. Они тянулись к солнцу, и скоро снова новые крапивные поросли заслонили старые засохшие стебли. Я больше не вторгался в крапивные джунгли, а был занят совсем другим: поиском таинственного крапивного лакомки.

Несколько дней шли проливные дожди, а когда, наконец, выглянуло солнце и подсушило траву, я сразу отправился осматривать крапиву. Еще издали была заметно: многие листья слегка пожелтели. Подойдя ближе, я понял и причину этой желтизны: крапивные листья покрывали стайки желтовато-черных, слегка мохнатых крохотных гусениц.

Каждая стайка занимала свой отдельный лист и паслась на нем.

НЕ ПОНАСЛЫШКЕ

На обжитых листьях появились маленькие дырочки, да и с краев они тоже оказались слегка обкусанными. На другой день дырочек было больше. Пренебрегая ожогами, я нарвал особенно густо населенные стебли и осторожно, чтобы не растерять по дороге квартирантов, принес крапивный букет в свою комнату.

Желтые гусеницы целыми днями грызли листья и очень быстро росли. Чем крупнее они становились, тем менее дружными делались их стайки. Постепенно гусеницы расплозились и захватывали по отдельному листу. Некоторые делали из листьев домики, скручивая их в широкие трубки и связывая их белой паутинкой. В таких жилищах удобно отдыхать и безопасно жить. Хозяйка питается стенками домика, а когда съедает его целиком, переходит на соседний лист.

Немало крапивы слопали мои питомцы, пока не превратились в толстых, хорошо уситанных созданий. Тогда они стали ленивыми, старались укрыться в тени и через несколько дней, повиснув вниз головой, превратились в забавных куколок.

Бабушка неодобрительно относилась к моему букету, а когда все гусеницы спрятались под листья и окуклились, чуть его не выбросила. В один прекрасный день из куколок начали выходить красавицы-бабочки, кирпично-красные с черными пятнами и черной каймой, украшенной голубовато-синей отделкой. Однажды мне удалось даже подглядеть, как у куколки лопнула на спине кожа и оттуда медленно, с видимым усилением выползла новорожденная.

Молодые бабочки долго сушили на солнце свои крылышки, затем медленно, неуверенно пробовали ими шевелить и пытались лететь. Я закрыл окно, чтобы мои красавицы не удрали, но они не хотели летать по комнате, а все слетались к свету и бились о стекло. Пришлось отпустить их на волю...

Пока подрастали мои гусеницы, я тщетно пытался узнать имя своего союзника. Никто из взрослых не знал, как они называются. Бабочки же оказались моими давнишними знакомыми. Это были крапивницы. Вот, оказывается, почему они так называются!

Сами бабочки, конечно, крапиву не едят, они питаются нектаром цветов. Зато за лето выводят два поколения детей. Второе поколение, превратившись в бабочек, остается зимовать, чтобы весной отложить яички.

Бабочки-крапивницы относятся к семейству нимфалид. Большинство из них ярко окрашенные, такие, как траурница, павлиний глаз, адмирал. Они обладают удивительной особенностью — совершать, как птицы, большие перелеты. Репейницы и адмиралы делают это регулярно. Весной они летят к нам на север из Южной Европы или даже Африки, а осенью улетают в теплые края. При этом репейницы иногда собираются в колоссальные стаи, а адмиралы летят поодиночке.

Главное отличие перелетов этих бабочек состоит в том, что осенью летят на юг совсем не те насекомые, что прилетели к нам с юга весной: закончив перелет в начале лета, они откладывают яички и погибают. На юг летят бабочки, которые выводятся из этих яичек. Таким образом, в стаях нет опытных бабочек, которые бы совершали перелет дважды, могли бы помнить дорогу и указывать путь своим подругам. А между тем перелеты совершаются всегда по одному и тому же маршруту. Как находят бабочки дорогу, что служит им в пути ориентиром, ученые пока не знают.

Крапивницы тоже перелетные бабочки, только перелеты их односторонни. Они появляются у нас в начале лета, чтобы отложить яички на порослях крапивы, и, конечно, погибают. Осеннее поколение здесь и остается зимовать.

Многие из этих бабочек — полезные насекомые. Еще в детстве я оценил помощь гусениц бабочки-крапивницы в войне с крапивой. Очень полезны и репейницы. Ее гусеницы тоже не трогают культурные растения, а живут на сорняках и в местах массового размножения могут так потрудиться, что сделают ненужной прополку овощных культур. Вот почему и крапивниц, и очень похожих на них по расцветке репейниц надо охранять. Они — друзья.

Можно сколько угодно мечтать о заманчивой профессии геолога, задержав тюлевую занавеску на окне, за которым идет дождь. А можно и выйти в этот проливной дождь с немудреным туристским (для начала) снаряжением, пройти с друзьями неизведанными тропами и согреть потом у костра руки, озябшие от мытья шлихов. Лишь тогда рассеется розовый ореол, созданный богатым юношеским воображением вокруг избранной профессии, когда сделаешь первый практический шаг.

В прошлом году на слете юных геологов нам посчастливилось увидеть свою смену. Мальчишки и девчонки из юношеских геологических партий, приехавшие на слет, — они были не белоручки и не праздные мечтатели. Они видели и белый парус романтики, и черный хлеб труда. Я вспоминаю некоторых из них: Сашу Довгопола из Челябинска, признанного на слете лучшим минералогом; Володю Аникина из Первоуральска, прочитавшего один из лучших докладов об открытом им партий месторождении кирпичных глин; совсем малыша Сережу Егорова из Кушвы — он был в первом десятке знатоков горных пород; Вадима Лехновича из Полевского, показавшего рекордное время в мытье шлихов... Любого из них начальники геологических партий хоть сейчас взяли бы в маршрут. Их знания в геологии порой поражали даже нас, специалистов. У них есть уже практический опыт — то, что называется «своими руками» и «своими глазами». Они уже приобщились к делу вдохновенной и необратимой любовью.

В наше время невозможно открыть месторождение в одиночку даже на Урале. Все крупные открытые месторождения — результат сложного поиска, целого комплекса новых методов и, конечно, коллективного труда. Только коллективного! И это еще одно немаловажное качество, которое воспитывают в себе с юных лет будущие геологи. В полевых партиях ребята привыкают ценить труд не только свой, но и товарищей, учатся мыслить и работать сообща, что, как известно, важно для каждого человека нашего общества — не только для геолога.

Борис ПОПОВ,
главный геолог
Уральского
территориального
геологического
управления,
начальник III Всесоюзного
слета юных геологов

ТРАВНИК

Ивана Кашинского

**Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ**

Третье поколение хранит в нашей семье «Русский лечебный травник» Ивана Кашинского, отпечатанный в Санкт-Петербургской военной типографии еще в 1817 году.

Приобретен он был у букиниста в Тамбове задолго до революции. Точная дата покупки неизвестна. Нам также ничего не было известно ни об авторе «Травника», ни об истории его создания, ни о месте в ряду медицинской литературы прошлого столетия.

В связи с возросшим интересом к фитотерапии — лечению растениями — в нашей стране в последние годы издано немало книг о применении растений в научной и народной медицине. Каждая книга снабжена обширным — в сотни названий — перечнем новых и древних сочинений о лекарственных травах. Но, к удивлению, ни в одном из них не упоминался «Травник» Кашинского. Неужели, подумалось мне, он не представлял ценности или так редок, что о нем просто-напросто не слышали?

Первое предположение, кажется, должно было отпасть само собою, так как даже беглое знакомство с «Травником» не оставляло сомнения в том, что это — незаурядный по содержательности труд.

Но вот не так давно в газетном потоке промелькнула знакомая фамилия. Профессор Г. В. Гуляев, рассказывая читателям «Советской России» о лекарственных растениях, сослался на «Травник» И. Г. Кашинского. Тогда-то я и решил заняться историей этой книги. И вот что мне удалось выяснить.

В ноябре 1809 года Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия¹ определила награждение — золотую медаль в пятьдесят голландских червонцев — «тому, кто опишет отечественные наши растения, дико произрастающие или насаждаемые, качествами своими могущия заменять чужеземныя». Срок представления работ на конкурс устанавливался до 1 июня 1812 года.

Этот шаг академии был вызван

¹ Ныне Военно-медицинская академия в Ленинграде.

насушной необходимостью. Дело в том, что потребность в медикаментах химического и растительного происхождения все более и более возрастала, особенно для армии, достигшей в войне против Наполеона огромной численности. Царское правительство тратило значительные средства на покупку лекарственных растений за границей, в то время как большинство из них можно было заготовлять на родине.

Из Германии, например, вывозили мать-и-мачеху, ремень, березовые почки, можжевельные ягоды. Бытовало мнение, что без этого чужеземного сырья России не обойтись. Губернские и уездные медицинские чиновники и даже нередко сельские лекари пренебрегали многовековым опытом народа в успешном лечении больных домашними средствами и не желали утруждать себя организацией сбора лекарственных растений на месте.

Одной из причин этого явления был также и недостаток книг на русском языке о лечении растениями. Последний русский травник «Врачебное вешествословие, или описание целительных растений, во врачевстве употребляемых», составленный крупным ученым, доктором медицины Нестором Амбодиком-Максимовичем, вышел еще в конце XVIII века, и достать его рядовому врачу в провинции было невозможно. Правда, позже знаток народной медицины Осип Кириллович Каменецкий издал «Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами», но и оно было малодоступным.

Нужен был массовый травник — настоящая книга гражданского и армейского медика, а также любого образованного человека, который смог бы приготовить лекарство при отсутствии аптек и врачей.

Когда в Санкт-Петербургских канцеляриях готовился к путешествию по бюрократическим ступеням циркуляр об академической награде, далеко на севере, в Финляндии, на берегу Ботнического залива, тридцатисемилетний врач, кандидат медицины и хирургии Иван Григорьевич Кашинский сделал в своей тетради очердную запись:

«Сим единственным способом я многих цынготных спас в Финляндии, при Улеборгской¹ военной госпитале, давая им по фунту квашеной капусты 2 раза или чаще, в неделю. Так же противочынготное: гулявник-жеруха, вахта трехлистная, щавель, клюква».

В другой тетради записал, что вылечил молочным отваром ягеля чахоточных раненых. А исландским мхом в один месяц поправил свою изнуренную лошадь.

Таких тетрадей у Кашинского было уже около двухсот. И в каждой, кроме сообщения о результатах лечения, — подробное описание растений, мест произрастания их.

Родился Иван Кашинский в 1772 году на Украине в семье священника. Отец вместе с сыновьями пахал и сеял, цепом молотил жито на гумне, косил траву на лугах. Среди селян слыл искусным лекарем — с успехом лечил больных травяными.

Любовь отца к травам передавалась сыну. Не удивительно, что особый интерес у Ивана Кашинского, поступившего в Киевскую духовную академию в 1779 году, вызвал курс медицинских наук.

Четырехлетнее пребывание в академии утвердило решение Кашинского стать врачом. В 1793 году, окончив ее, он определился учеником в Санкт-Петербургский генеральный сухопутный госпиталь. А через два года стал слушателем Медико-хирургического училища², готовящего военных врачей, по окончании которого получил звание кандидата медицины и хирургии и был назначен лекарем первого класса в адмиралтейский госпиталь.

Потом Иван Григорьевич работал в родильном доме, служил в военных госпиталях Москвы и Шлиссельбурга, участвовал в борьбе с эпидемией в Лифляндии...³ В 1809 году судьба забросила его в Улеборгский военный госпиталь. К этому времени Кашинский имел богатый опыт лечения больных лекарственными травами и непрерывно продолжал пополнять свои знания. Он изучал труды русских академиков Лепёхина, Севергина, Палласа, Фалька, профессора ботаники Соболевского, содержащие ценные сведения о народной медицине; наследие врачей древности — Гиппократ, Диоскорид, Гален. Внимательно следил за новейшими работами химиков и рассуждениями о лечении болезней представителей различных философских

школ. Позже Кашинский посмеется над трансцендентальными опусами немцев, «заводящих легковверных в лабиринт своими нелепыми выдумками, которые едва ли они понижают».

Сообщение об академическом конкурсе в Улеборг сразу не дошло. Кашинский узнал о нем лишь спустя полтора года. И все-таки он надеялся представить свою работу к сроку. Но началась война с Наполеоном, и он ушел в действующую армию.

Заслуги Кашинского в Отечественной войне 1812 года были отмечены орденом Владимира IV степени, он получил чин надворного советника и стал корпусным доктором.

Врачебный опыт Ивана Григорьевича неизмеримо обогатился. А тетради продолжали пополняться новыми записями.

«Я давал моим армейским больным при Полоцкой госпитале 1812 и 13 годов следующий противулихорадочный отвар, приготавливаемый из вербовой и ясеновой корок, ирного корня и горечавки. В гнилых горячках, которую заразу нам сообщили военнопленные французы, я натурал эстрагонным укусом всю поверхность тела с хорошим успехом».

После войны, в 1815 году, Кашинский становится профессором Академии художеств по классу анатомии. Только в начале следующего года представил он в медико-хирургическую академию свой многолетний труд под названием «Описание отечественных врачебных растений, целебными качествами заменяющих чужеземные и употребляемых для лечения внутренних и наружных болезней. Основанное на наблюдениях прежних и новейших опытных врачей; с присовокуплением составных действительнейших лекарств и экономических замечаний, для всех состояний полезных». О своем личном опыте и наблюдениях автор скромно умолчал.

В медицинской литературе Кашинский не был новичком. Еще в 1797 году он опубликовал «Краткую медико-хирургическую материю — медику, или науку о лекарствах», позже вышло в свет его четырехтомное сочинение «Способ составлять минеральные целебные воды», удостоенное премии.

В марте 1816 года академия рассмотрела труд Кашинского и признала «весьма полезным и достойным скорейшего напечатания». По предложению президента Медико-хирургической академии избрала Ивана Григорьевича корреспондентом и, отдавая должное его заслугам, присвоила ему ученое звание доктора медицины и хирургии.

Объемистая книга под лаконичным названием «Русский лечебный травник» была напечатана в следующем году и принесла автору всерос-

сийскую известность. В виде отдельного приложения к ней Кашинский намеревался подготовить классификацию растений по системе Линнея.

«Травник» содержал описание 333 видов лекарственных растений, произрастающих на территории России, включая Урал и Сибирь. В нем подробно излагались правила сбора, сушки и хранения сырья, давались характеристики веществ, содержащихся в растениях, их действий и указаны дозы для приема в зависимости от возраста больного. Кроме того, приводились сведения о хозяйственном использовании многих растений.

В своем труде автор ссылался не только на опыт народов России, но и жителей почти тридцати других стран мира.

«Травник» Кашинского для тогдашнего времени был энциклопедией народной медицины.

Вскоре Иван Григорьевич был назначен гоф-медиком — врачом для придворных царя. Теперь его искусство врачевания держало особенно строгий экзамен. Однажды во дворце поднялся переполох: сам духовник Александра I лишился вдруг дара речи. Заграничное лекарство не помогло. На помощь призвали Кашинского. И тот, к изумлению свиты, после нескольких втираний бальзама собственного изготовления заставил духовника заговорить.

В эти годы Кашинский осваивает лечение и гальванизацией.

Но мужиковатый гоф-медик, откровенно придерживающийся материалистических направлений в медицине, оказался не по нутру тупоумным вельможам. За год до восстания декабристов Кашинского отравляют в Тамбов простым инспектором губернской медицинской управы. Здесь он и закончил свою службу.

В 1842 году вышел последний труд Кашинского «Домашняя аптека». Обещанную ботаническую классификацию отечественных лекарственных растений составить он не успел.

В 1846 году в возрасте семидесяти четырех лет Иван Григорьевич скончался.

А «Травник» продолжал жить. В 1862 году его вновь — уже в Москве — напечатали. В это время один из крупных русских терапевтов Ф. И. Иноземцев усиленно пропагандирует народную медицину. В сельской местности стали появляться больницы и амбулаторные пункты. И тут книга Кашинского была как нельзя кстати.

Интересно, что современные книги по народной медицине имеют сходство с книгой Кашинского не только в структуре. В них, за немногим исключением, вошли и растения «Травника».

¹ Улеборг — ныне город Оулу.

² В 1798 году это училище было преобразовано в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию.

³ Одна из тогдашних прибалтийских губерний России с центром в г. Риге.

ДУШИТЕЛИ ДЕРЕВЬЕВ

Однажды, пробираясь с группой студентов сквозь чащу уссурийского леса, я увидел усохшие ели и пихты. Что случилось? Начали разбираться...

Оказалось, что стволы деревьев были охвачены спиралями актинидии коломикты в палец толщиной. Плети лиан поднялись, цепляясь за чешуйчатую кору елей. Спирали шли против часовой стрелки, глубоко врезаясь в стволы. Из года в год деревья утолщались, но так и не могли разорвать смертельные объятия. С каждым летом плети лиан все сильнее сдавливали стволы, сплющивали сосуды под корой, затрудняя передвижение живительных соков. Так и не смогли деревья справиться с коварным душителем — и погибли.

Мы увидели, как другая лиана — лимонник китайский — таким же образом расправилась с бархатом амурским. У бархата пробковая кора, которая первое время пружинила под давлением лианы. Но и она оказалась расплющенной. Под ней смят был и луб, пронизанный сосудами. И перестали поступать питательные вещества к придавленным участкам ствола. Дерево погибло.

Другие вьющиеся лианы нападают иначе. Виноград, виноградовник, ломоносы угнетают деревья с помощью прочных усиков. Усики способны к круговому движению и тугими спиралями охватывают еще слабые побеги деревьев и кустарников.

Актинидия, лимонник, виноград, виноградовник часто

сплошь укутывают крону, прекращают доступ света к листьям деревьев, затрудняют питание, цветение, плодоношение. Такие деревья через несколько лет также погибают или влачат жалкое существование. Даже освобожденные от коварных объятий лиан, они долго не могут оправиться, иногда все-таки погибают.

Кое-где в девственном уссурийском лесу встречаются лианы актинидии толщиной в руку взрослого человека. Когда-то они обвивали маленькие деревья и перебрасывались выше, на более высокие. Отсюда забирались на ветви самых высоких деревьев и там закреплялись. Проходили годы, первичные опоры — молодые деревья, задушенные лианами, погибали и падали. Нижние, наиболее толстые части лиан, все время держались вертикально. Верхушки их успели забраться высоко. И теперь с дерева свисают словно толстые канаты.

Особые лианы — лазающие. Например, у краснопупырника плетевидного стебли не вьются. Их плети ползут по стволу. На кончике лианы отрастает острый шип. Он-то и впивается в кору, закрепляя лиану. Кажется, что стебель лианы прибит гвоздями. Краснопупырник не повреждает сосудов дерева, прокалывая лишь кору.

Андрей
НЕЧАЕВ

Рисунок
В. Домрачева

ЧОМГИНЫ ЛАПЫ

Олег
ГРИГОРЬЕВ

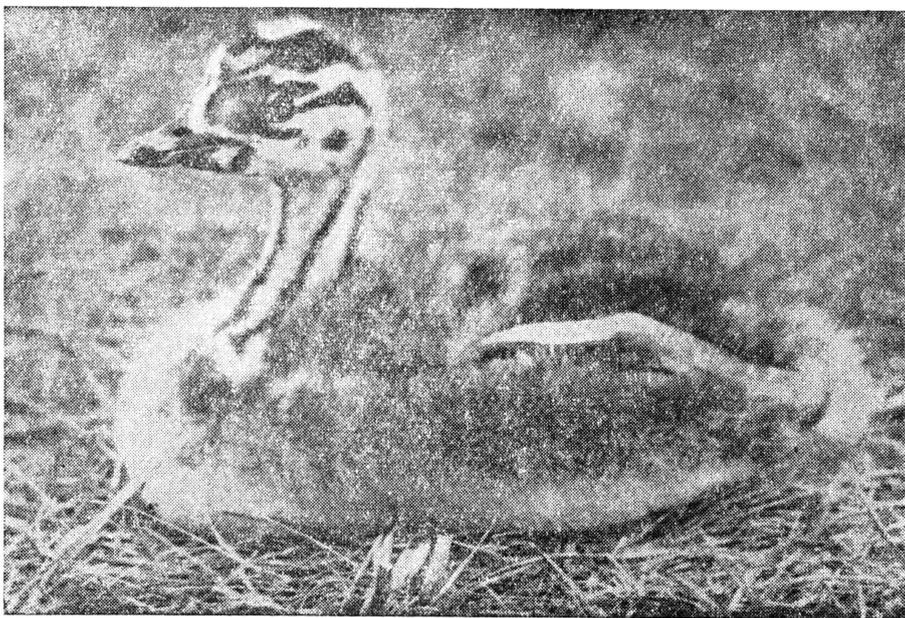
Чомга, или иначе большая поганка, попала к нам случайно. Отдал ее нам знакомый рыбак, перед нашим отъездом из экспедиции в город. Она запуталась в рыболовных сетях.

В квартире мы выпустили чомгу. Стоим, любимся, а что с ней дальше делать — не знаем. Чомга — птица водная. По суше она передвигается с трудом — лапы у нее расположены не как у гусей и уток снизу тела, а сзади, можно сказать, прямо из хвоста торчат. На таких лапах горизонтально тела не удержишь, можно только стоять, как пингвины. Только они могут стоять хоть день, хоть два, а поганке так не суметь, устанет.

Смотрим мы, как чомга по квартире ходит, и улыбаемся — уж больно забавно! А ей трудно: поднимется столбиком, прошлепает три-четыре шажка и упадет на грудь. Поднимется, пробежит и опять упадет. Будто меряет комнату своим телом.

Чомга — искусный пловец и ныряльщик. Тело ее заостренное, как веретено.словно подводная лодочка плавает чомга по озеру, а чуть что — нырк, и нет ее. Тихо, без всплеска.

Как устроить нашей чомге житье в неволе? Сделаем ей озеро в ванной комнате. Ванна высокая, стенки у нее гладкие, по ним не выберешься, а взлететь она оттуда не сумеет. Чомге, чтобы подняться на крыло, нужен разбег, как гидросамолету. А тут не разбежишься. Так и сделали: пустили ее в ванну. Она и такому

рада — купается, плещется, воду пьет, перья чистит, прихорашивается. Прижилась у нас поганка в ванной, только дикой так и осталась. Шипит, перья на голове торчком делает и кидается: клюну! А клюв, что долото, длинный и острый. Таким в руку клюнет — не обрадуешься. Постепенно привыкли мы к агрессивному чомгиному характеру.

Пожила бы у нас чомга и отпустили бы мы ее без особого интереса, если бы не одно происшествие.

Заглянули мы как-то в ванную — плавает чомга, а лапа у нее только одна. Что такое? Куда делась другая? Ванна — белая, поганку со всех сторон хорошо видно, а куда лапа делась — непонятно. На брюшке у нее перья короткие, плотные, в них лапу не спрячешь. Плавает чомга,

одной лапкой подгребается. Так и не смогли мы догадаться, куда она вторую спрятала. Пододвинулись поближе и тут... из перьев на спине взметнулась вверх лапка, как пружинка ее подбросила. Опять стала чомга как чомга — с двумя лапами. Вмиг взъерошилась, крылья раскрыла, клювом защелкала, зашипела — лапы погреть не дадут!

В самом деле, где чомге лапы погреть и посушить — не вверх же брюшком переворачиваться! Утки на кочку вылезут, на одну лапку станут, другую под себя подожмут и отдышат. А чомге нелегко по земле ходить, и даже в гнездо свое плавучее забраться. Вот и греет она лапки на спине, то одну, то другую.

Мое пожелание

Признаться, читаю я ваш журнал не от корки до корки. Есть в нем особо значащая для меня рубрика — «Мой друг — фантастика», из-за этого раздела, можно сказать, и выписываю «Уральский следопыт». Раздел сильный. Часто публикуются виднейшие советские фантасты, появляются неожиданные имена. Особо благодарен за интервью, взятое у Ивана Ефремова.

Специально просматривал еще раз журнал за три последних года и выписал для себя чуть больше десяти названий — произведений, которые понравились без всяких оговорок. В основном, это произведения уже известных фантастов: такие, как «Шпион в юрском периоде» Геннадия Прашкевича, «Пусть сеятель знает» Игоря Росохватского, «Чужая природа» Дмитрия Биленкина, «Звездный странник» Семена Слепынина и так далее.

Хотелось, чтобы все будущие ваши повести и рассказы были сделаны на таком уровне, чтобы в фантастических произведениях в полную силу ставились и разрешались злободневные вопросы современности. Хотелось бы видеть очерки о творчестве писателей-фантастов, о их замыслах. И еще можно предпринять одно новшество: печатать отрывки из новых фантастических повестей и рассказов, чтобы держать любителей этого жанра в курсе того, что делается и пишется. Желаю

вам сделать свой раздел «Мой друг — фантастика» еще увлекательнее!

Сергей
ТАРАСОВ
Новосибирская область

Мамонтов? — Сколько угодно!

«Могли ли быть мамонты на Урале и находили ли кто-нибудь останки этих громадных животных?» — спрашивает в своем письме машинист турбины ГРЭС В. Швецов из города Раздан Армянской ССР.

...Студент Валерий Алексеев приехал отдохнуть на каникулы в родной город Тавду. Выкупавшись и растянувшись на берегу реки, он заметил странный корень, торчавший из-под земли. Потрогал — не поддается. Валерий не поленился сходить за лопатой. В «раскопки» включились все отдохнувшие и через несколько часов откопали... мамонта: из-под земли извлечены позвонки, ребро, череп. Останки животного располагались на глубине четырех-пяти метров. Тавда, наступая, размывала срез берега и обнажила кости. Год назад в этих местах были найдены бивни друтого мамонта.

А на окраине поселка Лопатково в Ирбитском районе Свердловской области двое рабочих, копая яму под столб электросети, на глубине около двух метров обнаружили кость доисторического животного. Интересно, что в 1972 году здесь же в слое глины найден зуб мамонта весом 3,5 килограмма...

Такие находки на Урале не редкость.

Необыкновенный человек

Если бы смерть действовала по справедливости... Почему она забрала именно Боря Никонова? Сколько хорошего смог бы сделать этот необыкновенный человек...

Прочитала его «Дивногорские этюды» в вашем журнале — и словно чистой воды напилась из лесного родника. Готова плакать от непонятной тоски и зависти — не пугайтесь: зависть это не черная. Я позавидовала душевному миру Бори Никонова, в котором столько тепла, доброжелательности. Сама почти ровесница этому юноше, я не перестаю удивляться, как он смог, сумел, неподвижно пролежав на больничной койке всю свою юность, не отчаяться, не предаться безысходности, обреченности, а напротив — сохранил и передал чистое светлое мироощущение. Счастье — увидеть мир его глазами; после его рассказов хочется жить, дышать, делать хорошее людям. Откуда он взялся — такой мудрый и добрый писатель?

К счастью, смерть не властна над памятью. Боря Никонов будет жить — во мне, в своих друзьях, в своих читателях, которые познакомились с редким и щедрым талантом.

В предисловии к «Дивногорским этюдам» написано, что опубликована лишь небольшая часть произведений Бориса Никонова. Если это возможно, опубликуйте в журнале все, что он успел написать.

Татьяна
ИСАКОВА
Свердловск

Изобретателю радио

Великий русский ученый, изобретатель беспроводного телеграфа — радио А. С. Попов родился на Урале в поселке Турьинские Рудники (ныне — город Краснотурьинск Свердловской области), жил в Екатеринбурге (Свердловске), когда учился в духовном училище.

В Свердловске, в сквере близ Главпочтамта, недалеко от дома, где жил знаменитый земляк, установлена бронзовая скульптура. На высоком гранитном постаменте в задумчивой позе сидит А. С. Попов. Справа от него — его изобретение, которое открыло новую эру в электротехнике и связи.

Автор скульптуры — свердловский скульптор В. Егоров.

Фото В. Долганина

Зыряновский музей

В курортной зоне близ Уфы в просторном павильоне справил новоселье народный этнографический музей.

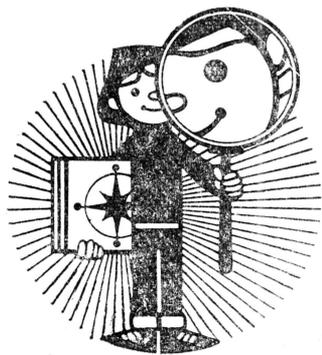
Пенсионеры супруги Наталья Сергеевна и Сергей Алексеевич Зыряновы много лет собирают старинную одежду, утварь, орудия сельскохозяйственного труда... Коллекция Зыряновых — тысячи подлинных экспонатов — и стала экспозицией музея.

Проектировщики Уфы на общественных началах спроектировали, а строители соорудили павильон, в котором разместился музей.

Биосферные заповедники

ЮНЕСКО (комитет Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) осуществляет программу «Человек и биосфера». В рамках этой программы состоялось заседание Международного координационного совета. На нем было принято решение о создании на нашей планете широко разветвленной всемирной сети биосферных заповедников. В них будет охраняться все живое и проводиться исследования по охране окружающей среды.

В СССР биосферные заповедники будут созданы на Кавказе, в дельте Волги и в тундре.

МИР

на лагони

Во все века аристократы, гордясь своей уходящей в глубину веков родословной, именовали себя людьми с голубой кровью. Как бы оскорбились они, узнав, что у восточного побережья США живет настоящий аристократ — краб-подкова. Его родословная — 200 миллионов лет, а кровь — ярко-голубого цвета.

Пять лет назад власти штата Массачусетс учредили специальную премию за

Краб-аристократ

каждого пойманного краба-аристократа, потому что он уничтожал промысловых моллюсков и ранил купальщиков.

Бедный краб едва ли бы выжил, если бы на него не обратили внимание ученые. Оказалось, что вытяжка из его «аристократической» крови чрезвычайно чувствительна к ядам, из-

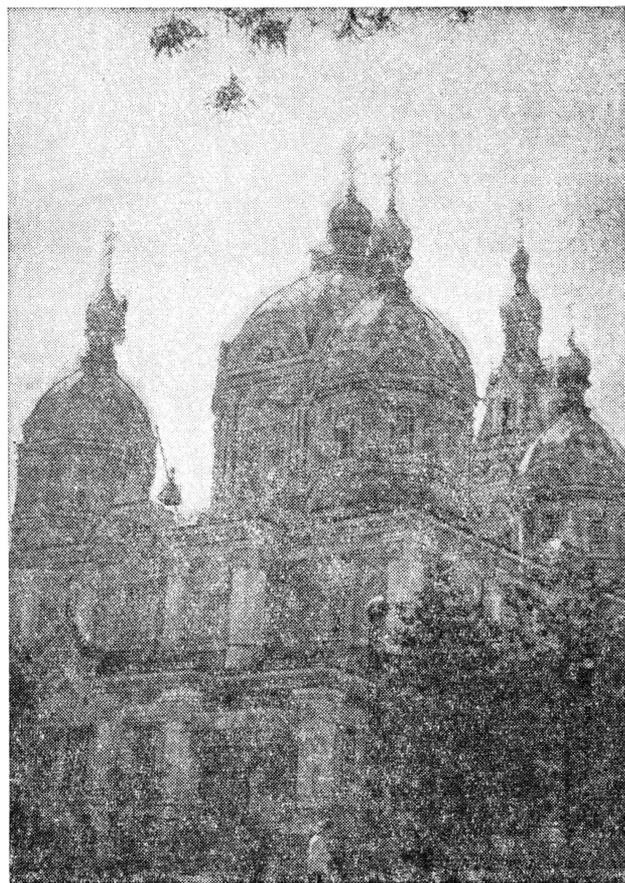
вестным в науке под названием эндотоксинов.

Новые медицинские препараты, в том числе и сыворотки, обычно испытывают на кроликах. Но кровь краба-подковы оказалась в 10 тысяч раз более чувствительна к эндотоксинам, чем кровь кролика.

Полученные из голубой крови препараты сейчас ис-

пользуют для контроля загрязненности вод. Они помогли узнать точное распределение бактерий в океанах.

Власти штата Массачусетс отменили принятое пять лет назад постановление о ловле крабов с голубой кровью.

Деревянный богатырь

В 1887 году землетрясение разрушило Верный. Город распался, как потешные домики из палье-маше.

Молодой офицер, инженер А. Зенков предложил тогда новый метод строительства в сейсмоопасном районе — укреплять фундаменты цементом и металлом, прокладывать подземные рвы, заполненные гравием, чтобы тушили они толчки...

Главный архитектор Верного А. Зенков выстроил новый город не только прочно стоящим на ногах, но и броской внешности.

Лебединой песней Зенкова был кафедральный собор. Он строил его из тянь-шанских елей три года. И молва о деревянном богатыре, взметнувшемся на 48 метров, передавалась от дедов к внукам.

Он открывается сразу, вынырнув из зелени парка, как терем из сказки. Кто не знает, что здание деревянное, видит каменную мощь его стен — так искусно наложена штукатурка. И изнутри собор великолепен.

Вновь грохнуло землетрясение в Верном в 1911 году. Казалось, вот-вот рухнет колокольня собора — так мотало ее из стороны в сторону. Но деревянный богатырь выстоял!

В современной красивой многоэтажной Алма-Ате деревянный собор, где размещается теперь Центральный государственный музей Казахстана, не потерял своего архитектурного великолепия. Два года здесь работали реставраторы. И теперь мы видим собор таким, каким он был задуман в начале века замечательным русским зодчим Андреем Зенковым.

Фото Г. Переплетчикова

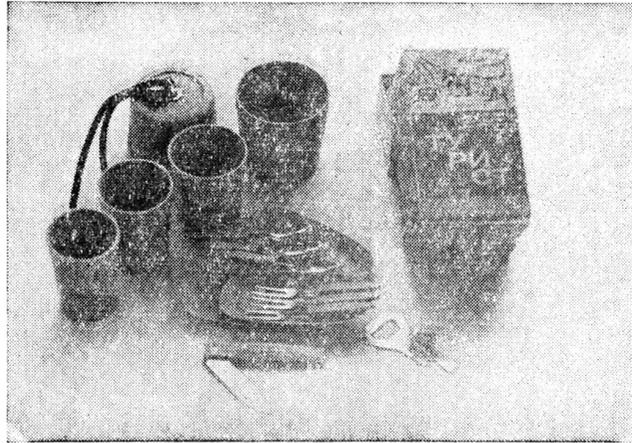

Туристский сервис

На Свердловском инструментальном заводе освоен выпуск туристских столовых наборов. Рассчитанный на троих, походный сервис удобен и хорош, в нем вроде есть все, что пригодится в лесу, на плоту, в горах...

Посуда сделана из полистирола, вилки и ложки — из нержавеющей стали. Весь набор укладывается в небольшой футляр с ручкой.

Фото Н. Морозова

Великая

Японская стена?

Рост скоростей движения на железных дорогах Японии причиняет немалое беспокойство тем, кто живет близ железнодорожного полотна.

Исследования показали, что с удвоением скорости шум от поезда увеличивается на 6—10 децибел.

Две японские железнодорожные компании под давлением общественности вынуждены начать строительство двухметровых железобетонных стен вдоль 257-километровой скоростной железнодорожной линии. Рассчитанная на три года, работа обойдется в 115 миллионов фунтов стерлингов.

Города

меняют лица

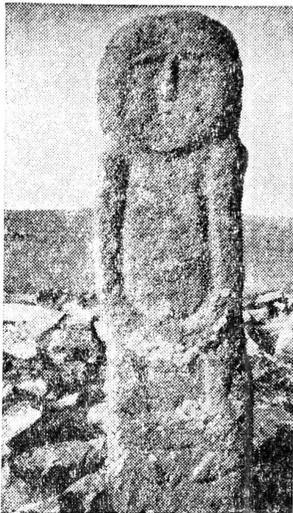
В полном собрании законов Российской империи сохранилось описание гербов городов Тобольского наместничества, учрежденных в 1782 году.

«В синем поле серебряная река с пльвущим по ней натурального цвета, с золотой мачтою судном называемым дощаником: в знак того, что от сего города начинается плавание по рекам, по всей Сибирской с везущими из России товарами» — это герб Тюмени.

А на гербе Березова изображали просто «В серебряном поле три дерева берез, в знак имени сего города».

Время внесло коренные изменения в облик городов Тюменской области. У каждого из них появилась своя новая характерная черта.

Тюмень стала административным и научно-техническим центром нефтегазовых районов Сибири, а в Сургуте построена крупнейшая на Обском севере ГРЭС. Она работает на природном газе, получаемом попутно с нефтью. Именно в Березово 23 сентября 1953 года ударил первый в Сибири мощный фонтан природного газа.

Долина идолов

Первый такой каменный идол был найден в 1885 году в Казахстане близ селения Мерке на кургане Сим-Тюбе. Через несколько лет там было обнаружено еще 15 каменных баб.

В наши дни юные геологи Мерке насчитали в долине Сандык 50 древних изваяний.

Сын-таши, или каменные образы умерших, скорее всего — надгробные памятники. Возраст их — 16—25 столетий.

Индийская кокани

Небольшая стая редких рыб кокани обнаружена в маленьком озере на Камчатке. До сих пор в нашей стране было известно лишь два места обитания этой ценной рыбы, которая широко распространена в озерах Северной Америки, где ее искусственно разводят.

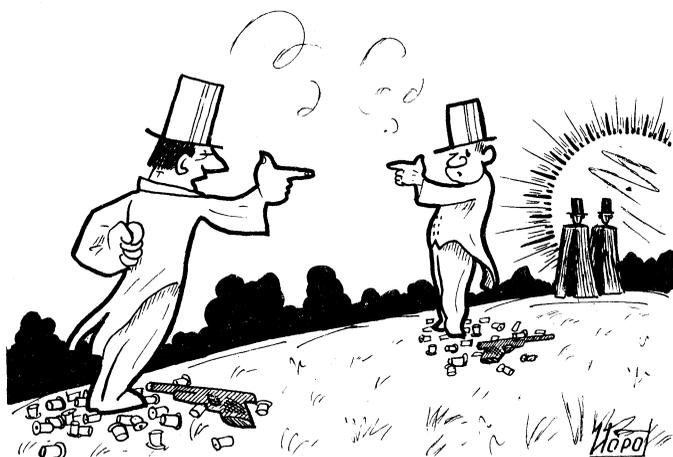
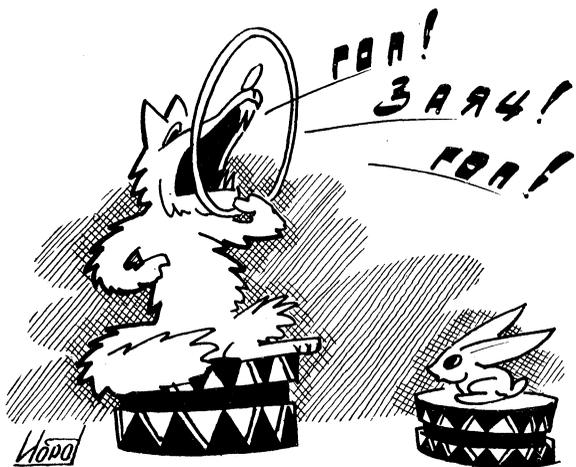
Не зажарьте радиокартошку!

Каждый третий клубень картофеля не доходит до потребителя из-за поврежденных, полученных при уборке, сортировке и хранении. Ответить на вопрос, когда и где это происходит, поможет... фальшивая картофелина, сконструированная английскими инженерами. Обычный теннисный мячик наполняется тормозной жидкостью, в ней находятся датчик давлений, миниатюрный радиопередатчик.

Как и другие клубни, радиокартошку ударяют, трясут, сжимают, перекачивают. Но все эти передряжки записываются на магнитной ленте, которую потом изучают специалисты.

Осталась нерешенной только одна проблема — как разыскать фальшивый клубень в тоннах обычной картошки.

Рисунки
В. Васильева
и К. Ибрагимова

Это было в 1902 году. Командир казачьей сотни хорунжий Михаил Трофимов отказался усмирять чинтинских рабочих. Более того, когда каратели решили жестоко расправиться со стачечниками, он выстрелом из пистолета убил жандармского полковника.

Трофимов бежал за границу, в Абиссинию. Там он серьезно увлекся садоводством, разведением кофе, стал даже государственным агрономом.

Через 15 лет Трофимов вернулся в Россию — прямо на русско-германский фронт. В сентябре 1917 года офицер царской армии Трофимов вступил в партию большевиков. Затем — гражданская война, белогвардейский плен, чапаевская дивизия, экспедиции на Крайний Север, гестаповский застенек в Крыму в годы Великой Отечественной войны...

Об удивительной судьбе, о жизни и похождениях, о борьбе и увлечениях М. В. Трофимова рассказывается в очерке Александра АНУШКИНА. Очерк будет опубликован в журнале в 1976 году.

В портфеле редакции немало других краеведческих материалов. Так, очерк Светланы СЕМЕНОВОЙ посвящен жизни и творчеству художника и камнереза А. К. Денисова-Уральского. А. А. Борисов увековечил свое имя на карте Арктики — он был полярным исследователем. Но он был и известным живописцем. О его жизни и путешествиях пишет Сергей ПОПОВ.

В 1962 году «Уральский следопыт» напечатал очерк Якова Резника «Сказ о невыдуманном Левше», сказ о замечательном уральском кудеснике Александре Сысолятине. В новой очерке Я. РЕЗНИКА «Сказ о Левше продолжается» читатели познакомятся и с другими мастерами микроминиатюры — с Сядристым из Киева, с Доцковским из Оренбурга, с Казаряном из Еревана.

Слово вулкан сразу вызывает у нас в памяти картину Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Две тысячи лет назад погиб этот город. Перечень потерь, понесенных с тех пор человечеством от вулканов, занял бы, наверное, десятки страниц. Только в нашем столетии произошло уже более тысячи извержений. Современные ученые отважно исследуют вулканы.

Об экспедиции советских ученых к разбушевавшемуся вулкану Тятя рассказывается в очерке «В гости к Тятю».

Читайте в 1976 году

НАПОМИНАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ, ЧТО В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ НАШ ЖУРНАЛ ПОЧТИ НЕ ПОСТУПАЕТ. СОВЕДУЕМ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ, КОТОРАЯ ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО.

НАШ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» — 73413.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 РУБ. 60 КОП.

